№ 3.

МАРТЪ

1871 ГОДЪ.

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

Содержаніе:

Прогулка по Капской землѣ . . . 1
Годъ Лопаря 36
Пчелы 52
Волкъ 66
Молнія и громъ 75
Маленькій волшебникъ 81
Ласточки 88
Мыльные пузыри 103
Игры и занятія:
1. Шахматы 108
2. Угадать взятую вещь 110
Приложенія:
1. Отдыхъ среди поля, хромол.
2. Таже картинка черная.
3. Малороссійская деревня.
4. Тѣни для вырѣзанія.
5. Шахматы съ шах. доскою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Л. СИМАШКО.

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 3. МАРТЪ 1871 г.

САКНТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.Петербургъ, 30 Апрѣля 1871 года.

ПРОГУЛКА ПО КАПСКОЙ ЗЕМЛѢ.

Однажды утромъ, когда я спокойно завтракалъ (въ обществѣ моей собаки), ко мнѣ въ комнату вошелъ мой сосѣдъ Гейнрихъ Смитъ, костюмъ котораго привелъ меня въ крайнее изумленіе.

Куртка и панталоны изъ бѣлаго полотна, красная фланелевая рубаха, желтые кожаные штиблеты, шляпа изъ коры алоэ, похожая на каску пожарнаго и окруженная синимъ вуалемъ; на перевязи ружье; передъ куртки унизанъ въ симметрическомъ порядкѣ длинными тонкими булавками; черный кожанный кушакъ, къ которому было привѣшано съ полдюжины маленькихъ пустыхъ пузырьковъ; на спинѣ ботаническая сумка *); на боку фляжка; на груди подзорная труба; въ рукахъ сѣтка для бабочекъ. Изъ одного изъ многочисленныхъ кармановъ, повидимому наполненныхъ маленькими пакетиками, высовывалась длинная деревянная трубка.

«А, здравствуйте!» сказалъ я. «Куда отправляетесь вы со всѣми этими снарядами?»

— Мой милый, я сейчасъ отправляюсь въ большую прогулку и ваши друзья, братья Мартсоны, поручили мнѣ просить васъ присоединиться къ намъ. Ну, рѣшайтеся скорѣй! я увѣренъ, что будетъ весело и интересно; особенно для васъ, такъ какъ вы хорошо употребляете ваши глаза въ дѣло, когда вы на чистомъ воздухѣ; скажите только дома, что вы не вернетесь нѣсколько дней, и—идемъ.

*) Жестяная коробка, въ которую кладутъ растенія.

«Я къ вашимъ услугамъ», отвѣчалъ я, вскочивъ со стула. «Ничто не можетъ доставить мнѣ больше удовольствія, какъ экспромтомъ устроенная прогулка. Я только захвачу табакъ и идемъ».

Я одѣлся въ болѣе легкій костюмъ, наполнилъ табакомъ большой кисетъ изъ кротовой кожи, привѣсилъ сбоку небольшую бутылку коньяку (это было необходимо, какъ я уже зналъ по опыту), захватилъ немного пороху и дроби, взялъ ружье, позвалъ собаку, и мы отправились къ нашимъ друзьямъ, которые жили въ центрѣ Капштадта.

«Ура!» закричалъ младшій братъ, увидѣвъ меня. «Вотъ и онъ; мы теперь всѣ на лицо. Надѣюсь, что ты принесъ намъ добрый запасъ веселости, цыганъ? Мы хотимъ веселья, тѣмъ болѣе, что Карлъ получилъ вчера свое жалованье, на которое мы и думаемъ покутить. Я полагаю, что такимъ хорошимъ, взбалмошнымъ, немного сумашедшимъ господамъ, какъ мы, это должно удасться. Что ты на это скажешь, трубадуръ?»

— Я скажу,—отвѣчалъ я со смѣхомъ, что это должно намъ удасться наилучшимъ образомъ; но я бы хотѣлъ знать, куда мы идемъ.

«Мы идемъ,» отвѣчалъ Карлъ, старшій братъ, «отчасти куда глаза глядятъ. Но такъ какъ ты съ нами, то я предлагаю познакомить тебя съ нѣкоторыми частями и окрестностями города, которыхъ ты еще не знаешь. Затѣмъ мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ въ Веллингтонъ, а оттуда отправляемся бродить по горамъ. Согласенъ?»

— Разумѣется; и я разсчитываю на то, что вы мнѣ дадите всѣ свѣдѣнія, которыя я пожелаю имѣть: вы знаете, что мои любимые вопросы—«какъ?» и «почему?»

«По рукамъ! А теперь въ дорогу; начнемъ съ *волноразбивателя.*»

Мы направились къ гавани, и здѣсь намъ представилась такая дивная картина, какую рѣдко можно встрѣтить. Погода была великолѣпная; ни одного облачка на жгучей синевѣ неба, отражавшейся въ неподвижномъ морѣ. Сверкающее солнце освѣщало полнымъ блескомъ маленькіе паруса рыбачьихъ лодокъ, пересѣкавшихъ горизонтъ, и давало дальнимъ нескамъ необыкновенно красивый и разнообразный оттѣнокъ.

Большая *Столовая бухта* (Table-Bay)—одна изъ самыхъ красивыхъ бухтъ и можетъ даже соперничать въ красотѣ съ столь хваленой Неапольской бухтой.

Нѣсколько большихъ, просторныхъ военныхъ кораблей, неподвижные, съ убранными парусами, лѣниво покачивались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, точно большіе черные лебеди, которые, поджавъ лапки, заснули посреди моря, безмятежно предаваясь своимъ сладкимъ мечтамъ. Совершенно спокойное море, казалось, не смѣло шевельнуться, боясь ихъ разбудить, а огромныя бѣлыя птицы съ громадными крыльями величественно кружились вокругъ нихъ, внезапно опускаясь въ блестящую воду, чтобы схватить какую нибудь злополучную рыбу, высунувшую свой носъ изъ воды.

Однако здѣсь тишь бываетъ довольно рѣдко. Обыкновенно же море бурно и бухта опасна. Я самъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ зрителемъ ужасной бури, тифона, который въ самой гавани выбросилъ на берегъ семнадцать кораблей, затопилъ два парохода, разрушилъ около тридцати барокъ и погубилъ около шестидесяти человѣкъ.

Такъ какъ рейдъ не позволяетъ грузовымъ кораблямъ средней величины подходить близко къ берегу, то къ нимъ подходятъ обыкновенно на яликахъ, въ которыхъ, если вѣтеръ силенъ, можно промокнуть до костей. Этотъ маленькій переѣздъ въ бурную погоду даже опасенъ, и случается, что лодочники на-отрѣзъ отказываются перевозить. Французскій консулъ, желая однажды послать якорь одному кораблю, потерявшему свой, долженъ былъ заплатить 12,000 франковъ (3,000 руб.) за маленькій, часовой переѣздъ. Поэтому корабли боятся останавливаться тамъ и спѣшатъ обогнуть этотъ опасный и страшный мысъ, — мысъ Бурь,—такъ часто для нихъ гибельный.

Для защиты гавани, начали строить волноразбивательное сооруженіе (brise-lames), состоящее изъ груды камней, возвышающихся нѣсколько внѣ гавани и надъ поверхностью воды, для того, чтобы разбивать волну и мѣшать гонимому вѣтрами морю врываться съ силой въ гавань и производить здѣсь поврежденія или разрушенія. Волноразбиватель Столовой бухты—громадная, колоссальная постройка. Работы производятся бѣлыми и черными преступниками, осужденными на каторжныя работы.

Сюда-то мы и направились, чтобы посмотрѣть на работы и особенно на рабочихъ, наиболѣе меня интересовавшихъ.

Черные работники тамъ въ большемъ числѣ, чѣмъ бѣлые; особенно Кафры, рослые, красивые, сильные малые, съ грубой, нахальной физіономіей, смотрѣвшіе на насъ въ одно и тоже время насмѣшливо и грозно, и не обращавшіе особеннаго вниманія на замѣчанія сторожей, которые совѣтывали намъ не слишкомъ близко подходить къ нимъ.

«Иногда, разсердившись», говорили они намъ, «они не задумаются пустить большой камень въ голову любопытныхъ, если имъ покажется, что они смѣются надъ ними».

— Посмотрите-ка, Луи, на этого большаго негра, который, кажется, желаетъ васъ съѣсть; ему стоитъ только протянуть свою длинную руку и онъ раздавитъ васъ какъ блоху,—сказалъ мнѣ Смитъ, намекая на мой маленькій ростъ.

«Да,» отвѣчалъ я; «но не думаю, чтобы онъ началъ съ меня, возлѣ котораго сидитъ водолазъ. Тогда какъ вы, съ вашей бутылкой и вашими пузырьками, которые онъ вѣрно принимаетъ за украшенія, напоминаете ему его народъ и славное время свободы.»

— Мнѣ хочется предложить ему немного водки; я увѣренъ, что онъ не откажется..

Ему помѣшали исполнить это желаніе сильный взрывъ и крики: «спасайтесь!» Инстинктивно мы бросились на землю позади груды большихъ камней; и хорошо сдѣлали, потому что черезъ секунду огромный кусокъ скалы разбился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы только что стояли. Я посмотрѣлъ вокругъ себя, чтобы узнать что это такое, и увидѣлъ, что мы находимся въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кафры взрываютъ порохомъ скалы. Они просверливаютъ глубокую дыру въ камнѣ и наполняютъ эту дыру порохомъ; Кафръ зажигаетъ его, въ ту же минуту отбѣгая въ сторону такъ быстро, какъ только можетъ. Обломокъ скалы, упавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, былъ именно оторванъ порохомъ.

Разорванный на куски камень кладется на вагонъ, который двигается по рельсамъ, проложеннымъ на довольно большомъ пространствѣ надъ поверхностью моря. Вагонъ этотъ доходитъ до конца рельсовъ при помощи небольшой паровой машины;

здѣсь вагонъ наклоняютъ на бокъ и камень съ шумомъ падаетъ въ воду, послѣ чего вагонъ снова возвращается къ мѣсту ломки за новымъ грузомъ камней и т. д., до тѣхъ поръ, пока разстояніе между водой и рельсами не наполнится. Этотъ трудъ требуетъ многихъ лѣтъ и многихъ милліоновъ денегъ, но принесетъ уже мало пользы Колоніи, такъ какъ теперь открылся болѣе краткій и менѣе опасный для кораблей путь—Суэзскій перешеекъ и Красное море.

Бѣлые преступники занимаются прорытіемъ бассейновъ, въ которые входятъ корабли (занимая, какъ лошади въ конюшнѣ, каждый свое мѣсто). Эти несчастные не такъ нахальны, какъ ихъ черные товарищи, и потому они прячутся, стараясь укрыться отъ взоровъ любопытныхъ посѣтителей. (Впрочемъ,—по весьма естественному человѣческому чувству,—послѣдніе инстинктивно избѣгаютъ явно наблюдать ихъ). Всѣ они носятъ платье изъ сѣрой холстины; на спинѣ нашитъ нумеръ, которымъ они намѣчены; волосы ихъ острижены подъ гребенку, а на плечѣ страшное клеймо отъ раскаленнаго желѣза.

Осмотрѣвъ все и простившись съ инженеромъ, наблюдающимъ за работами, мы наняли лодку, взявъ гребцами двухъ Малайцевъ; они черезъ нѣсколько часовъ подвезли насъ къ берегу маленькаго острова, находящагося при самомъ входѣ въ бухту, и называемаго *Robben Island* (Разбойничій островъ).

Островъ этотъ имѣетъ странное назначеніе: онъ служитъ жилищемъ для прокаженныхъ и сумашедшихъ.

Проказа сильно распространена между неграми, которые кончаютъ тѣмъ, что представляютъ видъ одной отвратительной открытой раны. Сумашествіе же распространено въ довольно значительной степени по всѣму свѣту, между бѣлыми и черными. Вслѣдствіе этого и здѣсь построили обширное заведеніе (находящееся подъ вѣдѣніемъ доктора спеціалиста), служащее для однихъ—сумасшедшимъ домомъ, для другихъ—больницей. Мы посѣтили это заведеніе и видѣли нѣсколько несчастныхъ: иные плакали, другіе чесались, всѣ были грустны и угрюмы. Одинъ изъ нихъ воображалъ себя слономъ и постоянно старался поймать носомъ все, что ему давали. Ему должны были сдѣлать стаканъ въ видѣ тонкой трубки, такъ какъ, употребляя обыкновенный стаканъ, онъ погружалъ въ него носъ и вдыхалъ жид-

кость до тѣхъ поръ, пока не задыхался. Изъ трубки же онъ пилъ ртомъ, какъ всѣ другіе; къ счастью, ему не приходила мысль запихать трубку въ ноздри.

Впрочемъ, въ этомъ заведеніи нѣтъ ничего особенно интереснаго. Выйдя отъ сумашедшихъ, мы вздумали посѣтить нѣсколькихъ предводителей Кафровъ, которые когда-то бунтовались и были заключены на островъ, чтобы научиться покорности. Однако большая часть изъ нихъ предпочла лучше остаться и умереть на немъ, чѣмъ подчиниться. Эти старые начальники выстроили себѣ изъ бревенъ круглыя хижины, покрытыя сверху вѣтками и листьями, и до того низкія, что въ нихъ нельзя было стоять во весь ростъ. На всемъ протяженіи маленькаго острова не встрѣчали они никого и ничего, кромѣ множества кроликовъ, размножающихся тамъ чрезвычайно быстро. Я забавлялся во время прогулки охотою за ними, къ большой досадѣ Смита, находившаго, что не стоитъ тратить пороха на такую дрянную дичь, но къ большой радости Кафровъ, которымъ я подарилъ ихъ и которые горячо благодарили меня за вкусное блюдо.

Такъ какъ на всемъ островѣ эти почтенные старцы не встрѣчаютъ никого кромѣ кроликовъ, то весьма понятно, что они не особенно гоняются за послѣднею модою, и почти всѣ въ весьма простыхъ костюмахъ, состоящихъ изъ обрывка панталонъ, обвязаннаго у таліи, или изъ тряпки, покрывающей голову; попадались даже такіе, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ собачьяго ошейника, надѣтаго на шею, деревянной трубки и маленькой коробочки для спичекъ, продѣтой въ широко-проколотыя уши. Послѣднюю принадлежность костюма можно справедливо назвать соединеніемъ полезнаго съ пріятнымъ. Находясь даже и въ другомъ обществѣ, островитяне не особенно стѣсняются, такъ напр.: одинъ изъ начальниковъ Кафровъ явился однажды въ гости къ капитану одного военнаго корабля, одѣтый въ трех-угольную шляпу и въ старый фракъ морскаго офицера—и больше ничего. Одинъ изъ этихъ простодушныхъ стариковъ, видя, что я курю, попросилъ меня по голландски подарить ему нѣсколько спичекъ; я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ ихъ, и такъ какъ онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво, то я показалъ ему мое огниво, кремень и трутъ и досталъ при немъ

огня. Его тупое удивленіе перешло въ безумную радость, когда я объяснилъ ему, что дарю ему это огниво. Онъ бросился на колѣни и поклонился мнѣ разъ двадцать, поднимая при этомъ руки; послѣ чего всталъ и принялся выполнять одинъ изъ самыхъ уморительныхъ танцевъ, нанося самому себѣ цѣлый рядъ ударовъ ногами, — и все это съ необыкновенной граціей. Я ушелъ, осыпаемый благословеніями. Мы снова усѣлись въ нашу лодку и возвратились въ Капштадтъ, откуда поспѣшили отправиться на станцію желѣзной дороги. Мы прошли при этомъ пѣшкомъ часть города, къ большому удовольствію маленькихъ негровъ, не пропустившихъ случая посмѣяться надъ нашими нѣсколько странными костюмами и постоянно слѣдовавшихъ за нами, къ большой досадѣ юнаго Жоржа Марстона. Онъ время отъ времени бросался на негритенка, попадавшагося ему подъ руку. Негритенокъ обращался въ бѣгство, визжа какъ собака; но черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого онъ опять уже былъ на своемъ мѣстѣ, начиная дурачиться и насмѣхаться еще больше прежняго и дѣлая гримасы, которымъ позавидывала бы обезьяна.

Мы проходили по широкимъ и прямымъ улицамъ. Всѣ дома были каменные, хорошо выстроенные, по большею частью покрытые соломенными крышами. Сначала я удивлялся этому обычаю, вслѣдствіе котораго строенія принимаютъ такой жалкій видъ, но скоро убѣдился въ его основательности. Въ жаркихъ странахъ солома удивительно защищаетъ отъ жары, тогда какъ аспидныя крыши, кажется, нарочно выдуманы для того, чтобы доводить мозгъ до температуры кипѣнія.

Городъ освѣщенъ газомъ, зажигающимся только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ лунаго свѣта. Онъ имѣетъ великолѣпную публичную библіотеку, нѣсколько коллегій (гимназій), изъ которыхъ одна устроена спеціально для Кафровъ, маленькій естественно-историческій музей, имѣющій нѣсколько отличныхъ и интересныхъ экземпляровъ, и большой ботаническій садъ — прекрасное мѣсто для прогулки, гдѣ военная гарнизонная музыка играетъ два раза въ недѣлю. Кромѣ этого, городъ часто оживляется большими ярмарками и выставками земледѣльческихъ произведеній.

Изъ всего этого видно, что это веселый, дѣятельный городъ. Но дѣятельность его простирается впрочемъ только до извѣст-

ной степени, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакой промышленности; въ немъ не выдѣлывается даже глиняной посуды. Слѣдовательно, всѣ обработанные продукты должны быть вывозимы изъ Европы и, вслѣдствіе постановленій о ввозѣ и вывозѣ, стоятъ очень дорого. Шерсть, бумага, табакъ, страусовыя перья,—вотъ произведенія Капской земли. Но для того, чтобы имѣть ихъ въ обработанномъ видѣ, необходимо посылать ихъ прежде въ Англію для выдѣлки.

Мы перешли черезъ *Green-Point* (зеленая вершина), миновали ея маякъ и обогнули подножье *Львиной горы*, называемой такъ потому, что она дѣйствительно имѣетъ форму лежащаго и раздѣленнаго на двѣ части льва: первая часть, голова, представляетъ безплодную скалку, заселеную хищными звѣрями, а вторая, туловище льва,—гора, покрытая зеленью, на вершинѣ которой помѣщается цѣлая система сигналовъ, служащихъ для объявленія о приходѣ кораблей, ихъ національности, флага и достоинства. Возлѣ этихъ сигналовъ стоитъ маленькій домикъ, въ которомъ живетъ сторожъ, старый Готентотъ. Въ былое время онъ жилъ съ своей женой, которая помогала ему въ его безпрестанныхъ наблюденіяхъ. Но она умерла, и старикъ остался совершенно одинъ, съ постоянно устремленнымъ на горизонтъ взглядомъ. Зрѣніе его достигло такой тонкости, что когда другіе должны употреблять подзорную трубу, чтобы различить только форму корабля, онъ можетъ уже опредѣлить его флагъ. Странная однако должна быть жизнь на вершинѣ горы, часто окруженной облаками, жизнь, проходящая въ постоянномъ разсматриваніи горизонта, и въ полномъ незнаніи того, что дѣлается внизу, въ веселомъ, оживленномъ городѣ!

Наконецъ мы пришли на станцію желѣзной дороги, взяли билеты въ *Парль* и помѣстились довольно неудобно въ узенькомъ и душномъ какъ печь вагонѣ.

«Какъ пріятно оставить городъ», заговорилъ Карлъ, обмахиваясь платкомъ; «легкимъ нуженъ свѣжій воздухъ, а здѣсь глотаешь только пыль, эту противную красную пыль, которая все портитъ и такъ проникаетъ сквозь платье, что постоянно кажешься закопченнымъ, будто сейчасъ вышелъ изъ огня».

— Ахъ, какъ хорошо будетъ въ горахъ,—сказалъ Жоржъ, растягиваясь во всю длину скамейки.—Я предупреждаю васъ,

господа, что въ эти дни я намѣренъ превратиться въ настоящаго дикаря; поэтому не удивляйтесь тому, что я буду дѣлать».

«Что касается до меня», отвѣчалъ Смитъ, «я разсчитываю на хорошую охоту; я натуралистъ и при всевозможныхъ обстоятельствахъ останусь имъ. А вы, молчаливый трубадуръ, что разсчитываете вы дѣлать?»

— Я, въ качествѣ артиста,—отвѣчалъ я—удовлетворюсь тѣмъ, что буду пользоваться своими глазами, ушами, ногами и табакомъ».

«Совершенно вѣрно. Артисты — это народъ ни къ чему не годный», замѣтилъ Смитъ, пожимая плечами съ видомъ сожалѣнія.

— Очень можетъ быть, — возразилъ я; — тѣмъ не менѣе, другъ Смитъ, я берусь увеличить вашу коллекцію, настрѣлять много дичи, утомить васъ прогулками, сдѣлать нѣсколько эскизовъ, если будетъ нужно—возстановить ваше хорошее расположеніе духа, и во всякомъ случаѣ наблюдать съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ вы всѣ трое вмѣстѣ. Неужели вы скажете послѣ этого, что артисты ни къ чему не годны?

«Посмотримъ», сказалъ недовѣрчивый Смитъ, вынимая нѣсколько свертковъ изъ своихъ широкихъ кармановъ. «Фанфаронъ, какъ и всѣ французы»! проворчалъ онъ сквозь зубы.

Карлъ, уставшій отъ прогулки по солнцу, закрылъ глаза и началъ дремать. Жоржъ, продолжая лежать въ растяжку, вытащилъ изъ кармана книгу со стихами и принялся читать, жестикулируя, какъ старинный телеграфъ, на тѣхъ мѣстахъ, которыя ему особенно нравились. Смитъ тщательно укладывалъ въ свою ботаническую сумку маленькіе, пробочные квадратики; а я, куря папиросу, принялся смотрѣть въ открытое окно на окрестный ландшафтъ.

Поѣздъ двигался медленно, и я имѣлъ довольно времени разсмотрѣть прелестную мѣстность, окружающую городъ. Красивыя виллы и прекрасныя помѣстья, окруженныя лѣсами и великолѣпными садами, занимали часть подошвы Столовой горы, широкая и плоская вершина которой была покрыта въ данную минуту густымъ бѣлымъ облакомъ; явленіе это бываетъ лѣтомъ почти постоянно при юго-восточномъ вѣтрѣ; облако это называется *столовою скатертью.*

Между прочимъ я замѣтилъ великолѣпное помѣстье *Нью-*

лэндъ (Newlands, Новая Земля), выстроенное для императора Наполеона I. Сначала былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы послать его въ Капскую землю, и только тогда, когда домъ былъ уже совершенно готовъ, англичане спохватились и замѣтили какъ легко могъ бы убѣжать отсюда плѣнникъ, и отослали его на островъ св. Елены. Всѣ окрестныя дороги окаймляются столѣтними дубами, насаженными Голландцами, первыми основателями Капской колоніи. Благодаря густой тѣни этихъ дубовъ, можно гулять тамъ днемъ, несмотря на сильную жару. Англичане мало по малу срубаютъ эти дубы для строеваго лѣса; они къ несчастью не сохранили древняго голландскаго закона, предписывавшаго сажать два дерева вмѣсто одного срубленнаго.

Поѣздъ мало по малу удалялся отъ населенныхъ мѣстностей и проходилъ черезъ большія степи, болота, пески, потомъ черезъ невоздѣланныя и дикія пространства, черезъ лѣса большихъ австралійскихъ сосенъ съ высокими, голыми стволами, оканчивающимися широкими зонтиками изъ темныхъ листьевъ. Наконецъ къ вечеру мы пріѣхали въ маленькій городъ—*Парль* (Paarl).

Первою нашею заботою было найти гостинницу, гдѣ бы мы могли поужинать и переночевать. Мы дѣйствительно отыскали нѣчто въ родѣ трактира, содержавшагося уроженцемъ Капштадта, потомкомъ французовъ, г. Дюфоромъ. Французскаго у него было впрочемъ только имя; во всемъ остальномъ онъ былъ чистый голландецъ. Дюфоръ далъ намъ довольно порядочный ужинъ и сообщилъ, что на другой день будетъ выставка земледѣльческихъ продуктовъ и большая продажа лошадей.

«Я остаюсь»! воскликнулъ я; «я давно уже ищу случая купить себѣ хорошую верховую лошадь; теперь представляется мнѣ именно такой случай, такъ какъ Парльскіе торги лошадьми славятся въ колоніи».

— Мнѣ нуженъ заводскій поросенокъ для моей фермы, — сказалъ Карлъ,—я тоже остаюсь.

«Можетъ быть, тамъ найдется нѣсколько хорошихъ экземпляровъ земледѣльческихъ продуктовъ», прибавилъ Смитъ.

— Ну, а такъ какъ вы всѣ остаетесь, — сказалъ Жоржъ,— то останусь конечно и я. Къ тому же я ужасно хочу видѣть хорошенькія глазки, а глазками Малаекъ не слѣдуетъ пренебрегать; я увѣренъ въ томъ, что тоже не буду въ убыткѣ.

Порѣшивъ такимъ образомъ, мы растянулись на кроватяхъ, почти столь же мягкихъ какъ доски, и я скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ, который однако время отъ времени прерывался, благодаря храпѣнію Смита и вздохамъ Жоржа, который, безъ сомнѣнія, старался поймать во снѣ какую нибудь пару хорошенькихъ глазокъ, носившихся передъ нимъ.

На другое утро насъ разбудило солнце. Послѣ завтрака мы отправились на площадь, гдѣ была выставка.

Парль (что по голландски значитъ—жемчужина) маленькій, веселый городокъ, или, лучше сказать, прелестная деревенька, вся засаженная деревьями, съ деревянными тротуарами, населенная преимущественно потомками французовъ. Это не рѣдкость: во всѣхъ частяхъ свѣта есть маленькія французскія колоніи, или по крайней мѣрѣ люди, носящіе, какъ нашъ хозяинъ, французскія имена. Мы объяснимъ въ нѣсколькихъ словахъ причину этого. Нѣкогда существовалъ во Франціи древній законъ, называемый «Нантскимъ эдиктомъ», по которому французскимъ подданнымъ дозволялось исповѣдывать безъ разбора и католическую и протестантскую религію. Позднѣе эдиктъ этотъ былъ отмѣненъ, и протестанты должны были или сдѣлаться католиками, или покинуть отечество. Тѣ, которые предпочли изгнаніе перемѣнѣ религіи, разсыпались по цѣлому свѣту; такимъ то образомъ, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, образовалась и въ Парлѣ маленькая французская колонія.

По дорогѣ я закурилъ сигару и предложилъ Смиту другую.

«Благодарю васъ», отвѣчалъ онъ, «я курю только трубку. Къ тому-же я думаю, что и вы хорошо бы сдѣлали, воздержавшись здѣсь отъ куренія, если не хотите возстановить противъ себя народонаселеніе».

— Какимъ это образомъ?

«Да», сказалъ Карлъ, шедшій впереди меня, «здѣсь запрещено курить съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ большой пожаръ, по неосторожности одного курильщика, бросившаго свою зажженную сигару на тротуаръ, сдѣланный изъ сухаго дерева; тротуаръ загорѣлся и въ свою очередь поджегъ до полсотни деревянныхъ домовъ».

— Но вѣдь теперь выстроены каменные дома,—замѣтилъ я.

«Все равно; память объ этомъ ужасномъ случаѣ осталась, и

ты рискуешь подвергнуться какой нибудь серьозной непріятности, если будешь курить на улицахъ».

— Пожалуй, я брошу, — сказалъ я, бросивъ сигару и старательно погасивъ ее каблукомъ своего сапога;—я жалѣю только, что не зналъ объ этомъ ранѣе: я не потерялъ бы такимъ образомъ такую хорошую сигару.

«Ну, у меня есть сигары въ карманѣ», возразилъ Жоржъ; «если твой запасъ истощится, ты возмешь у меня».

— Очень благодаренъ; я знаю твои сигары; нужно быть жителемъ Капской земли, чтобы быть въ состояніи курить ихъ безъ слезъ.

«Баринъ»! проворчалъ Смитъ. «Ничего не приходится по вкусу этимъ артистамъ; вотъ народъ-то».

Я ничего не возразилъ, но внутренно обѣщалъ себѣ отмстить ему и показать, что *эти артисты* заслуживаютъ нѣсколько меньшаго презрѣнія со стороны *натуралистовъ*.

Выставка была довольно интересна; общій видъ ея былъ очень красивъ. Подъ большими бѣлыми палатками, стоявшими одна возлѣ другой и образовавшими большой квадратъ, были собраны всѣ одушевленныя и неодушевленныя произведенія колоніи. Рожь, маисъ, картофель, потата (большой, сладкій бермутскій картофель), различные овощи, хлопчатая бумага, табакъ, сахарный тростникъ, виноградъ чудовищныхъ размѣровъ, лимоны, арбузы, ананасы, превосходные бананы, гуявы съ гладкою кожицею и тающія какъ кремъ, сладкіе, сочные апельсины, мандарины, бѣлыя фиги, гранаты, кокосовые орѣхи, яблоки, груши, абрикосы, сливы, персики и т. п. Мы купили нѣсколько банановъ, апельсинъ и винограду и тутъ же ихъ съѣли. Затѣмъ мы отправились въ отдѣленіе животныхъ. Тамъ Карлъ разсматривалъ, сравнивалъ, и разсуждалъ о различныхъ достоинствахъ каждаго изъ жирныхъ поросятъ, изъ которыхъ одни спокойно лежали, другіе бродили вокругъ, почесываясь о рѣшотку своей клѣтки и смотря на насъ своими маленькими, прищуренными и безпокойными глазками. Моя собака, не отстававшая отъ меня, вертѣлась около нихъ, поднявъ носъ, и бросалась къ моимъ ногамъ всякій разъ, какъ раздавалось сердитое хрюканье. Наконецъ Карлъ рѣшился купить четырехъ прекрасныхъ поросятъ, съ длинной сѣрой щетиной. Покуда онъ сговаривался съ продавцемъ, я отправился по-

смотрѣть овецъ; на выставкѣ было нѣсколько разновидностей англійской породы. Хотя Капская земля торгуетъ преимущественно шерстью, тѣмъ неменѣе настоящая туземная порода овецъ годна только для мясной лавки. Овцы, которыми теперь ведутъ торговлю, были первоначально вывезены изъ Англіи, а собственно овцы Капской земли принадлежатъ къ породѣ, которая встрѣчается въ Азіи и въ особенности въ Украйнѣ, и которую называютъ овцами «съ курдюками». Хвостъ ихъ чудовищной величины. Онъ представляетъ большой комъ жиру, который у нѣкоторыхъ вѣситъ до 30 ф., и дѣлается такъ толстъ, что положительно мѣшаетъ животному ходить. Сама же овца всегда худа и невзрачна.

Я снова встрѣтилъ Смита и двухъ Марстоновъ въ отдѣленіи, предназначенномъ для винъ. Такъ какъ существуетъ только одинъ вѣрный способъ узнать достоинство вина—это пить его, то мы всѣ вмѣстѣ вошли въ палатку, гдѣ куча любителей толпилась уже около большихъ бочекъ, содержавшихъ въ себѣ различные сорта крѣпкихъ и слабыхъ винъ. Понятно, что мы тоже захотѣли «попробовать и сравнить». А такъ какъ всѣхъ сортовъ было около пятнадцати, то по прошествіи четверти часа мы всѣ четверо находились въ весьма возбужденномъ состояніи, которое выказывалось различно, смотря по характеру каждаго изъ насъ. Карлъ сдѣлался серьезенъ, Смитъ—вялъ и ворчливъ, а Жоржъ принялся прыгать какъ козелъ и слѣдить ва всѣми глазками, проходившими мимо; мнѣ же пришла страшная охота двигаться и выйти на свѣжій воздухъ.

«Пойдемте со мной посмотрѣть лошадей», сказалъ я Карлу, взявъ его подъ руку, «здѣсь душно».

— Пойдемте,—отвѣчалъ онъ;—тѣмъ болѣе, что безъ меня вы навѣрно сдѣлаете какую нибудь глупость и позволите надуть себя барышникамъ. Я васъ предупреждаю,—это такіе мошенники, какъ только можно себѣ представить.

Мы вышли изъ палатки и очутились на большой, разчищенной площади, усаженной деревьями, къ которымъ были привязаны до двухъ десятковъ прекрасныхъ быковъ. Они старались освободиться отъ веревокъ, которыя удерживали ихъ, и сильно бились головами о стволы деревъ, испуская при этомъ жалобный и яростный ревъ. Моя собака, Линда, стала лаять возлѣ

нихъ и скоро получила сильный ударъ ногою по носу, потому что подошла слишкомъ близко къ громадному черному быку, который такъ забилъ свой рогъ въ дерево, что не могъ вытащить его.

Мы прошли мимо этихъ разъяренныхъ животныхъ и добрались до мѣста, гдѣ шелъ торгъ лошадьми. Оно было очень оживлено: на немъ толпились любопытные всякаго рода и цвѣта. Я узналъ нѣсколько торговцевъ лошадьми изъ Капштадта. Одинъ изъ нихъ, разбогатѣвшій негръ, придававшій себѣ очень важную физіономію, узналъ меня, подошелъ и протянулъ мнѣ руку съ заискивающимъ и вмѣстѣ покровительствующимъ видомъ.

«А! здравствуйте, милый мой господинъ. Вы вѣроятно пріѣхали для покупки лошадей?» сказалъ онъ равнодушнымъ тономъ. «Если вамъ нуженъ какой нибудь совѣтъ, то располагайте мною; вы бы даже лучше сдѣлали, еслибы поручили мнѣ купить лошадь, которая вамъ понравится. Будьте увѣрены, я хорошо устрою ваше дѣло».

— А на какихъ условіяхъ? — спросилъ я, зная эту личность.

«О, Боже мой, да это бездѣлица: 20% со всей суммы».

— Очень благодаренъ,—прервалъ я его,—я не хочу утруждать васъ; къ тому же вотъ господинъ, который знаетъ въ этомъ толкъ и дастъ мнѣ совѣтъ даромъ.

«Господинъ вѣрно заводчикъ»? спросилъ барышникъ, любезно обращаясь къ Карлу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

«Купецъ, можетъ быть»? продолжалъ негръ, болѣе сухимъ тономъ.

— Нѣтъ.

«Содержатель наемныхъ лошадей въ такомъ случаѣ»? дерзко настаивалъ онъ, презрительно оглядывая моего товарища съ головы до ногъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, меланхолично улыбаясь.

«Въ такомъ случаѣ кто же? Или вы занимаетесь лошадьми въ качествѣ артиста, любителя»?..

— Кончишь ли ты наконецъ!—закричалъ я на него. Какое тебѣ дѣло?!

«Ахъ, извините пожалуйста, ваша милость; я вижу... я вижу.. этотъ господинъ—помѣщикъ».

Мы оставили его и пошли поближе посмотрѣть на лошадей, назначенныхъ для продажи. Тутъ были хорошія каретныя лошади, крѣпкія и сильныя. Верховыя лошади были всѣ маленькаго роста, что не нравилось мнѣ, такъ какъ я люблю ѣздить на большихъ лошадяхъ, съ крупнымъ шагомъ. Впрочемъ, настоящая капская лошадь (счастливое соединеніе двухъ породъ: англійской и арабской) всегда маленькаго роста, гибка, нервна и очень понятлива; она, большею частью, кротка и легко подчиняется волѣ своего сѣдока, который, правду сказать, главнымъ образомъ требуетъ отъ нея только не особенно тряской ѣзды и умѣнья скакать галопомъ по сухимъ и тяжелымъ дорогамъ. Я же хотѣлъ имѣть лошадь для своего удовольствія, а не для путешествій, и начиналъ уже выходить изъ терпѣнья не находя ни одной по своему вкусу, какъ Карлъ сказалъ мнѣ вдругъ на ухо:

«Посмотрите туда направо: я думаю, эта годится вамъ; но только не подавайте виду».

Я посмотрѣлъ по указанному направленію, и увидѣлъ приближающуюся издали прекрасную темногнѣдую лошадь, чистой англійской породы. Ее велъ подъ уздцы Кафръ, покрытый лохмотьями. Повидимому, лошадь не была особенно кроткаго нрава, судя, покрайней мѣрѣ, по тому, какъ она брыкалась, дѣлая при этомъ скачки то вправо, то влѣво. Когда она приблизилась, ее окружила цѣлая толпа,—держащаяся однако въ почтительномъ отдаленіи,—и каждый принялся любоваться ею и хвалить—одинъ ея тонкія ноги и выгнутую шею, другой ея широкую грудь и граціозную, гордую голову; словомъ, расхваливали ее всѣ, кромѣ кущовъ, которые, напротивъ, громко критиковали, но такъ, что опытный наблюдатель легко замѣтилъ бы цѣль ихъ критики—желаніе пріобрѣсти за дешовую цѣну эту великолѣпную лошадь.

«Осѣдлай ее, и проѣзжай рысью», сказалъ Карлъ Кафру, державшему поводья.

— Я не садиться она, господинъ,—отвѣчалъ негръ съ испуганнымъ видомъ.

«Почему же это, трусъ»? воскликнулъ Смитъ, подошедшій къ намъ сзади.

— Никто никогда садиться она: она золъ.

«Сколько ей лѣтъ»? спросилъ Карлъ.

— Два лѣтъ,—отвѣчалъ Кафръ, показывая намъ, что коренные зубы ея еще не прорѣзались.

«Откуда она»?

— Степь, тамъ выросталъ.

«Прекрасное животное», проворчалъ Карлъ, «и очень дорогое».

Показался коммисаръ и спросилъ, не предложитъ ли кто за нее какой нибудь цѣны *).

Общее молчаніе. То обстоятельство, что на лошадь никогда не садились и что она не выѣзжена, быстро охладило общій восторгъ, такъ какъ въ Капштадтѣ очень мало людей, которые стали бы тратить время или имѣли бы смѣлость выѣзжать породистыхъ лошадей. Только одни заводчики держатъ у себя на жалованьи англійскихъ дрессировщиковъ или жокеевъ, которые и выѣзжаютъ лошадей, назначенныхъ для продажи; я не знаю, по какому случаю эта лошадь была уведена изъ степей прежде, чѣмъ была выѣзжена.

Между тѣмъ знакомый мой купецъ—негръ вышелъ впередъ и сказалъ: «двѣнадцать фунтовъ стерлинговъ **)».

— Пятнадцать,—отвѣчалъ Карлъ. . . . . .

«Двадцать», перебилъ негръ.

Минута молчанія.

«Ну, господа», заговорилъ коммисаръ тономъ упрека, «это шутка—двадцать фунтовъ стерлинговъ за такую лошадь! за сына знаменитыхъ Талли-Го и леди Макбетъ».

— Заставьте-ка ее пробѣжать, сказалъ негръ.

Два человѣка взялись за узду и заставили чудное животное пробѣжать вокругъ всей площади. Казалось, что вытягивая свои красивыя ноги, оно точно не удостоивало касаться земли и подвигалось впередъ съ неподражаемою ловкостью и граціей.

Я положительно рѣшился пріобрѣсти ее, но выжидалъ благопріятной минуты.

«Осѣдлайте ее», сказалъ Смитъ, «я попробую заставить ее прогалопировать».

---

*) Лошади продаются тамъ съ публичнаго торга. Продажей завѣдуетъ назначенный отъ города коммисаръ.

**) Фунтъ стерлинговъ—англійская монета, равняющаяся 6-ти рублямъ.

— Будьте осторожны, — сказалъ я ему, — теперь не время пробовать: лошадь испугана шумомъ и движеніемъ; я боюсь, чтобы она не сыграла съ вами какой нибудь шутки.

«Конечно, только артисты — цыгане имѣютъ право умѣть ѣздить верхомъ; не такъ ли?» проворчалъ съ гримасой Смитъ, котораго различные сорты винъ сдѣлали просто несноснымъ.

— Какъ вамъ угодно; ломайте себѣ кости сколько хотите; это прежде всего — ваше дѣло.

Смитъ, ободренный выраженіемъ удивленія, которое онъ видѣлъ на всѣхъ физіономіяхъ, храбро подошелъ къ лошади, схватилъ поводья и сталъ сбоку, какъ обыкновенно дѣлаютъ, чтобы сѣсть верхомъ. Но недовѣрчивое животное начало вертѣться, удаляя постоянно свой корпусъ отъ Смита и смотря на него своими блестящими глазами, не позволяя ему такимъ образомъ подойти. Я взялъ свой платокъ и закрылъ имъ глаза лошади, сдавливая ей довольно сильно ноздри, чтобы заставить ее думать только о возможности дышать.

«Теперь», сказалъ я Смиту, «садитесь скорѣй».

Онъ прямо вскочилъ на сѣдло, не дотронувшись до стремени. Но только что онъ успѣлъ сѣсть, какъ лошадь, удивленная и оскорбленная чувствомъ непривычной тяжести, согнула колѣни, точно желая лечь на землю, потомъ выпрямилась какъ рессора, встала на дыбы во весь ростъ, быстро опустилась снова на землю, и, загнувъ голову между передними ногами, такъ брыкнула, что бѣдный Смитъ перелетѣлъ черезъ голову и упалъ на десять шаговъ впередъ.

Я поспѣшилъ подойти, боясь не ушибся ли онъ; но онъ только запачкался, и ротъ его былъ полонъ пыли.

«Благодарю васъ», сказалъ онъ отплевываясь. «Я дуракъ; проклятое животное! Какіе стальные мускулы»!

— Ну, господа, — началъ опять оцѣнщикъ, — вы видите какое это благородное животное; не его вина, если оно не выдрессировано.

«Это правда», прервалъ его мой барышникъ. «Не его вина, если есть люди, неумѣющіе держаться на лошади»; прибавилъ онъ съ самодовольной улыбкой, лукаво поглядывая на моего смущеннаго товарища.

— Двадцать пять! — крикнулъ этотъ сейчасъ же.

«Двадцать восемь», набавилъ негръ.

— Двадцать восемь! повторилъ коммисаръ, подымая руку; «двадцать восемь! Никто не прибавитъ больше?»

Всѣ молчали. Мой негръ задумался: ему очевидно было очень досадно.

Коммисаръ, оглядѣвъ толпу и видя, что никто не шевелится, готовился окончить продажу, когда я вдругъ крикнулъ: «Сорокъ»!

Если бы бомба упала среди собранія, то и она не произвела бы болѣе неожиданнаго дѣйствія.

«Кончено»! воскликнулъ коммисаръ, опуская руку, и лошадь осталась за мной.

«Какъ это глупо»! сказалъ мнѣ Смитъ, «значитъ вы хотите убиться»?

— Нисколько, я просто хочу ее выѣздить.

— «Какъ! Сами»?

— Самъ.

«Но вы никогда не достигнете этого, фанфаронъ».

— Будьте осторожны, милый другъ. Мое фанфаронство, если таковое и имѣется, никогда не приводило еще меня къ такому концу, какъ напримѣръ ваша недавняя самоувѣренность.

«Это правда», отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ; «я дуракъ, вы правы».

Восхищенный своимъ пріобрѣтеніемъ, я поспѣшилъ пойти заплатить 40 фунтовъ стерлинговъ (около 240 р.), за которые я имѣлъ лошадь перваго сорта. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что за полученіемъ денегъ подошелъ—мой знакомый негръ. Лошадь принадлежала ему и онъ торговался только для того, чтобы подзадорить меня и заставить повысить цѣну. Итакъ, не смотря на мои предосторожности, онъ все таки одурачилъ меня. Но я былъ такъ доволенъ пріобрѣтеніемъ лошади за такую умѣренную цѣну (хотя въ Капской землѣ рѣдко платятъ дороже), что старался заглушить разбиравшую меня злобу и думалъ только, какъ бы скорѣе воротиться домой, чтобы поручить трактирщику отправить ее въ Капштадтъ съ какимъ нибудь надежнымъ человѣкомъ.

«И мы съ вами пойдемъ», сказалъ мнѣ Карлъ; «голова болитъ отъ солнца; къ тому же, я думаю, мы хорошо сдѣлаемъ,

если сядемъ на поѣздъ, отправляющійся черезъ два часа, чтобы пріѣхать сегодня же вечеромъ въ Веллингтонъ. Что вы скажете на это, Смитъ?»

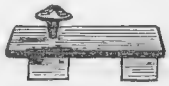
— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ тотъ жалкимъ тономъ.

«Куда же, чортъ возьми, дѣвался Жоржъ»? спросилъ я.

— Я не знаю,—отвѣчалъ его братъ,—онъ исчезъ и я нигдѣ не видалъ его. Перейдемъ черезъ площадь; можетъ быть, мы встрѣтимъ его отыскивающимъ свой идеалъ.

Мы дѣйствительно встрѣтили его, и онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ нашелъ свой идеалъ, потому что прогуливался подъ руку съ молодой и хорошенькой Малайкой, одѣтой по праздничному. Онъ такъ живо жестикулировалъ, что по этому уже было видно, до какой степени онъ старался быть любезнымъ.

Молодая дѣвушка была дѣйствительно очень мила, въ особенности—хорошо сложена, какъ и всѣ малайскія женщины. Ихъ походка, обыкновенно вялая и лѣнивая, дѣлается почти влачащейся отъ высокихъ деревянныхъ сандалій; онѣ надѣваютъ ихъ на босую ногу и укрѣпляютъ только затычкой въ родѣ гвоздя, проходящей между двумя первыми пальцами; эта высокая обувь, въ соединеніи съ ихъ медленной походкой и извѣстнымъ раскачиваніемъ стана, придаетъ имъ величественный и граціозный видъ. Эта величественная грація нимало не нарушается ихъ яркими юбками, падающими длинными, прямыми складками, ни ихъ пестрымъ платкомъ, перекрещеннымъ на бѣлой рубашкѣ, съ рукавами въ видѣ буфъ. Малайки всегда чисты, нарядны и сверхъ того кокетливы. Онѣ никогда не носятъ шляпъ, какъ бы сильно ни было солнце, чтобы не пошевелить на головѣ ни одного волоска. Причесываются онѣ, раздѣляя волосы на двѣ части и гладко зачесывая ихъ сзади; потомъ изъ небрежно и граціозно свернутыхъ косъ или просто скрученныхъ прядей волосъ дѣлаютъ нѣчто въ родѣ шиньона. Волосы ихъ черны какъ смоль и блестящи, какъ лакъ; блескъ этотъ происходитъ въ дѣйствительности отъ большаго количества масла или жиру, которымъ онѣ каждый день намазываютъ себѣ голову, что не доставляетъ, конечно, особеннаго удовольствія людямъ, обладающимъ тонкимъ и нѣжнымъ обоняніемъ, каково напримѣръ — мое. Онѣ носятъ всегда цвѣтокъ въ волосахъ или между зубами, какъ будто на-



рочно для того, чтобы ярче выказать блескъ своихъ большихъ черныхъ глазъ и безукоризненную бѣлизну зубовъ. Кромѣ всего этого онѣ надѣваютъ такое количество колецъ, какое только могутъ выдержать пальцы. Вотъ каковы Малайки Капской земли, съ граціозными и гибкими, точно кошачьими, движеніями.

Малайцы — средняго роста, съ красивой изящной осанкой; живы, смышлены и носятъ очень характеристичный костюмъ: бѣлую рубашку съ широкими открытыми рукавами, большую цвѣтную фуфайку (преимущественно красную), спускающуюся спереди до колѣнъ, и холстинные панталоны, расширяющіеся книзу (какъ панталоны Мексиканцевъ). Они ходятъ босикомъ, а когда грязно—надѣваютъ сандаліи. Кромѣ всего этого они носятъ широкую, круглую, остроконечную шляпу, сдѣланную изъ бамбуковой коры и служащую покрышкой, предохраняющей всю ихъ особу отъ дождя и солнца; шляпы эти очень похожи на шляпы Японцевъ. Кромѣ того, голова ихъ постоянно окручена цвѣтнымъ платкомъ, закрывающимъ волоса, которые религія запрещаетъ показывать. Малайцы очень ловки, скромнаго и спокойнаго характера и привязаны къ своимъ женамъ, съ которыми обращаются очень кротко.

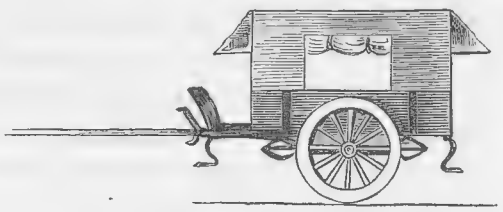
Мы готовились подразнить Жоржа его побѣдой и провѣрить стоятъ ли дѣйствительно глазки, о которыхъ онъ такъ мечталъ, труда быть любезнымъ; какъ вдругъ раздался сильный крикъ посреди площади, и толпа задвигалась, стараясь спастись кто куда могъ. Причиною этого былъ разсвирѣпѣвшій быкъ, оборвавшій свою веревку и стремившійся на насъ во весь опоръ. Мы едва имѣли время укрыться: я—на дерево, Карлъ—за большіе камни, Смитъ—подъ скамейку. Быкъ промчался какъ ураганъ, опрокинувъ нѣсколькихъ бѣглецовъ и напутствуемый пронзительными криками женщинъ, которые продолжались еще долго послѣ его исчезновенія. Это былъ тотъ самый черный быкъ, котораго я оставилъ въ затруднительномъ положеніи съ завязшимъ въ деревѣ рогомъ; при видѣ его Линда бросилась бѣжать въ поле, визжа самымъ жалкимъ образомъ. Животное, обезумѣвшее отъ ярости, упало наконецъ на большую кучу камней и было поймано безъ особенныхъ затрудненій.

По окончаніи тревоги мы отправились въ гостинницу, гдѣ и встрѣтились всѣ, не исключая моей собаки, запыхавшейся и все

еще дрожавшей. Сдѣлавъ распоряженіе относительно пересылки моей лошади и разсчитавшись съ хозяиномъ, мы сѣли на желѣзную дорогу и въ тотъ же вечеръ пріѣхали въ городъ Веллигтонъ, гдѣ оканчивалась желѣзно-дорожная линія.

На другой день, очень рано утромъ, мы усѣлись въ закрытую двухколесную телѣжку, запряженную двумя изнуренными, маленькими лошадьми.

Это настоящая капская повозка (Cape-cart), легкая и практичная, покрытая снаружи сѣрой холстиной, а внутри обитая зеленой матеріей, для того, чтобы глаза могли отдыхать отъ утомляющаго блеска бѣлыхъ дорогъ. Въ этой повозкѣ двѣ набитыя шерстью скамейки; она открыта спереди и сзади, но сзади ее можно закрывать сѣрой холстиной, пристегивающейся съ верху до низу; по сторонамъ окна, снабженныя плотными занавѣсками. Благодаря большимъ зеленымъ карманамъ, находящимся внутри ея, можно брать съ собой во время путешествія достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, что необходимо въ странѣ, гдѣ часто нельзя найти ничего, кромѣ соленой рыбы, и почти никогда—свѣжей воды. Набивъ солиднымъ образомъ эти большіе карманы, и съ очень легкими желудками, мы отправились въ дорогу, въ сопровожденіи одного негра, прекраснаго представителя мозамбикскаго типа, т. е. чернаго и блестящаго, какъ полисандровое дерево, съ широкой и плоской физіономіей, съ толстыми сѣроватыми губами, съ жидкими курчавыми волосами, растущими маленькими пучками на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что дѣлаетъ его весьма похожимъ на барана, покрытаго коростой; вдавленный лобъ его, казалось, мѣшалъ ему открывать маленькіе глаза съ разноцвѣтнымъ бѣлкомъ; уши его, точно у слона, были загнуты напередъ. И вдобавокъ ко всему этому — онъ обладалъ запахомъ, который можетъ быть только у негровъ, совершенно особенный, присущій черной кожѣ. Запахъ этотъ ужасенъ, отвратителенъ и можетъ сравниться только съ запахомъ дюжины обезьянъ, запертыхъ въ одну клѣтку, которую никогда не провѣтриваютъ.



Я сѣлъ возлѣ этого прекраснаго молодаго человѣка, держа между колѣнъ моего вѣрнаго Линдо, который осторожно обнюхивалъ его панталоны и время отъ времени съ отвращеніемъ чихалъ, какъ будто запахъ былъ слишкомъ силенъ даже для его носа.

Вчерашнее дурное расположеніе духа Смита прошло и онъ старался заставить меня забыть о немъ. Мы всѣ были въ хорошемъ настроеніи.

Когда наши клячи пронеслись галопомъ по городу и мы, оставивъ его позади себя, начали подниматься на первыя покатости, которыя должны были привести насъ на самыя высокія горы Капа, мы всѣ почувствовали какое-то пріятное ощущеніе, извѣстное только настоящему, кочующему путешественнику, когда онъ направляется къ прекрасному дикому мѣстоположенію, характеръ котораго ему неизвѣстенъ.

«Я думаю», сказалъ Жоржъ съ увѣренностью, «что если бы всѣ люди, жалующіеся на жизнь, были на столько умны, чтобы послѣдовать нашему примѣру, и бѣжали бы въ такую страну, какъ эта, то—я вполнѣ увѣренъ—сердце ихъ облегчилось бы и вмѣсто того, чтобы мучиться, они стали бы распѣвать какъ птицы небесныя».

— Ты выбралъ дурное сравненіе,—сказалъ Смитъ;—именно въ этой странѣ птицы никогда не поютъ.

«Какъ это»? спросилъ я.

— Ну да; здѣсь нѣтъ пѣвчихъ птицъ; здѣшнія птицы умѣютъ только кричать. Да и вообще нужно замѣтить, что въ жаркихъ странахъ, чѣмъ горячѣе солнце и ярче цвѣта птицъ, тѣмъ болѣе голосъ ихъ переходитъ въ хриплый и непріятный крикъ. Только въ умѣренныхъ поясахъ мы встрѣчаемъ такіе гибкіе и пріятные голоса, какъ у соловья, малиновки и др. Если вы сравните напр. соловья и павлина, вы найдете, что перья перваго принадлежатъ къ самымъ безцвѣтнымъ, за то голосъ его замѣчателенъ; наоборотъ, голосъ второго, разукрашеннаго великолѣпными перьями, очень непріятенъ и фальшивъ. Дѣйствительно, родина павлина—находится въ центральной Азіи.

«Чему же можно приписать это отсутствіе голоса у птицъ жаркихъ странъ»? спросилъ Жоржъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я,—что причина этого очень про-

ста и служитъ доказательствомъ полной гармоніи, существующей въ природѣ. Наши европейскія страны гуще населены, пространства ихъ не такъ обширны, лѣса не такъ велики; и такъ какъ пѣніе составляетъ единственный языкъ птицъ, то голосъ ихъ не долженъ быть слышенъ на такихъ большихъ разстояніяхъ: они и безъ того легко находятъ другъ друга. На большихъ же, въ половину незаселенныхъ материкахъ, на этихъ обширныхъ пространствахъ, и въ громадныхъ, почти непроходимыхъ лѣсахъ не достаточно одного пѣнія: птицы должны перекликаться рѣзкими и громкими голосами, чтобы слышать другъ друга. Не такъ-ли?

«Совершенно справедливо», отвѣчалъ Смитъ поспѣшно. «Вы говорите какъ натуралистъ, милый мой Луи.»

— Я знаю однако одно исключеніе изъ этого правила,— продолжалъ я, улыбаясь его похвалѣ; — у меня въ саду живетъ пара темноватыхъ птицъ; я не знаю ихъ имени, но знаю, что самецъ поетъ или, лучше сказать, высвистываетъ звуки нашей мажорной гаммы, постоянно повышая ихъ, и они немедленно оканчиваются самкой, издающей протяжные и мягкіе, какъ бархатъ, звуки.

«Негры называютъ этихъ птицъ «piqueur d'écorce», *) перебилъ меня Смитъ; «но вы, вѣрно, замѣтили, что разъ какъ онѣ поютъ, перья ихъ не имѣютъ уже яркой окраски».

— Что же дѣлать, — возразилъ я; — это законъ возмездія! Нельзя имѣть всего; однихъ природа надѣлила красотою, другихъ голосомъ: это условіе всеобщаго равенства.

«Посмотрите», сказалъ Карлъ, сохранявшій вездѣ и во всемъ свой агрономическій взглядъ, «какія прекрасныя зеленыя пастбища; я бы много далъ, чтобы мою ферму окружали такіе же луга. Но что это за большіе бѣлые цвѣты, которыми покрыты всѣ поля? Они похожи на лиліи!—Да, это дѣйствительно лиліи; единственная вещь, портящая эти поля».

— Какъ? воскликнулъ я съ воодушевленіемъ. Что можно найти прекраснѣе этихъ лилій, растущихъ въ дикомъ состояніи на этой счастливой почвѣ? У васъ нѣтъ никаго поэтическаго чувства.

«Эти лиліи ядовиты», продолжалъ спокойно Карлъ,» и скотина, наѣвшаяся ихъ, чрезъ нѣсколько часовъ начинаетъ пу-

*) Вѣроятно—дятелъ?. *Ред.*

хнуть и умираетъ отравленною. Однако негры кормятъ ими свои стада, когда хотятъ, чтобы животныя растолстѣли; но они берутъ только корень и кипятятъ его впродолженіи 12 часовъ; въ такомъ видѣ скотъ очень любитъ его. Вамъ же, Луи, я совѣтую остерегаться брать (по вашей привычкѣ) стебель этого растенія въ зубы: ротъ вашъ придетъ отъ этого въ ужасное состояніе. А если вы проглотите молочный сокъ, заключающійся въ немъ, то проведете, увѣряю васъ, вовсе не поэтическіе четверть часа и будете мучиться, какъ тѣ бѣдныя мухи, которыя имѣютъ неосторожность садиться на цвѣтокъ: онѣ падаютъ въ скоромъ времени въ его чашечку, въ совершенномъ безчувствіи».

— Благодарю за совѣтъ,—отвѣчалъ я;—я его не забуду.

Мы пріѣхали на вершину холма. Передъ нами возвышалась большая гора, покрытая деревьями и густыми кустарниками; между ними извивалась бѣлая дорога, по которой намъ предстояло ѣхать.

«По какому это случаю здѣсь проходитъ шоссе»? спросилъ Жоржъ.

«Мы находимся на большой Кафрской дорогѣ,» отвѣчалъ Карлъ, «и будемъ держаться ея почти все время.»

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю оставить ее,—воскликнулъ я,—т. е. пойти пѣшкомъ въ лѣсъ; а лошади съ благоухающимъ существомъ, управляющимъ ими, пусть отправляются шагомъ до вершины горы, тѣмъ болѣе, что онѣ и не могутъ подняться иначе на такую гору.

Всѣ согласились. Мы вышли изъ телѣжки, оставили торную дорогу и вошли въ безмолвный лѣсъ, довольные тѣмъ, что можемъ пройтись и расправить ноги.

Это былъ молодой лѣсъ. Я уже издали былъ пораженъ его сѣроватою и блестящею зеленью. При входѣ въ лѣсъ я понялъ откуда происходила эта странная окраска: большею частью, деревья были бѣлаго, совершенно бѣлаго цвѣта; гладкіе, матово-бѣлые стволы ихъ были покрыты чешуей, какъ пальмовыя деревья; прямыя и идущія кверху вѣтки усажены продолговатыми листьями, похожими на ивовыя и покрытыми длиннымъ бѣлымъ пушкомъ, тонкимъ и мягкимъ, какъ шелкъ, отчего они и блестѣли на солнцѣ какъ серебро.

«Милый мой Смитъ!» воскликнулъ я, «такъ какъ я нахожусь теперь въ вашемъ царствѣ, то и обращаюсь къ вамъ съ просьбою дать мнѣ нѣкоторое понятіе о вещахъ, совершенно для меня новыхъ и входящихъ въ вашу спеціальность.»

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ, довольный возстановленіемъ между нами добраго согласія. Къ тому же,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—я хочу доказать вамъ, что я вовсе не всегда бываю такъ ворчливъ, какъ былъ вчера. Не знаю, что со мною сдѣлалось, но чувствую, что былъ просто несносенъ. Вы больше не сердитесь на меня?

Я протянулъ ему руку и миръ былъ заключенъ.

«Не будемъ больше говорить объ этомъ,» сказалъ я ему. «Всѣмъ случается быть въ дурномъ расположеніи духа. А теперь представьте себѣ, что вмѣсто того, чтобы быть трубадуромъ, я желаю сдѣлаться натуралистомъ, и объясните мнѣ, что это за бѣлое дерево, одѣтое точно въ праздничное или подвѣнечное платье?»

— Дерево это принадлежитъ исключительно Южной Африкѣ,—отвѣчалъ онъ, — его называютъ здѣсь *серебрянымъ деревомъ* (proteas argentus; silver-tree). Листья его никогда не опадаютъ и всегда остаются такими, какими вы ихъ видите; эти нѣжные и мягкіе листья такъ же сухи, какъ кусокъ фланели; вы можете содрать съ нихъ всю кожицу, не получивъ при этомъ ни капли соку.

Разсматривая листья, я замѣтилъ громадную гусеницу, прогуливающуюся на одной изъ вѣтокъ, и едва не схватилъ ее, такъ она была похожа на эти листья. Всматриваясь ближе, я увидѣлъ, что она вся была изборождена желтыми и красными линіями, образующими на ея мягкой и голой спинѣ нѣчто въ родѣ іероглифическихъ знаковъ.

«Это единственное существо, живущее на серебряномъ деревѣ,» началъ снова Смитъ, открывая свою сумку; «положите ее сюда, я позабочусь о ней и вы увидите, что черезъ два мѣсяца изъ нея выйдетъ одна изъ самыхъ большихъ бабочекъ.»

— Денная или ночная?

«Ночная, какъ почти всѣ, выходящія изъ самыхъ красивыхъ гусеницъ.»

— А чѣмъ же вы будете кормить гусеницу?

«Она очень разборчива и ѣстъ только листья этого дерева, что заставитъ меня собирать ихъ каждый день. Подождите,—продолжалъ онъ—я вижу тамъ что-то очень интересующее меня.»

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, подошелъ къ большому, густому кусту и накрылъ рукою красивое насѣкомое голубаго цвѣта съ металлическимъ отливомъ.

«Посмотрите,» сказалъ онъ мнѣ, «какими прекрасными цвѣтами окрашено это толстое существо.»

— Я узнаю его! воскликнулъ я. Это рѣдкій бупрестъ-жукъ, жесткокрылое насѣкомое изъ семейства Buprestis. Но я никогда не видѣлъ такого хорошаго экземпляра. Вѣдь существуетъ, кажется, нѣсколько видовъ этого семейства?

«Ихъ извѣстно до 150; но самые красивые принадлежатъ между—тропическимъ странамъ.»

— А какъ называется кустъ, на которомъ вы нашли его и цвѣты котораго похожи на большой розовый артишокъ?

«Это тоже туземное африканское растеніе, (*Sugar-tree*) сахарное дерево, названное такъ потому, что если потрясти его цвѣтокъ, то оттуда упадетъ нѣсколько капель содержащагося въ немъ сиропа, который, какъ говорятъ, очень полезенъ отъ грудныхъ болѣзней. Для сбора его назначенъ даже одинъ день въ году; въ сборѣ принимаютъ участіе всѣ негры, какъ мужчины, такъ и женщины; день этотъ считается праздничнымъ и оканчивается обыкновенно пьянствомъ и болѣе или менѣе бѣшеными танцами.»

Продолжая говорить, Смитъ прокололъ топкою булавкою правое надкрылье бупреста—по всѣмъ правиламъ энтомолога—и старательно воткнулъ ее въ одинъ изъ пробочныхъ квадратиковъ, находящихся на днѣ его ботанической сумки.

«Бѣдное животное», проговорилъ я, «что бы мы сказали, если бы такимъ же образомъ прокололи насъ?»

— Мы бы, конечно, не были довольны,—отвѣчалъ онъ смѣясь; — но мы недолго жили бы проколотыми, тогда какъ если я освобожу теперь этого толстяка, ему ничего не сдѣлается, рана его закроется и онъ будетъ продолжать жить, какъ ни въ чемъ не бывало. Вообще насѣкомыя очень живучи, и вотъ этотъ баринъ умретъ только отъ голоду, и то не ранѣе, какъ черезъ 15 дней.

«Но это ужасно!» воскликнулъ я. «И вы такъ жестоки, что заставите его страдать такъ долго?»

— Какъ же вы хотите! натуралисты, точно также какъ доктора, привыкаютъ видѣть страданія. И къ тому же все это дѣлается изъ любви къ наукѣ,—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана маленькій пузырекъ, наполненный бѣлою жидкостью. Но такъ какъ вы имѣете такое нѣжное сердце, то я сдѣлаю вамъ удовольствіе, умертвивъ сейчасъ же пойманное насѣкомое. Но предупреждаю васъ, что съ болѣе дорогимъ экземпляромъ я этого не сдѣлаю, такъ какъ отъ кислоты цвѣта всегда нѣсколько тускнѣютъ.

Онъ намочилъ пробку и поднесъ ее нѣсколько разъ ко рту насѣкомаго, которое, пошевеливъ еще нѣсколько минутъ ножками, сдѣлалось неподвижно и совершенно замерло.

«Теперь пойдемте впередъ,» сказалъ я, «догонимъ нашихъ друзей,—которые карабкаются, какъ козы, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ ихъ.»

«Это несчастные, смотрящіе на вещи только съ своей личной точки зрѣнія,» проговорилъ Смитъ, прибавляя шагу. «Карлъ думаетъ безъ сомнѣнія о самомъ дѣйствительномъ способѣ, съ помощью котораго онъ будетъ откармливать своихъ поросятъ; Жоржъ же вовсе не интересуется знать, имѣютъ-ли насѣкомыя хорошенькія глазки и думаетъ только объ удовольствіи шагать своими длинными ногами. Я искренно жалѣю людей, не умѣющихъ смотрѣть, наблюдать и любоваться; они лишены самыхъ лучшихъ удовольствій, которыя въ состояніи испытывать человѣкъ.

«Да идите-же, наконецъ, ротозѣи!» закричалъ намъ Жоржъ, когда мы подошли къ нашимъ товарищамъ. «Что же вы тамъ дѣлаете, чортъ возьми! Карлъ думалъ, что вы поссорились и что великій ученый бросилъ трубадура въ какую нибудь бездонную пропасть.»

— Мы разсуждали о цвѣтѣ глазъ одного насѣкомаго,— отвѣчалъ я,—и нашли въ нихъ сходство съ глазами одной Малайки.

«Плохія шутки, цыганъ!» воскликнулъ смѣясь Жоржъ. «Берегись этой палки, которую я только что срѣзалъ для тебя; какъ видишь, она довольно надежна!»

— Славный экземпляръ, — сказалъ Смитъ, разсматривая палку.

«Я довольно потрудился надъ ней,» отвѣчалъ Жоржъ. «Я думаю, что это настоящее *желѣзное дерево,* называемое такъ благодаря своей крѣпости.»

— Много-ли хорошихъ сортовъ лѣсу въ колоніи?—спросилъ я.

«Да, отвѣчалъ Карлъ, въ немъ нѣтъ недостатка. Кромѣ дуба, бука, сосны и другихъ деревьевъ, принадлежащихъ умѣреннымъ поясамъ, у насъ есть еще вотъ это желѣзное дерево (iron wood), *оливковое,* изъ котораго здѣсь дѣлаютъ экипажи, *желтое* дерево (yellow wood), *пахучее* дерево (Stenk wood), и *ассагаи* (assagai) изъ котораго Кафры приготовляютъ свои дротики, также называемые «*ассагаи*». Вотъ главные сорты деревьевъ, которые употребляются на что-нибудь. Но слушайте!... кажется кричатъ.»

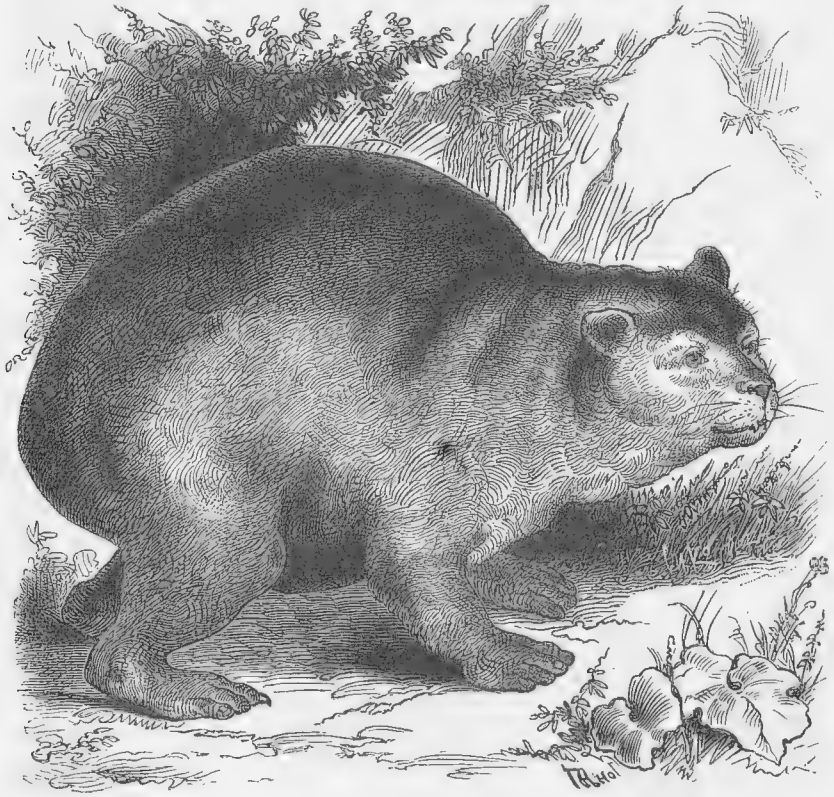
Дѣйствительно, уже нѣсколько времени слышались рѣзкіе и пронзительные крики, которые, казалось, приближались по мѣрѣ того, какъ мы подходили къ вершинѣ горы. Скоро мы открыли ихъ причину. На другомъ склонѣ горы, темной и пустынной скалѣ, представлявшей положительную противоположность со склономъ, по которому мы только что взошли, довольно высоко надъ нами скакала, рѣзвилась и суетилась цѣлая масса рыжевато-коричневыхъ *сурковъ,* величиною съ очень большаго кролика. Они загоняли другъ друга въ расщелины скалы съ пронзительными криками, которые мы и слышали. Я съ удовольствіемъ наблюдалъ ихъ нѣсколько минутъ; потомъ, желая разсмотрѣть ихъ вблизи, я зарядилъ ружье и выстрѣлилъ въ сурка, находившагося къ намъ ближе другихъ. Животное покатилось и, падая съ камня на камень, все ниже и ниже, остановилось наконецъ на выступѣ скалы, выдающейся надъ довольно непривлекательной пропастью.

«Гмъ! онъ выбралъ дурное мѣсто,» сказалъ я; «не особенно удобно отправляться туда за нимъ.»

— И не думайте объ этомъ!—воскликнулъ Карлъ. Это значило бы совершенно напрасно рисковать своей головой!

«Однако, я попробую добраться туда,» сказалъ я. «Всѣ товарищи убитаго разбѣжались при звукѣ выстрѣла, а я хочу

посмотрѣть стоитъ ли мѣхъ сурка того, чтобы сдѣлать изъ него фуражку. Я рискую своей головой для пріобрѣтенія кожи сурка— вотъ и все. Нужно только узнать что цѣннѣе.»



Капскій сурокъ.

— Въ такомъ случаѣ я иду съ вами,—сказалъ Жоржъ, сбрасывая свое платье;—мнѣ очень хочется поупражняться въ гимнастикѣ.

«Но вы съ ума сошли? Что за бѣшеный народъ!» воскликнули наши перепуганные товарищи. «Такъ лазить могутъ только обезьяны.»

— И цыгане, отвѣчалъ я, начиная поспѣшно спускаться. Если я переломаю себѣ кости, то поручаю Смиту сочинить музыку для эпитафіи, съ условіемъ, чтобы она не была серьезнѣе мотивовъ Офенбаха. До свиданья, друзья мои! Удержите только мою собаку, она можетъ стѣснить насъ.

— Ради Бога, будьте благоразумны и сходите осторожно,— сказалъ совершенно поблѣднѣвшій Смитъ.

Жоржъ опередилъ меня и скакалъ уже съ камня на камень съ ловкостью кошки. Я же, не имѣя такихъ длинныхъ ногъ и обремененный ружьемъ, котораго не хотѣлъ оставить, рѣшился скользить отъ скалы до скалы, цѣпляясь за растенія и выдающіеся камни. Способъ этотъ оказался не особенно удобенъ: камни были крѣпки и остры, и скоро мои руки и колѣна были изцарапаны и покрыты кровью.

Легкій и опьянѣвшій отъ движенія Жоржъ дѣлалъ поразительные прыжки и быстро спускался, рискуя оступиться или невѣрно разсчитать разстояніе и переломать себѣ кости.

«Ради Бога, Жоржъ, не продолжай такимъ образомъ!» закричалъ я ему съ безпокойствомъ. «Это глупо и жестоко относительно твоего брата, который смотритъ сверху. Остановись, я сейчасъ догоню тебя.»

— Нѣтъ ничего опаснаго,—отвѣчалъ онъ смѣясь. Вспомни французскую пословицу, утверждающую, что для дураковъ и пьяныхъ существуетъ особенный богъ; а такъ какъ я причисляю себя къ первой категоріи, то и считаю себя поэтому неуязвимымъ, какъ великій Ахиллъ. Однако я жду тебя, подвигайся скорѣе.

Черезъ минуту я присоединился къ нему и мы сѣли отдохнуть на большой камень, отдѣлившійся отъ утеса и образовавшій естественную скамейку.

«Я голоденъ,» сказалъ Жоржъ. «Жаль, что здѣсь нечего поѣсть. Какъ было бы отлично пообѣдать, свѣсивши ноги надъ пропастью.

— Да, дѣйствительно жаль, что бифштексы и жареный картофель не ростутъ на скалахъ, вмѣстѣ съ бутылками сотерна. Но въ замѣнъ этого я могу предложить тебѣ тарантула, который бродитъ возлѣ насъ; я сейчасъ поймаю его въ надеждѣ соблазнить тебя *).

Я всталъ и, подставивъ шляпу, смахнулъ въ нее платкомъ паука.

---

*) Тарантулъ—большой, ядовитый паукъ. У насъ они встрѣчаются въ Крыму, на Кавказѣ и во всей южной Россіи, и обыкновенно называются—*мизгирь*.

«Посмотри, какой онъ толстый. Ты бы не могъ проглотить его въ одинъ пріемъ.»

— Фу, какое отвратительное животное! сказалъ съ ужасомъ Жоржъ. Если въ этомъ состоитъ весь предлагаемый тобою обѣдъ, то я охотно уступаю его тебѣ.

«А я сохраню его для Смита, потому что это одинъ изъ самыхъ красивыхъ тарантулъ. Посмотри, онъ толщиною почти съ яйцо, а лапки его такъ же длинны, какъ у рака. Какая злая физіономія.»

— Дѣйствительно-ли они такъ ядовиты, какъ говорятъ?

«Да, они всѣ ядовиты. Но только черный тарантулъ можетъ причинить своимъ укушеніемъ смерть; красный же—какъ вотъ этотъ—менѣе опасенъ; онъ только непріятенъ, такъ какъ укушенное имъ мѣсто вспухаетъ ужаснымъ образомъ, что сопровождается сильными страданіями.»

— Я бы очень хотѣлъ знать, зачѣмъ природа трудится надъ созданіемъ такихъ зловредныхъ и некрасивыхъ существъ—сказалъ съ досадою Жоржъ.

«Объяснить это очень легко,» отвѣчалъ я. «Нужно, чтобы всякій родъ уничтожалъ одинъ или нѣсколько другихъ родовъ, чтобы не нарушалось равновѣсіе. Что же касается до безобразія, то мы уже знаемъ, что дѣйствительно дурное существо не можетъ быть красивымъ. Этотъ уродъ напр. уничтожаетъ другія существа не только для удовлетворенія своего голода, т. е. слѣдуя закону природы; но онъ дѣйствительно золъ. Правда, что онъ питается лишь маленькими насѣкомыми, но дѣлаетъ это съ такою жадностью и свирѣпостью, что заслужилъ имя цѣлому семейству, къ которому принадлежитъ.»

— А какъ называется это семейство? спросилъ Жоржъ.

«*Lycosa*—имя, происходящее отъ греческаго слова lykos—*волкъ*. Что-же касается до названія «тарантулъ,» то оно происходитъ просто оттого, что насѣкомое это весьма обыкновенно въ Италіи возлѣ города Тарента. Ну, что-жь? повидимому, ты не очень соблазняешься такимъ обѣдомъ?»

— Благодарю тебя. Мнѣ достаточно посмотрѣть на него, чтобы потерять всякій аппетитъ.

«Ты, какъ кажется, разборчивъ; а есть люди, которые съ удовольствіемъ ѣдятъ пауковъ. Астрономъ Лаландъ, напри-

мѣръ, ѣлъ пауковъ и находилъ, что они похожи вкусомъ на орѣхи.»

— Ты мнѣ надоѣлъ!—сказалъ Жоржъ, вставая.—Я лучше уйду, чѣмъ слушать твои разсказы, отъ которыхъ меня начинаетъ тошнить.

Онъ снова началъ спускаться, но съ большею осторожностью. Я положилъ паука въ платокъ и завязалъ его нѣсколькими крѣпкими узлами, чтобы онъ не могъ ускользнуть и чтобы я могъ безопасно держать его. Я приготовился уже слѣдовать за Жоржемъ, когда онъ вдругъ вскрикнулъ:

«Луи, иди скорѣе сюда, дай твое ружье!»

Въ одинъ мигъ я очутился возлѣ него и прицѣлился въ прекрасную *тигровую кошку*, коварно лежавшую на выступѣ выдающейся надъ нами скалы и смотрѣвшую на насъ своими круглыми зрачками, щетиня свои усы. Выстрѣлъ раздался и животное, убитое на мѣстѣ пулей, попавшей между глазъ, осталось неподвижно. Первымъ моимъ движеніемъ было поднять глаза на нашихъ друзей, оставшихся наверху; я съ торжествующимъ видомъ махалъ имъ шляпой. Потомъ я осторожно подошелъ къ животному, боясь не притворилось ли оно и съ помощью Жоржа связалъ ему ноги нашими галстухами.

«Какое это животное?» спросилъ Жоржъ, оправясь немного отъ испуга.

— Это тибетская кошка или *тигровая кошка* (Serval). Смитъ намъ подробнѣе разскажетъ о ней. Я оставляю сурка; я слишкомъ доволенъ этой шкурой. Нужно только поднять животное на верхъ, а оно не особенно легко.

Я привязалъ свой платокъ съ находящимся въ немъ насѣкомымъ къ стволу ружья, продѣлъ ружье между связанными ногами животнаго и, употребивъ такимъ образомъ ружье вмѣсто рычага, взвалилъ на спину свою добычу и принялся взбираться на скалу, цѣпляясь то той, то другою рукою, и часто останавливаясь, чтобы отдохнуть. Я удивлялся, почему Жоржъ такъ отсталъ отъ меня, тѣмъ болѣе, что ему нечего было нести. Достигнувъ вершины, я обернулся, чтобы посмотрѣть, что съ нимъ сдѣлалось, и увидѣлъ его на довольно далекомъ разстояніи ловко карабкающимся съ суркомъ въ рукахъ. Стыдясь вернуться съ пустыми руками, онъ отправился за нимъ и побѣдо-

носно махалъ имъ надъ головою. Наконецъ мы оба очутились на верху, усталые, вспотѣвшіе, голодные, оборванные, но счастливые и довольные результатомъ нашей шалости. Друзья наши, блѣдные и взволнованные, подали намъ холодный ростбифъ, ветчину, водку и красное вино, которыя они принесли изъ остановившейся не вдалекѣ телѣжки; а собака моя, обрадованная, что видитъ меня, лизала мнѣ руки.

«Вы можете похвалиться тѣмъ, что доставили намъ сильныя ощущенія,» сказалъ Карлъ, пожимая руку своему брату. «Ужасно было видѣть васъ сходящими такимъ образомъ, рискующими каждую минуту сломить себѣ шею, и стоять здѣсь сложа руки, ожидая постоянно минуты, когда вы полетите въ пропасть.»

— Предупреждаю васъ,—сказалъ Смитъ,—что если вы вздумаете еще разъ дурачиться такимъ образомъ, я пойду съ вами и навѣрно разобью себѣ голову, такъ какъ я очень неловокъ. Вы предупреждены теперь, и если хотите моей смерти, то можете возобновить свои глупости.

«Я обѣщаю вамъ, что мы будемъ умны, какъ куклы,» товѣчалъ Жоржъ; «съ условіемъ: вы дадите мнѣ третью порцію говядины и откупорите новую бутылку вина.»

— Ты знаешь,—шепнулъ я ему,—что я оставилъ тебѣ на дессертъ тарантула.

«Поди прочь и ѣшь его самъ, въ награду за то, что убилъ свою кошку.»

— Знаете-ли вы, что изъ этой шкуры можно сдѣлать великолѣпный коверъ,—сказалъ Смитъ, приподнимая и разсматривая животное со всѣхъ сторонъ.—Это отличный экземпляръ.

«Вѣдь это тибетская или капская тигровая кошка?» сказалъ я.

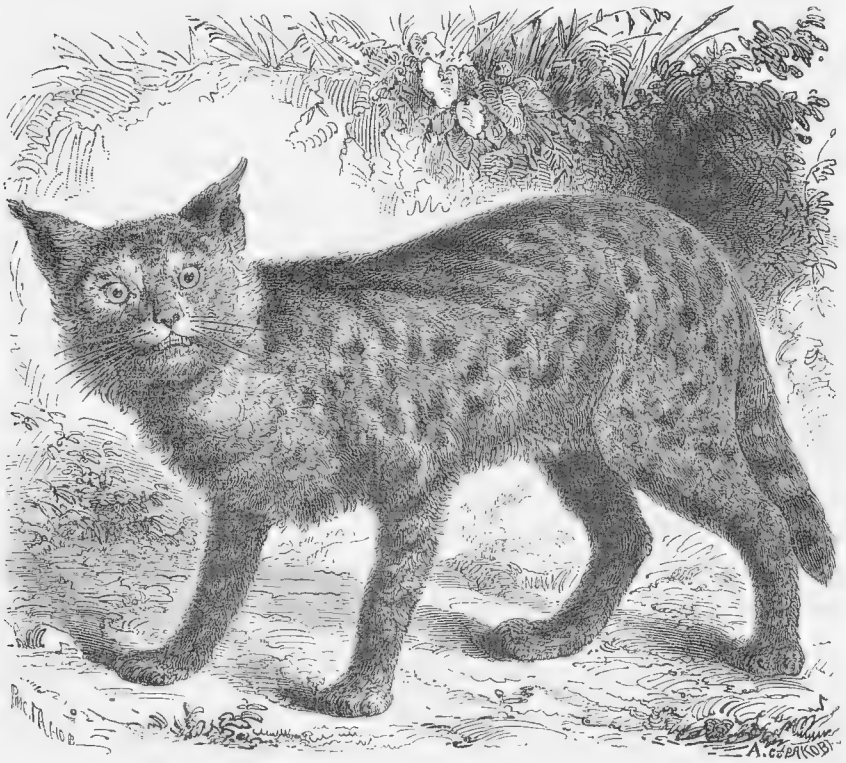
— Вѣрно, вѣрно, великій натуралистъ. И это уже старая кошка, достигшая полнаго своего роста. Вы видите, что она въ четыре раза больше обыкновенной кошки; и пятна на ней обозначены очень рѣзко.

«Отчего ее называютъ тигровою кошкою?»

— Оттого, что она занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя животными: голова у нея кошачья, а черными и бѣлыми пятнами своего мѣха она напоминаетъ тигра, т. е. леопарда.

«Бросилась-ли бы она на насъ, если бы Луи не положилъ ее такъ скоро на мѣстѣ?» спросилъ Жоржъ.

— Очень можетъ быть; хотя она обыкновенно не бросается на человѣка, если тотъ не трогаетъ ее. Но здѣсь она была застигнута врасплохъ, въ чуждой для нея мѣстности, такъ какъ она обыкновенно живетъ въ лѣсахъ.



«Зачѣмъ-же она была тутъ на скалѣ?»

— Она вѣроятно явилась сюда, чтобы поймать нѣсколько сурковъ или крысъ, до которыхъ она большая охотница, благодаря своей кошачьей породѣ; впрочемъ, въ качествѣ тигра, она не пренебрегаетъ и обезьянами, когда находитъ ихъ.

— Да, вотъ какимъ образомъ отправившись за сурокъ приносятъ маленькаго тигра.

«Сурокъ этотъ имѣетъ очень странный видъ, съ своимъ толстымъ животомъ и круглой спиной,» сказалъ мнѣ Жоржъ.

— Замѣтьте,—проговорилъ Смитъ,—какъ коротки его переднія ноги сравнительно съ задними; потому-то онъ и скачетъ на заднихъ ногахъ, какъ кроликъ.

«Для чего у него четыре пальца на переднихъ ногахъ и только три на заднихъ?»

— Для того, вѣроятно, чтобы ему легко было рыть сухую землю, въ которой онъ вырываетъ свою норку и входъ въ которую онъ задѣлываетъ землею изнутри. Въ ней онъ спитъ цѣлую зиму; входитъ въ нее очень толстый, а просыпается очень тощій.

«Я непремѣнно закажу себѣ шапку изъ его шкуры къ своему возвращенію въ Россію,» сказалъ я. «Шкура его мягка и шелковиста; притомъ же она будетъ служить мнѣ пріятнымъ воспоминаніемъ.

Л. В.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ГОДЪ ЛОПАРЯ.

Слыхали вы что-нибудь объ Архангельской губерніи? Не припомните ли, года два—три тому назадъ хлѣбъ въ нашей землѣ плохо уродился, голодъ былъ, тогда много разговарпвали о томъ, какъ бѣдные люди—крестьяне страдаютъ отъ голоду вездѣ, а особенно въ Архангельской губерніи. И деньги сбирали и посылали туда, чтобъ помочь этимъ бѣднымъ людямъ. А то, можетъ быть, кто-нибудь разсказывалъ вамъ, какая въ Архангельской губерніи бываетъ зима, долгая-предолгая, темная, съ такими морозами, что носъ нельзя высунуть на улицу—сейчасъ отморозишь; а лѣто коротенькое, за то солнышко свѣтитъ тогда почти круглыя сутки. Но это далеко не все, что есть въ Архангельской губерніи любопытнаго; много можно объ ней кое-чего поразсказать. Напримѣръ, тамъ есть одинъ уголокъ, такой занимательный, что вы вѣрно съ удовольствіемъ съ нимъ познакомитесь. Я, съ своей стороны, готова сдѣлать туда маленькое путешествіе, если желаете. Этотъ уголокъ—моя родина, и побывать тамъ еще разъ въ вашемъ обществѣ будетъ для меня очень пріятно.

Но какъ же мы туда отправимся? Обыкновенные способы путешествія не годятся, медленны и неудобны. А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: представьте себѣ, что я волшебница, о какихъ вы читали въ сказкахъ, и предлагаю вамъ коверъ-самолетъ; сядемъ на него и полетимъ. Я буду вамъ указывать все любопытное, а вы замѣчайте, и такимъ образомъ мы сейчасъ очутимся гдѣ надо, высмотримъ все и домой вернемся.

Въ которую же сторону мы направимся?

Какъ сегодня холодно! Вѣтеръ такъ и пробираетъ насквозь;

плохо защищаетъ и теплая шубка. Вотъ идетъ прохожій, сильно прозябъ и ворчитъ сердито: «какой проклятый сѣверный вѣтеръ!» Въ ту именно сторону, откуда дуетъ этотъ вѣтеръ, мы и полетимъ.

Едва успѣли мы устроиться на нашемъ коврѣ поудобнѣе, какъ мы уже и въ предѣлахъ Архангельской губерніи. Смотрите же внизъ. Вотъ тянутся вѣчно зеленые хвойные лѣса; въ глубинѣ ихъ то чернѣетъ деревенька, то вьется бѣлой лентой дорога. Дальше и дальше подвигаемся мы на сѣверъ. Наконецъ и лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, становится все мельче и мельче; дальше идетъ уже безлѣсная снѣжная пустыня, бѣлая, безконечно бѣлая... Но что тамъ засѣрѣло вдали? Еще впередъ, и мы на берегу океана, *Сѣвернаго Ледовитаго океана*. Съ всемъ ходятъ на немъ огромныя темныя волны, носятъ онѣ взадъ и впередъ громадныя льдины, цѣлые ледяные острова, ледяныя скалы. Съ страшнымъ трескомъ, визгомъ, стономъ ломаются эти льдины, сталкиваясь между собою. Бѣда судну, еслибъ попалось оно тутъ; но ни одно не смѣетъ показаться теперь. Страшно, мрачно; никакихъ признаковъ жизни, развѣ увидишь стадо тюленей, которое носится на льдинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ океанъ вдался далеко въ землю большимъ заливомъ, такимъ большимъ, что его называютъ не заливомъ, а моремъ, *Бѣлымъ моремъ*. Западный берегъ этого моря сильно изогнутъ. Тутъ Бѣлое море само вдалось въ землю узкимъ, глубокимъ заливомъ, *Кандалакскою губою*. Земля, которая заключается между Ледовитымъ океаномъ, Бѣлымъ моремъ и Кандалакскою губою, называется *Лапландскимъ полуостровомъ*, Лапландіею; тутъ-то мы и остановимся.

Какое же это пустынное, мрачное мѣсто! По всему берегу, какъ Бѣлаго моря, такъ и Ледовитаго океана, тянутся высокія гранитныя горы, онѣ же перерѣзываютъ въ разныхъ направленіяхъ и внутренность полуострова; мѣстами понижаются онѣ, образуя холмы, мѣстами возвышаются отвѣсными, обрывистыми утесами. Много въ расщелинахъ этихъ горъ большихъ, чистыхъ озеръ, много рѣкъ и рѣчекъ сбѣгаетъ по нимъ къ Ледовитому океану и Бѣлому морю. Но ничего не видно теперь; все занесло—замело глубокимъ снѣгомъ. И какія страшныя массы этого снѣгу! Кажется, никогда ему не растаять. А придетъ лѣто,

выйдетъ на небо солнышко, станетъ свѣтить день и ночь, и унесетъ весь снѣгъ. Но до лѣта еще далеко. Покуда стоитъ страшная зима, и о лѣтѣ напоминаютъ только голые прутья, которые мѣстами торчатъ изъ подъ снѣгу. Какая же тутъ мертвая тишина, если нѣтъ только непогоды и вѣтеръ не воетъ въ ущельяхъ!

Но вотъ изъ-за той скалы долетаетъ до насъ какой-то глухой шумъ. Приблизимся посмотрѣть, что тамъ такое. Но двигайтесь осторожнѣе: подъ снѣгомъ ничего не видно; какъ разъ упадешь съ уступа и зашибешься до смерти; это нерѣдко случается. Подвигаемся все къ тому мѣсту, откуда слышится шумъ; наконецъ мы стоимъ на краю ущелья. Заглянемъ въ его глубину: все тамъ, какъ и на верху, покрыто снѣгомъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ подъ снѣгу вырывается масса воды и съ шумомъ и ревомъ падаетъ съ уступа; это водопадъ. Образуется водопадъ рѣчкой, которая бѣжитъ по этому ущелью къ морю; но она сама скрыта теперь подъ льдомъ и снѣгомъ. Отходимъ. Заглохъ въ отдаленіи шумъ падающей воды; все попрежнему тихо.

Вотъ на горизонтѣ показалась черная точка. Все приближается она, растетъ, и наконецъ вы различаете стадо оленей. Мчатся, какъ вѣтеръ, легкія, стройныя животныя, закинувъ на спину свои огромные, вѣтвистые рога. Отчего же они такъ бѣгутъ? А, вотъ причина!—за ними гонится нѣсколько волковъ. Тотъ, что скачетъ впереди, дѣлая такіе огромные прыжки, уже догоняетъ отсталаго оленя. Еще моментъ, и онъ бросается на оленя сзади, схватываетъ за горло и жадно сосетъ кровь; потомъ оставляетъ свою жертву и опять скачетъ въ погоню за стадомъ. Но все скрылось изъ виду; опять прежняя тишина.

Но гдѣ же люди? спрашиваете вы. Нигдѣ нѣтъ никакого слѣда присутствія человѣка. Сядемъ-ка опять на нашъ коверъ-самолетъ и оглядимъ сверху: такъ виднѣе. Неужели же на всемъ полуостровѣ вовсе нѣтъ людей? Осмотримъ сначала его края, т. е. берега океана и моря. Длинный-предлинный тянется берегъ Ледовитаго океана и нѣтъ на немъ никакихъ жилищъ. Впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ, подъ высокимъ гранитнымъ берегомъ, у самой воды, лѣпятся одинокія избы; но не замѣтно, чтобъ тамъ жилъ кто. Близъ избъ амбары, а въ амбарахъ и

хлѣбъ, и мука, крупа, соль. Для кого же это, коли нигдѣ нѣтъ людей? Я вамъ въ другой разъ разскажу для кого, а теперь будемъ продолжать наши поиски за людьми на этомъ пустынномъ берегу, который называютъ *Мурманскимъ*. Наконецъ-то мы нашли обитаемое мѣсто, да еще какое: цѣлый городъ! Вы видите, однако, что этотъ городъ вовсе не похожъ на тотъ, въ которомъ вы живете. Это скорѣе бѣдная деревенька. Но ужь если назвали его *городомъ Колою*, то и мы будемъ его такъ называть. Хоть онъ и не имѣетъ ничего особенно хорошаго, но его многіе знаютъ, такъ какъ Кола въ нашемъ государствѣ самый сѣверный городъ. Нѣтъ около Колы никакихъ деревень, какъ бываетъ обыкновенно около городовъ; стоитъ она совсѣмъ одинехонька. Но за то по берегу Бѣлаго моря попадаются селенія, хоть крайне рѣдко: всего-то ихъ, на всемъ протяженіи этого берега, который называется *Терскимъ* берегомъ, вы насчитываете пять.

Но насъ все тянетъ внутрь нашей пустыни. Есть-ли тамъ что нибудь? Вглядываясь пристальнѣе, мы замѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ, на десятки и сотни верстъ разстоянія, кучки чего-то въ родѣ хижинъ. Вотъ поднимается изъ одной такой кучки дымъ, значитъ, тамъ есть люди, спустимся же и посмотримъ поближе.

Мы очутились въ маленькой деревнѣ, если это можно назвать деревней: пятнадцать или двадцать хижинокъ столпилось на берегу озера безъ всякаго порядка. Кажется, будто кто-то бросилъ эти хижинки сверху; которая куда попала, тутъ и стоитъ себѣ. Похожи онѣ немножко на русскія избы, но порядочная крестьянская изба сравнительно просто дворецъ. Каждый изъ этихъ домиковъ помѣстился бы свободно въ большой комнатѣ городскаго дома: всего-то, онъ займетъ поверхности 3—4 квадратныхъ сажени. Срубленъ онъ изъ нетолстыхъ бревенъ. Въ одной стѣнѣ мы замѣчаемъ и отверстіе, куда вставлена маленькая стеклянная рама. Она такъ обледенѣла, что вѣрно немного свѣту пропускаетъ внутрь. До самаго окошка домикъ занесло снѣгомъ. Да онъ такъ невысокъ, всего въ сажень, что порядочной мятели не хитро и вовсе его запести. Вѣроятно, для того и сдѣлана пристройка, въ родѣ сѣней, передъ дверьми, чтобъ можно было выйти, когда дѣйствительно нанесетъ надъ

домикомъ снѣжный сугробъ. Выйти! Но есть-ли тамъ кто внутри? Надъ плоской крышей домика вьется дымъ; отъ домика проложена тропинка къ маленькому амбару на высокихъ столбахъ, который стоитъ неподалеку; нѣсколько косматыхъ собаченокъ извѣщаютъ лаемъ о вашемъ присутствіи. Люди есть,— это вѣрно.

Вотъ стукнула, захлопываясь, дверь. Заглядываемъ въ пристройку и видимъ, что тамъ двигается что-то мохнатое. Мы въ недоумѣніи: звѣрь тамъ какой или человѣкъ? Но предметъ нашего недоумѣнія выходитъ, и мы убѣждаемся, что это человѣкъ, обитатель жилища, которое мы разсматривали. Надо признаться, что этотъ низенькій человѣкъ выглядитъ очень странно. Весь, съ головы до ногъ, одѣтъ онъ въ мѣхъ, шерстью наружу; оттого и имѣетъ онъ видъ какого-то необыкновеннаго звѣря. На немъ что-то въ родѣ рубашки изъ мѣха оленя, высокіе оленьи сапоги съ длинными и острыми носками, мѣховая шапка. Некрасивая одежда, но какъ, должно быть, тепло въ ней! Только и видно, что желтое, широкое и плоское лицо съ низкимъ лбомъ, выдавшимися скулами, узкими глазами. Онъ заговариваетъ; вы вслушиваетесь, но ничего не понимаете. А, онъ говоритъ по-своему, не по-руски; ясно, что это не Русскій.

Что-жь за народъ такой живетъ тутъ? спрашиваете вы. Это *Лопари*, народъ, сильно отличающійся отъ Русскихъ. Онъ приходится сродни Чухонцамъ, которыхъ вы видали въ Петербургѣ, Мордвѣ, Черемисамъ, Кореламъ, Зырянамъ: можетъ-быть, вы и слыхали о какомъ-нибудь изъ этихъ народовъ, живущихъ также въ нашемъ государствѣ. Вмѣстѣ съ этими народами и многими другими Лопари составляютъ одно большое племя—*финнское*.

Но намъ хочется заглянуть внутрь ихъ жилищъ. Подходимъ и открываемъ дверь. На насъ пахнуло такимъ смраднымъ, дымнымъ воздухомъ, что мы отшатнулись назадъ. Но войдемъ: все-таки тутъ тепло, а на улицѣ такой морозъ сегодня, что только въ лопарской одеждѣ и можно его не чувствовать. Передъ нами вся внутренность жилища Лопаря. По срединѣ сдѣлано изъ глины что-то въ родѣ камина, и тутъ разведенъ огонь. Сверху прикрѣплена желѣзная цѣпь съ крюкомъ, на которомъ виситъ котелъ. Вдоль одной стѣны устроены примостки, покрытыя оленьими шкурами; около другой—скамейка самой грубой ра-

боты. Вмѣсто стула какой-то предметъ, очень похожій на обрубокъ бревна; это позвонокъ кита. Сверху къ стѣнамъ прибиты двѣ палки, на которыхъ стоятъ разныя принадлежности незатѣйливаго лопарскаго хозяйства.

Около огня сидитъ женщина. По лицу тотчасъ видно, что это Лопарка, но одежда ея очень похожа на одежду русскихъ крестьянокъ. Она прилежно что-то шьетъ изъ оленьихъ шкуръ; вѣрно одежду себѣ или мужу. Шьетъ Лопарка такъ проворно и ловко, что можно подивиться; видно, не любитъ она сидѣть безъ дѣла. Да и то сказать: не работай она, гдѣ бы взять одежду? Портныхъ у нихъ нѣтъ; каждый долженъ все дѣлать для себя самъ.

Лопарю также некогда бездѣльничать; надо спѣшить въ лѣсъ. День вѣдь такой короткій. Чуть разсвѣтетъ, ужь и сумерки на дворѣ. Но и то хорошо, что есть день; а вотъ до Рождества такъ и вовсе его не было. Еслибъ не бѣлый снѣгъ да луна, такъ круглыя сутки было бы такъ темно, что хоть глазъ выколи. Какъ же Лопарь отправится въ лѣсъ, когда нѣтъ нигдѣ дороги? Посмотримъ. Вотъ онъ несетъ двѣ тонкія, узкія и длинныя дощечки съ загнутыми концами, подбитыя гладкой шкурой морскаго звѣря, вдѣваетъ ноги въ петли, которыя прикрѣплены къ одной сторонѣ этихъ дощечекъ—*лыжъ*,... и уже онъ далеко отъ насъ скользитъ по подмерзшему снѣгу. Но мы догонимъ его и узнаемъ, зачѣмъ онъ пошелъ въ лѣсъ. Дорога не близкая, а морозъ такъ и пощипываетъ. Небо ясное, и солнышко сегодня показалось, да что-то не грѣетъ оно и не надолго вышло: часъ—два, и опять скроется.

Мы засмотрѣлись на эту снѣжную пустыню: какъ хороша она при солнечномъ свѣтѣ! Милліонами разноцвѣтныхъ искръ блеститъ ея поверхность. Рѣзче обрисовываются на ясномъ небѣ очертанія горъ, опоясанныхъ хвойными лѣсами. Ихъ снѣжныя вершины отливаютъ то голубымъ, то фіолетовымъ цвѣтомъ. Но блескъ этой картины утомляетъ глаза; хочется отдохнуть на какомъ-нибудь другомъ предметѣ. Въ сторонѣ стоитъ стадо оленей. Оно не пугается насъ, не бѣжитъ прочь: это олени домашніе. Вспархиваютъ птицы, съ такими бѣлыми перьями, что этихъ птицъ,—куропатокъ,—трудно отличить отъ снѣга, когда онѣ кучками бѣгаютъ по его поверхности.

Лопарь достигъ цѣли своего путешествія и останавливается: онъ пришелъ осмотрѣть ловушки и вынуть изъ нихъ добычу—куропатокъ. Просто устроены эти ловушки. Двѣ палочки наклонно воткнуты въ снѣгъ; къ палочкамъ привязывается петелька изъ нитокъ, а около петельки сдѣланъ коротенькій переулочекъ изъ сосновыхъ и еловыхъ палокъ. Забѣжитъ въ переулочекъ куропатка; такъ какъ ей неудобно вернуться, то она и бѣжитъ впередъ, да и попадетъ въ петлю. Но недоволенъ нашъ Лопарь сегоднешнимъ промысломъ: изъ нѣкоторыхъ ловушекъ выкрадена добыча. Знаетъ онъ, что не человѣкъ это сдѣлалъ (у каждаго Лопаря свой участокъ лѣса для ловли и ловить въ участкѣ другаго, а тѣмъ болѣе взять добычу изъ чужой ловушки, считается у нихъ большимъ преступленіемъ). Лопарь знаетъ, что воръ никто иной, какъ хитрая лисица. И не уйти лисицѣ отъ меткаго выстрѣла Лопаря. Не найдетъ онъ ее—броситъ падаль; воронъ привлечетъ крикомъ лисицу, и она сдѣлается все-таки жертвою охотника, которому крѣпко нужна ея красивая шкурка. Посмотрѣлъ Лопарь также, не попалъ ли дикій олень въ какую-нибудь изъ веревочныхъ петель, хитро прикрѣпленныхъ имъ между деревьями; но нѣтъ, рѣдки нынѣ стали олени.

А между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло; пора домой. Мы уже недалеко отъ погоста, т. е. лопарской деревни. Но что такое дѣлается на небѣ? На сѣверной его сторонѣ вдругъ появилась небольшая свѣтлая полоса, въ видѣ дуги. Дуга эта все поднимается, расширяется, дѣлается все блестящѣе. Вы уже догадываетесь: это сѣверное сіяніе. Но нашъ Лопарь не обращаетъ на него никакого вниманія. Онъ привыкъ ко всему этому съ дѣтства. Къ тому же Лопарь не любитъ, да ему и некогда, вникать въ окружающія его явленія. Чтобъ быть сытымъ, ему надо много работать и думать, какъ-бы не ушелъ отъ него звѣрь, какъ-бы не перехитрилъ его. Да еще хорошо, какъ есть звѣрь; ну, а какъ нѣтъ его (что бываетъ въ иные годы)? Случалось испытывать Лопарю, какъ скверно быть голоднымъ и очень ему не хочется снова испытать; а прокормить себя и семью нелегко. Вотъ и некогда Лопарю заниматься сѣвернымъ сіяніемъ. Когда онъ былъ ребенкомъ, онъ такъ же любилъ спрашивать, какъ и вы: отчего то-то и почему оно такъ? Спро-

силъ онъ у отца и о сѣверномъ сіяніи. Отецъ сказалъ, что это души покойниковъ идутъ на небо. Ребенокъ повѣрилъ этой нелѣпости, а выросъ—и вовсе объ этомъ уже не думалъ. Души тамъ или не души, а что-нибудь другое,—что ему за дѣло, когда такъ хочется ѣсть.

Но мы уже въ погостѣ и вошли въ *тупу* (жилище Лопаря). Огонь продолжаетъ пылать въ комелькѣ. Около него сидитъ Лопарка и печетъ на раскаленномъ камнѣ лепешки изъ ржаной муки, замѣшанной на водѣ. Потомъ беретъ котелъ, наполняетъ его снѣгомъ, и пока снѣгъ таетъ, идетъ въ амбаръ, приноситъ оттуда нѣсколько мелкой сушеной рыбы; вотъ и уха готова. Часть ухи выливаетъ въ другой маленькій котелокъ и замѣшиваетъ ее ржаной мукой: это—каша. Пора ѣсть: мужъ ея сильно проголодался. Она кладетъ на полъ деревянную доску, покрываетъ ее, вмѣсто скатерти, кускомъ бересты. Хозяева садятся на полъ и начинаютъ ѣсть; сядемъ же и мы. Хлѣба нѣтъ; вмѣсто него служатъ лепешки, которыя пекла Лопарка. Мы пробуемъ ихъ и бросаемъ: онѣ безъ соли, да и горькія страшно. Развѣ Лопари любятъ именно такія? «Нѣтъ», объясняютъ они (вѣдь Лопари говорятъ по русски, хоть и не хорошо); «но доставать соль мы должны отъ руссаковъ, а они живутъ далеко, да и берутъ съ насъ дорого; мы и жалѣемъ класть соль въ нашу *решку* (т. е. лепешки). А горькая она оттого, что мы мѣшаемъ муку съ толченой сосновой корой и мхомъ. Своего хлѣба у насъ не родится, муку тоже покупаемъ у русскихъ, а много купить ся не можемъ.» Невкусны и другія Лопарскія кушанья. Къ тому же все это такъ неопрятно: деревянная ложка, котелокъ, доска, на которую Лопарка положила рыбу изъ ухи, страшно грязны, и мы чувствуемъ отвращеніе отъ пищи.

Кончили ѣду; пора спать. Лопарка потушила огонь въ комелькѣ и закрыла сверху трубу доской. Въ тупѣ сдѣлалось невыносимо жарко и душно. Но Лопарь спитъ и счастливъ. Ему снится лѣто, и онъ, набивъ желудокъ до невозможности рыбою, лежитъ, защищенный отъ комаровъ, а солнышко такъ его пригрѣваетъ; то грезится ему, что закололи оленя и онъ ѣстъ вволю мяса и хлебаетъ полными ложками растопленный жиръ. Дальше сцена мѣняется: вотъ знакомый русскій крестья-

нинъ стащилъ у него славную куницу, которую онъ только что подстрѣлилъ. Хочетъ онъ бѣжать, догнать похитителя, да не можетъ найти ни лыжъ, ни теплой своей одежды — *печкà*. Бѣжитъ безъ печкà, а морозъ такъ и прохватываетъ его до костей. Уже догоняетъ онъ, хочетъ схватить вора за воротъ... и просыпается.

Утро, а въ тупѣ дѣйствительно страшно холодно. Жена спѣшитъ принести дровъ и развести огонь, который и горитъ въ комелькѣ до слѣдующей ночи. Снова поѣстъ Лопарь, возметъ ружье и бѣжитъ въ лѣсъ. Снова садится Лопарка за свое шитье, или плететъ неводъ—рыбу ловить, или вяжетъ рукавицы изъ оленьей шерсти, или заготовляетъ дрова; да мало ли у ней дѣла! Надо отнести корму и овцамъ, которыя живутъ въ ямѣ, замѣняющей имъ хлѣвъ; хорошо еще, что не нужно ходить за оленями, такъ какъ тѣ сами отъискиваютъ себѣ кормъ.

Такъ день проходитъ за днемъ. Въ воскресенье Лопари не идутъ въ лѣсъ, соблюдаютъ праздникъ; и ѣдятъ въ этотъ день посытнѣе, если есть что. Иногда заходятъ въ этотъ свободный день другъ къ другу побесѣдовать, хотя Лопари вообще очень молчаливы, не любятъ говорить безъ нужды. Но сегодня въ нашей тупѣ бесѣда противъ обыкновенія довольно оживлена; послушаемъ же, о чемъ идетъ рѣчь. Разговорились Лопари сегодня про былое: какъ у нихъ хорошо было прежде, что было дикихъ оленей и всякаго звѣря! Теперь дикихъ оленей мало, рыбы мало, птицы тоже; а вотъ бобръ, славный такой, дорогой звѣрь, вовсе вывелся. Вспоминаютъ, какъ ихъ прежде руссаки любили, хлѣбомъ кормили, водкой поили; а теперь, какъ стали бѣдны, такъ и сердито глядятъ, называютъ лѣнивыми; говорятъ: идите къ намъ работать; а пойдешь къ нимъ,— о платѣ не заикнись, радъ, когда пудъ муки дадутъ. Разговариваютъ Лопари и о томъ, что промыслы этотъ годъ были удачны. У каждаго изъ нихъ въ амбарѣ лежитъ довольно пушныхъ шкурокъ лисицъ и куницъ. Все бы это хорошо, да вотъ бѣда. Муки больше нѣтъ, соль на исходѣ; еще кое-чего надо: кому пшена, кому ситцу, платокъ женѣ, да мало ли чего. Лопари знаютъ, что русскіе богатые крестьяне изъ селеній, стоящихъ по Терскому берегу Бѣлаго моря, и торговцы изъ Колы

съ удовольствіемъ дадутъ имъ, что нужно, въ обмѣнъ на ихъ промыслы—пушной товаръ. Не знаютъ только бѣдняки, за какую цѣну сбудетъ торговецъ промышленныя ими шкурки въ Петербургѣ, гдѣ богатые люди покупаютъ охотно эти шкурки и даютъ за нихъ большія деньги. Останутся эти деньги въ карманѣ у торговца, а Лопари получатъ только бездѣлицу; да хорошо, если получатъ, а то бываетъ и еще хуже.

Какъ бы помочь бѣдному Лопарю? Научимъ его, чтобъ онъ самъ ѣздилъ въ Петербургъ, продавалъ бы тамъ свой товаръ за хорошую цѣну. Тогда и денегъ у него будетъ довольно, домъ онъ выстроитъ себѣ теплый и хорошій, голоду не будетъ бояться. Придетъ съ работы, жена его напоитъ чаемъ, подастъ ему сытный обѣдъ. Какъ поѣздитъ въ Петербургъ, увидитъ, что люди тамъ лучше живутъ, потому что гораздо больше, чѣмъ онъ, знаютъ и умѣютъ,—увидитъ, что̀ значитъ образованіе. Будетъ у него больше свободнаго времени и захочетъ онъ учиться, чтобы тоже получше устроить свою жизнь; а самъ не захочетъ, дѣтей своихъ будетъ учить. Какъ же славно будетъ! Растолкуемъ скорѣе это Лопарю. Но увы! Лопарь не понимаетъ насъ: онъ только и знаетъ, что свой погостъ, да еще нѣсколько другихъ погостовъ, да русскія деревни, въ которыхъ бывалъ, т. е. часть своего полуострова. Есть ли что дальше и что именно—онъ не знаетъ, да и не думаетъ объ этомъ. Онъ сообщаетъ намъ, что черезъ нѣсколько дней ѣдетъ въ сосѣдній погостъ, гдѣ есть церковь и будетъ праздникъ, что туда пріѣдутъ русскіе съ товарами и вотъ тамъ онъ промѣняетъ свои шкурки на муку, соль и еще кое-что.

Нашъ Лопарь ѣдетъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ отправляется нѣсколько его сосѣдей. Пора Лопарямъ идти за оленями. Ихъ небольшія стада, штукъ въ 10—20 каждое, пасутся недалеко отъ погоста. Каждый Лопарь, на лыжахъ, съ арканомъ въ рукѣ, отправляется къ своему стаду, ловитъ двухъ—трехъ оленей, приводитъ ихъ домой и запрягаетъ по одному въ санки. Эти маленькія санки сдѣланы изъ тонкихъ дранокъ, на одномъ широкомъ полозѣ, и имѣютъ форму лодочки или корыта, называются онѣ *кережкою*. Въ однѣ санки Лопарь сѣлъ самъ, въ другія, привязанныя къ первымъ, сложилъ свой товаръ, закри-

чалъ на оленей: *оро*!—и весь поѣздъ двинулся изъ погоста. И намъ нечего оставаться; двинемся и мы вслѣдъ.

Нашъ Лопарь ѣдетъ впереди. Вѣрно соскучился онъ сидѣть: затянулъ пѣсню. Надо признаться, что онъ не очень пріятный пѣвецъ; сильно надоѣдаетъ его однообразный, печальный напѣвъ. Но послушаемъ, что такое онъ поетъ? Вѣдь мы уже давно съ Лопарями и понимаемъ ихъ. «Нсловко намъ ѣхать сегодня; вязнутъ мои олешки въ мягкомъ снѣгу. Какъ-то мы поднимемся на гору! А еще много-много намъ ѣхать; сутокъ двое будемъ въ дорогѣ. Что за высокія елки въ этомъ лѣсу! Много подъ ними слѣдовъ розсомахъ; хорошо бы тутъ поохотиться. Есть же у меня въ кережкѣ двѣ шкурки розсомахи, да еще дома оставилъ одну на шапку и т. д.» Это, какъ видите, вовсе не пѣсня. Лопарь просто поетъ, что ему придетъ въ голову, *импровизируетъ*. Другихъ пѣсенъ онъ не знаетъ. Вдругъ нашъ Лопарь прерываетъ пѣніе и останавливается; ему показалось, что онъ ѣдетъ не туда, куда слѣдуетъ. Осмотрѣлъ онъ внимательно окрестность. Взглянулъ на вѣтки кустарниковъ и на слѣды розсомахъ и лисицъ; очистилъ камень изъ подъ снѣгу и посмотрѣлъ, съ которой стороны онъ оброс мхомъ. Вполнѣ увѣрился Лопарь, что не ошибся, и смѣло продолжаетъ ѣхать впередъ.

Но олени устали и проголодались; надо дать имъ отдохнуть и покормиться. Остановились и отпустили оленей. Посмотрите, какъ олень достаетъ себѣ кормъ. Сначала онъ ходитъ по снѣгу, отъискивая такое мѣсто, гдѣ есть его пища—оленій мохъ, *ягель*. Лишь почуетъ онъ такое мѣсто, какъ начинаетъ необыкновенно быстро разгребать ногами снѣгъ и разбрасывать въ стороны. Одна минута,—глубокій сугробъ разрытъ и олень уже отогрѣваетъ дыханіемъ обледенѣлый ягель.

На другой день по выѣздѣ изъ погоста, очутились мы на верху крутой, высокой горы. Подниматься было нелегко, но какъ спуститься? Нашъ Лопарь не задумывается. Распрягъ оленя, привязалъ его сзади и покатился себѣ, такъ точно, какъ вы катаетесь на салазкахъ съ ледяной горы. Камень, дерево на дорогѣ; расшибется бѣдный совсѣмъ—думаете вы. Ничуть не бывало; онъ такъ ловко правитъ, что не зацѣпится ни за что, и вотъ уже онъ у подошвы горы.

Наконецъ пріѣхали. Говоръ, шумъ, движеніе сегодня въ ти-

хомъ, обыкновенно молчаливомъ погостѣ. Много тутъ народу; всѣ въ печкахъ, такъ какъ нельзя одѣться иначе на этомъ страшномъ морозѣ. Но мы все-таки отличаемъ маленькихъ Лопарей отъ рослыхъ, дюжихъ русскихъ торговцевъ, которые понаѣхали сюда съ своими товарами и съ пріятною надеждою легко поживиться на счетъ Лопарей. Въ толпѣ вы замѣчаете людей, въ которыхъ также узнаете Лопарей; но они нѣсколько отличаются отъ нашихъ и наружностью и одеждой. Лица у нихъ смуглыя, съ большими карими глазами и румяными щеками. Печокъ подпоясанъ ремнемъ, на которомъ виситъ мѣдный гребень, суконный мѣшечекъ съ трутомъ и огнивомъ, широкій ножъ. Но особенно отличаетъ ихъ четырехугольная шапка, въ родѣ кучерской, съ синимъ суконнымъ верхомъ и мѣховымъ околышкомъ. Спросимъ у кого-нибудь, что это за особенные такіе Лопари? Намъ объясняютъ, что это *Фильманы*. Живутъ они близъ норвежской границы, т. е. въ западной части Лапландскаго полуострова, и не вмѣстѣ, не въ погостахъ, а каждое семейство отдѣльно; они не нуждаются такъ, какъ наши Лопари: у нихъ есть большія стада оленей, въ нѣсколько тысячъ головъ. «Ха, ха, ха!» разсмѣялся Русскій, который намъ все это сообщилъ; «взгляньте-ка на того Фильмана, что стоитъ къ намъ бокомъ. Онъ очень богатъ, ну а ужь ума-то лишняго Богъ не далъ. Всѣ Фильманы падки до денегъ, а особенно до серебряной монеты; этотъ Фильманъ и накопилъ серебряныхъ рублей, зашилъ ихъ въ мѣшокъ изъ невыдѣланной тюленьей шкуры, возьми да и закопай въ землю. Почуяла розсомаха запахъ тюленя, отрыла мѣшокъ да и съѣла; деньги же разсыпались по землѣ, кто-то и подобралъ.»

Но гдѣ-то нашъ Лопарь? Разъищемъ его въ толпѣ. Вотъ онъ стоитъ и разговариваетъ съ русскимъ торговцемъ объ обмѣнѣ своихъ шкурокъ на его товаръ. Не клеится что-то дѣло. Но Русскій знаетъ, какъ помочь бѣдѣ: онъ предлагаетъ сначала выпить, а потомъ потолковать хорошенько. Не можетъ отказаться Лопарь; старая привычка уже давно тянетъ его къ водкѣ, которой много навезли Русскіе, да къ тому же и морозъ такой страшный, а выпьешь—такъ тепло сдѣлается, славно! Выпилъ стаканъ, веселѣе сталъ, сговорчивѣе; выпилъ другой, зашумѣло у него въ головѣ, и уже легко сладить ловкому тор-

говцу съ упрямымъ Лопаремъ. Нѣсколько пушныхъ шкурокъ лисицы ушло за два пуда муки, нѣсколько фунтовъ соли, да десятокъ аршинъ пестраго, краснаго, но гнилаго ситцу, который такъ ловко подсунулъ торговецъ. Еще довольно товару осталось у Лопаря; не одинъ десятокъ рублей выручилъ бы онъ, еслибы могъ продать его по настоящей цѣнѣ. Но Лопарь уже попробовалъ водки и его еще сильнѣе тянетъ къ ней, чѣмъ прежде. Дикарь, что малый ребенокъ: захотѣлось ему чего-нибудь, онъ только и думаетъ, какъ бы удовлетворить своему желанію, не соображаетъ, полезно-ли это будетъ для него или вредно. Не можетъ нашъ Лопарь пройти мимо боченка съ водой, который нарочно выставилъ на показъ соблазнитель Русскій. Нѣтъ у Лопаря денегъ, чтобъ купить водки, тащитъ онъ свои шкурки: ихъ охотно беретъ торговецъ вмѣсто денегъ. Пьетъ онъ, пьетъ, а товару у него все убываетъ; пьетъ онъ, пока не сваливается на землю, гдѣ уже много Лопарей лежитъ замертво.... Но отвернемся: тяжело смотрѣть, какъ человѣкъ дѣлается безсмысленнымъ животнымъ. Или лучше, станцимъ бѣдняка въ тупу, а то онъ совсѣмъ замерзнетъ на улицѣ. Позоръ тому, кто такъ безстыдно пользуется слабостью добродушнаго дикаря!

Проспались Лопари, бродятъ, какъ угорѣлые; у кого есть еще что, пропиваютъ, нѣтъ—сбираются домой ѣхать. Выѣзжаютъ Русскіе съ богатой добычей, выѣзжаютъ Лопари съ тяжелой головой и пустыми кережками. Холодный сѣверный вѣтеръ освѣжилъ голову нашего Лопаря. Думаетъ онъ, что не совсѣмъ-то ладно сдѣлалъ, что трудно имъ съ женою будетъ жить до весны. Но жена не сердится на него. Она понимаетъ, что нельзя устоять противъ такого соблазна; помнитъ, какъ прошлую зиму пріѣзжалъ къ нимъ въ погостъ Русскій съ водкой и они всѣ пили, даже женщины и дѣти, и пропили, все, что только можно было пропить.

Съ нетерпѣніемъ ждутъ наши Лопари лѣта, но долго не приходитъ оно здѣсь; не разъ приводилось имъ голодать. Случалось и такъ, что во всемъ погостѣ нѣтъ ничего съѣдобнаго; а то опять словятъ какого-нибудь звѣря, или оленя заколютъ, и сыты. Между тѣмъ солнышко съ каждымъ днемъ все дольше и дольше запаздываетъ на небѣ, но еще мало грѣетъ оно те-

перь. Вотъ и первое мая. Сегодня у васъ встрѣчаютъ лѣто, тепло должно быть, травка зеленѣетъ, цвѣты распускаются. А здѣсь? Вездѣ еще снѣгъ, рѣки и озера покрыты льдомъ. Хоть бы снѣгъ стаялъ поскорѣе, посмотрѣть бы, что подъ нимъ, не зазеленѣетъ-ли травка. Солнышко уже вовсе не закатывается; снѣгъ быстро таетъ; на южныхъ склонахъ горъ стали появляться проталинки. Но не травка на этихъ проталинкахъ, а густой сѣро-зеленый ягель, и гдѣ ни оттаетъ снѣгъ, всюду показывается тотъ же ягель. Значитъ, не лугъ, не поле погребены подъ этимъ снѣгомъ, а болото, тундра. Морскія птицы летятъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ зимовали, и направляются къ берегамъ моря и океана: тамъ, въ гранитныхъ расщелинахъ, вьютъ онѣ гнѣзда. Вездѣ журчатъ ручейки талой воды. Наконецъ рѣки освобождаются отъ льда и съ шумомъ сбѣгаютъ по ущельямъ, то пробиваясь между огромными подводными камнями, то падая съ уступовъ. Еще позже вскрываются озера, долго-долго носится ледъ по ихъ чистымъ, прозрачнымъ водамъ, пока не искрошитъ его сильная буря или не растопитъ солнечная теплота.

Въ нашемъ погостѣ мы замѣчаемъ какое то особенное движеніе. Лопари то приходятъ, то уходятъ, ведутъ оленей. Хозяйки ихъ въ тупахъ убираютъ вещи, одѣваютъ дѣтей; самыхъ маленькихъ изъ нихъ, которыя не могутъ еще ходить, укладываютъ въ ящички, формой похожіе на кережку. Вотъ Лопари запрягли оленей въ кережки, положили въ нихъ маленькихъ дѣтей и всѣ свои пожитки; что не вошло въ санки—навьючили на спину оленямъ, и длинный караванъ потянулся по мокрой тундрѣ. Въ погостѣ не осталось ни одной души. Тупы не заперты; въ нихъ и около нихъ валяются еще кое-какія вещи. Не боятся, вѣрно, Лопари, что украдутъ ихъ; да и кому украсть въ этой пустынѣ! Взберемся на сосѣднюю гору и посмотримъ оттуда на нашихъ Лопарей. Не видно и конца вереницы санокъ и навьюченныхъ оленей; растянулась она по тундрѣ версты на двѣ. По бокамъ идутъ Лопари и Лопарки, весело разговаривая между собою; дѣти рѣзвятся между ними. Замыкаетъ караванъ стадо домашнихъ оленей, подъ присмотромъ нѣсколькихъ десятковъ малорослыхъ и косматыхъ собакъ, которыя не позволяютъ оленямъ разбѣжаться.

Шли, шли Лопари, верстъ 150, пока не дошли до морскаго берега, гдѣ стоитъ ихъ лѣтній погостъ. Всѣмъ бы похожъ этотъ погостъ на тотъ, который оставили Лопари, на зимній, да хижины здѣсь устроены нѣсколько иначе. Онѣ имѣютъ видъ пирамиды и называются *вежами*. Быстро устроились Лопари на своемъ новомъ мѣстѣ. Очистили вежи отъ снѣгу, вставили окна, натопили, разложили свое небольшое имущество, и черезъ нѣсколько часовъ уже вовсе не было замѣтно, что они только-что переселились. Но у нашего знакомца Лопаря случилось несчастіе: его вежа, уже довольно ветхая, совсѣмъ почти развалилась отъ зимнихъ мятелей. Задумалъ онъ выстроить новую. Задумано, сдѣлано. Пригласилъ онъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сосѣдей, и работа закипѣла. Укрѣпили въ землѣ нѣсколько обточенныхъ шестовъ, каждый сажени въ двѣ длиною, такъ, чтобъ ихъ верхніе концы почти сходились. Обложили это основаніе вежи хворостомъ и вѣтками хвойныхъ деревъ, а сверху большими кусками дерна. Оставили два отверстія: одно вверху для выхода дыму, другое въ стѣнѣ, обращенной къ югу, для дверей. Вежа почти готова; сегодня же можно и на новоселье.

Зайдемъ въ вежу, посмотримъ, какъ она устроена внутри. Но дверь насъ чуть-чуть совсѣмъ не придавила. Дѣло въ томъ, что она не открывается, какъ наши двери, а приподнимается кверху, такъ какъ стѣна, къ которой она прикрѣплена, очень наклонна. Полъ вежи покрытъ оленьими шкурами. Посреднѣ, на камняхъ, разводится огонь, а сверху виситъ котелъ. Противъ дверей, за этимъ очагомъ, помѣщаются разныя принадлежности хозяйства. Вотъ и все.

Устроились Лопари въ вежахъ, принимаются за свои сѣти; начинается рыбная ловля. Но мы другой разъ побываемъ на морскомъ берегу и я тогда васъ познакомлю съ морскими промыслами. Теперь ужъ вы и то довольно кое-чего высмотрѣли. Да и непріятно быть лѣтомъ въ лопарскомъ погостѣ. Что это за лѣто! Морской воздухъ наполненъ водяными парами, сыръ и холоденъ; частые дожди, рѣдко выпадетъ денекъ покрасивѣе. Въ вежѣ душно, дымно; выйдешь на улицу, такой смрадъ отъ разлагающихся внутренностей рыбы, которыя бросаются около вежъ, что невольно зажимаешь носъ. Выйти бы развѣ въ хорошую погоду погулять по окрестностямъ погоста? Но невеселы

эти окрестности: все гранитныя скалы, поросшія ягелемъ, и только. На южныхъ скатахъ мы замѣчаемъ нѣсколько знакомыхъ растеній: вонъ крапива, желтый лютикъ, ромашка, тысячелистникъ. Хотимъ приблизиться къ нимъ, но на насъ напало такое множество комаровъ, что, жестоко искусанные, спѣшимъ спастись въ смрадной вежѣ. Вотъ Лопарь такъ не боится комаровъ. *Юпа* (тотъ же печокъ, только изъ сѣраго сукна, съ *куколемъ*, въ родѣ башлыка) хорошо его защищаетъ.

Комаровъ становится меньше; лѣто приходитъ къ концу. Опять сбираются Лопари въ путь, бросаютъ погостъ до слѣдующаго года. Каждый Лопарь отправляется къ своему озеру, гдѣ уже ожидаетъ его готовая вежа, и опять принимается за рыбную ловлю. Множество рыбы вылавливаютъ Лопари въ лѣтнее время, и хорошей, вкусной, дорогой рыбы. И сколько же съѣдаютъ ея Лопари! Страхъ беретъ смотрѣть на котелъ, который нѣсколько разъ въ день наполняется рыбою и столько же разъ очищается. За то для Лопаря лѣто — самое счастливое время; о немъ онъ мечтаетъ цѣлую долгую зиму. Но отчего же не запасаетъ онъ больше рыбы на зиму, если ужъ не можетъ продать ее выгодно? Посмотрите на эту Лопарку. Она расклала распластанную рыбу и посыпаетъ ее золой. Мы спрашиваемъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Лопарка объясняетъ намъ, что несоленная рыба тотчасъ испортится, а соли у нихъ нѣтъ; она и пересыпаетъ рыбу золой вмѣсто соли. Теперь вамъ ясна причина, почему Лопари не могутъ заготовить рыбы на зиму. Вы легко можете себѣ представить, насколько рыба сохранится отъ золы, и какой она будетъ имѣть вкусъ! Одинъ отвратительный запахъ уже ясно говоритъ о томъ, какъ вредна такая пища для здоровья, а Лопари будутъ ѣсть ее съ удовольствіемъ; отчего? да оттого, что нѣтъ ничего лучше.

Но кончается счастливая пора Лопаря. Солнце все меньше и меньше остается на небѣ, начинаютъ пощипывать морозы, замерзаютъ рѣки и озера, снова тундра покрывается снѣгомъ на восемь мѣсяцевъ. Все опять принимаетъ прежній, знакомый намъ видъ. Пора Лопарю назадъ, въ глубину тундры, въ свой зимній погостъ, въ теплую тупу; не пора ли и намъ домой?

Александра Ефименко.

Холмогоры.

ПЧЕЛЫ.

Если вы видали пчелъ только перелетающими съ цвѣтка на цвѣтокъ и не знакомы съ внутреннимъ устройствомъ улья, то васъ вѣрно удивитъ, если я скажу вамъ, что при выходѣ своемъ изъ яичка пчела является не въ той формѣ, въ которой мы привыкли ее видѣть (т. е. съ крылышками, хоботкомъ, лапками), а въ формѣ маленькаго, тоненькаго червячка, который быстро ростетъ до тѣхъ поръ, пока не займетъ все пространство ячейки, служащей ему жилищемъ. Онъ свертывается тогда такимъ образомъ, что соприкасается обоими концами (т. е. хвостомъ и головкой) и образуетъ правильное колечко. Жизнь такого червячка продолжается не долго, всего дней пять; въ продолженіи этого времени онъ питается кашицей, имѣющей видъ густой, бѣловатой жидкости, которую рабочія пчелы накладываютъ ему въ ячейку.

На шестой день онъ перестаетъ ѣсть и пчелы заклеиваютъ его ячейку восковыми крышечками.

Но вы, можетъ быть, не знаете что такое *ячейка?* Не мудрено, если вы всегда живете въ городѣ и видите медъ уже отдѣленнымъ отъ воска. Въ ульѣ же медъ заключается въ очень маленькихъ коробочкахъ, сдѣланныхъ изъ воска, которыя всѣ вмѣстѣ называются *сотами*, а каждая отдѣльно—*ячейкою;* объ устройствѣ этихъ ячеекъ мы поговоримъ ниже, а теперь обратимся къ нашему червячку.

Заключенный въ своей ячейкѣ, червячекъ начинаетъ обращаться въ куколку. Изъ бородавочки, которая находится у него

на серединѣ нижней губы, вытягивается нитка, которою червячокъ мало по малу обматываетъ себя и такимъ образомъ заворачиваетъ себя въ коконъ. На эту работу онъ употребляетъ 36 часовъ, и по истеченіи этого срока обращается въ куколку. Рабочія пчелы стараются всѣми силами предохранить отъ холода ячейку съ куколкой, согрѣваютъ её своимъ тѣломъ и тѣмъ помогаютъ новому насѣкомому развиваться въ ней.

Черезъ семь или восемь дней пчелка, развившаяся изъ куколки, прорываетъ свой тонкій, прозрачный коконъ, потомъ челюстями прокалываетъ крышку своей темницы; при этомъ ей помогаютъ взрослыя пчелы, которыя прогрызаютъ крышечку по серединѣ и понемногу увеличиваютъ это отверстіе, чтобы облегчить маленькому насѣкомому выходъ. Послѣднее, зацѣпившись передними лапками за отверстіе, подвигается до тѣхъ поръ, пока не высвободитъ свое тѣло. По выходѣ совсѣмъ изъ ячейки, молодая пчелка осматривается и обчищается старыми пчелами, и затѣмъ всѣ молодыя пчелки собираются передъ ульемъ, весело жужжатъ и учатся летать. Онѣ сейчасъ же принимаются за работу; но только въ первыя двѣ или три недѣли онѣ не вылетаютъ далеко изъ улья, а исполняютъ работы внутри его. Впослѣдствіи онѣ тоже начинаютъ вылетать, вмѣстѣ съ остальными пчелами, каждое утро за пищей.

Но что же такое *улей?* спросятъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ васъ. Ульемъ называется жилище пчелъ, или устроенное для нихъ человѣкомъ, или же сдѣланное ими самими.

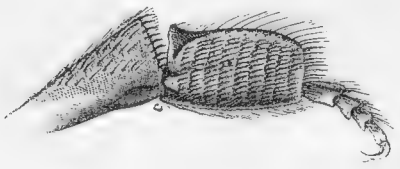
Пчелы, живущія, въ дикомъ состояніи, въ лѣсу, устраиваютъ свои жилища въ дуплахъ старыхъ деревьевъ или другихъ пустотахъ. Если же человѣкъ хочетъ пользоваться ихъ медомъ и воскомъ, то онъ устраиваетъ для нихъ особые ульи. Самый простой и незамысловатый улей, это *колода* — выдолбленный внутри пень. Кромѣ колоды дѣлаютъ еще различные, болѣе усовершенствованные ульи изъ дерева и изъ соломы и даютъ имъ очень разнообразную форму, въ каждой мѣстности свою.

Пища пчелы состоитъ изъ цвѣточной пыли и меда. Трудно найти болѣе искуснаго собирателя сладкаго цвѣточнаго сока, который она потомъ превращаетъ въ душистый медъ и наполняетъ послѣднимъ свой улей. Она собираетъ также цвѣточную пыль, и клей, называемый *узою* или *прополисомъ*, находящійся

въ почкахъ нѣкоторыхъ деревьевъ; клей этотъ пчелы употребляютъ какъ скрѣпленіе, какъ цементъ для всѣхъ своихъ построекъ.

Для собиранія этихъ матеріаловъ, для перенесенія ихъ домой и выдѣлки ихъ, *рабочая пчела* (такъ называются пчелы, исполняющія домашнія работы, занимающіяся постройкой улья и вылетающія за пищей) снабжена полными и весьма замѣчательными орудіями, состоящими изъ *хоботка*, играющаго роль

язычка, которымъ пчела вбираетъ, слизываетъ и высасываетъ цвѣточный медъ; изъ *медоваго мѣшочка* или перваго желудочка (маленькій, круглый, прозрачный пузырекъ, въ который она кладетъ этотъ медъ); изъ *корзиночекъ* или, — какъ ихъ называютъ, — *тарелочекъ*, которыя находятся на внѣшней сторонѣ заднихъ ногъ въ видѣ треугольнаго углубленія, снабженнаго по бокамъ жесткими волосиками: въ нихъ насѣкомое собираетъ цвѣточную пыль.



Самая широкая часть ноги, сочлененная съ лапкой, имѣетъ четыреугольную форму; снаружи она гладкая, внутри же покрыта волосиками и потому называется *щеточкой*. Входя въ распустившійся цвѣтокъ, пчелка вся съ головы до ногъ опыляется цвѣточной пылью, затѣмъ она тщательно проводитъ щеточками по всѣму тѣльцу и, снявъ съ него всю приставшую пыль, складываетъ ее на треугольныя тарелочки, такъ что на нихъ образуются какъ бы маленькія подушечки. Если же цвѣтокъ не вполнѣ еще распустился, то пчела челюстями раскрываетъ его пыльники, потомъ передними ногами передаетъ добычу второй парѣ ногъ (у пчелы три пары ногъ), которыя въ свою очередь складываютъ ее въ корзиночки заднихъ ногъ. Окончивъ работу, пчела возвращается съ своей ношей въ улей.

Ничего нѣтъ прекраснѣе и замѣчательнѣе устройства пчелиныхъ сотъ. Они дѣлаются изъ такого матеріала, который человѣкъ, не смотря на все свое искуство, не можетъ сдѣлать, именно—изъ воска. Расположеніе ихъ до такой степени правильно, что самый глубокомысленный философъ, также какъ и

самый нелюбопытный изъ смертныхъ, приходятъ въ удивленіе, смотря на внутренность улья. Они видятъ передъ собой цѣлый городъ въ миніатюрѣ, городъ, раздѣленный на правильныя улицы, составленныя изъ чрезвычайно симметрично построенныхъ домовъ, и что всего болѣе возбуждаетъ удивленіе, это то, что гдѣ бы пчелы ни устроили свое жилище—въ дуплѣ-ли дерева, или въ нарочно для нихъ устроенномъ ульѣ—расположеніе сотъ всегда одинаково.

Къ своду и стѣнкамъ улья прикрѣпляется извѣстное количество сотъ, состоящихъ изъ *шестиугольныхъ* ячеекъ, которыя правильно прикасаются одна къ другой и располагаются двумя рядами, такимъ образомъ, что они обращены отверстіями въ противоположныя стороны. Эти соты устроиваются въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго и ячейки обращены отверстіемъ къ этому промежутку, который на столько широкъ, что двѣ пчелы могутъ свободно рядомъ пройти. Кромѣ этихъ промежутковъ въ сотахъ, то тамъ, то здѣсь, продѣланы отверстія, составляющія какъ бы калитки, для того, чтобы пчелы могли переходить съ одного сота на другой, не теряя времени на обходъ.

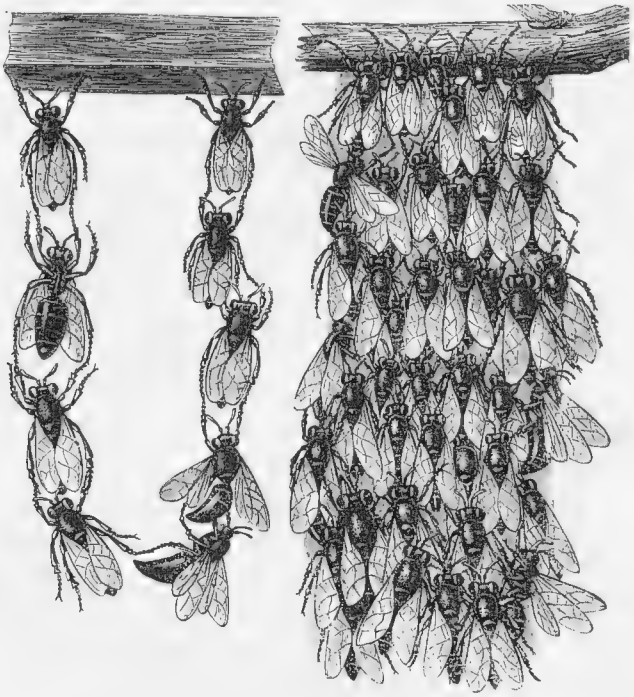
Всѣ соты и ячейки, какъ уже сказано выше, сдѣланы изъ воска. Но откуда же пчелы берутъ воскъ? спросите вы. На этотъ вопросъ отвѣтить можно только отчасти, потому что до сихъ поръ еще неизвѣстно, какимъ образомъ воскъ вырабатывается въ желудкѣ пчелы. Въ послѣднее время узнали только,

что воскъ появляется не изнутри пчелы, т. е. не черезъ ротъ ея и хоботокъ, а на брюшкѣ, въ видѣ маленькихъ пластинокъ, и

принимается за «выпотѣніе» насѣкомаго. Такъ какъ ячейки дѣлаются изъ воска, а послѣдній выдѣляется у каждой пчелы только въ очень небольшемъ количествѣ, то необходимо тратить его какъ можно меньше. Поэтому пчеламъ пришлось рѣшить слѣдующую трудную задачу: «изъ даннаго количества воска сдѣлать равныя, одинаковыя ячейки, опредѣленнаго объема (объемъ ихъ долженъ быть такъ великъ, какъ только позволитъ количество воска); а расположеніе ячеекъ должно быть такое, чтобы онѣ занимали въ ульѣ какъ можно меньше мѣста». Эту задачу рѣшаютъ пчелы такъ удачно, какъ не рѣшили бы самые искусные архитекторы. Если бы ихъ ячейки были цилиндрической формы, — что повидимому болѣе всего подходило бы къ туловищу пчелъ,—то онѣ не могли бы прикасаться одна къ другой, не оставляя между собой много свободнаго мѣста. Если бы ячейки были четыреугольныя или треугольныя, то это неудобство было бы отстранено, но съ другой стороны потребовалось бы гораздо большее количество воска, и форма ихъ была бы неудобна для округленнаго тѣльца пчелки. Шестиугольныя же ячейки удивительно приспособливаются къ тѣльцу насѣкомаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, прикасаясь сторонами одна къ другой, не оставляютъ лишняго свободнаго мѣста. Дѣлая одно и тоже основаніе для обоихъ рядовъ ячеекъ, пчелы тѣмъ тоже сберегаютъ свой дорогой матеріалъ, и въ виду того же, т. е. возможно большаго сбереженія, дѣлаютъ стѣнки и дно ячеекъ чрезвычайно тонкими, не толще писчей бумаги; но такъ какъ такія тонкія стѣнки могли бы быть попорчены рабочими, постоянно входящими и выходящими изъ ячеекъ, то края каждой такой ячейки дѣлаются втрое и вчетверо толще стѣнокъ.

Выше было сказано, что воскъ выдѣляется въ желудочкѣ пчелы и выступаетъ наружу на брюшкѣ въ видѣ небольшихъ пластинокъ. При этомъ выдѣленіи и выступаніи воска наружу, пчелы принимаютъ очень странное, можно сказать, смѣшное положеніе. Принявъ извѣстное количество меду и цвѣточной пыли, изъ которыхъ вырабатывается воскъ, пчелы привѣшиваются одна къ другой такимъ образомъ, что переднія лапки одной зацѣпляются за заднія лапки другой, до тѣхъ поръ, пока не образуется цѣпь, прикрѣпленная обоими концами къ своду и состоящая изъ гирляндъ или фестоновъ, пересѣкающихъ другъ

друга въ различныхъ направленіяхъ. Изъ всего этого въ концѣ концовъ составляется длинная гроздь, которая свѣшивается до

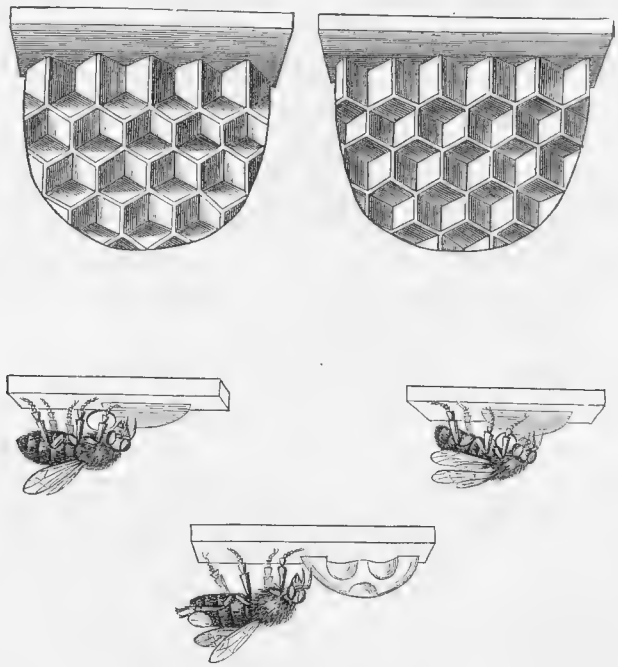


дна улья. Въ этомъ положеніи пчелы остаются неподвижными двадцать четыре часа, въ продолженіи которыхъ вырабатывается воскъ. Наконецъ одна изъ нихъ, почувствовавъ въ себѣ достаточное количество воска, отрывается отъ остальной группы и направляется къ своду улья, гдѣ она нѣсколько времени вращается вокругъ себя и разчищаетъ себѣ мѣсто, гдѣ бы она могла свободно двигаться. Затѣмъ она приближаетъ къ брюшку одну изъ заднихъ ножекъ и щипчиками, которыми снабжена ножка, схватываетъ восковую пластинку и передаетъ переднимъ ножкамъ. Тутъ она помѣщаетъ пластинку передъ ртомъ, переворачивая ее передними лапками, и челюстями начинаетъ дробить пластинку на кусочки, смачивая каждый пѣнистой жидкостью, выходящей изъ рта; такимъ образомъ превращаетъ его съ помощью хоботка и челюстей въ восковую ленточку. При этомъ хоботокъ разширяется, какъ лопаточка, или заостряется,

какъ кисточка. Пѣнистая жидкость, смѣшавшись съ воскомъ, придаетъ ему бѣлизну и гибкость, которой онъ прежде не имѣлъ и которая даетъ возможность передѣлывать его въ разныя формы.

Приготовленные восковые кусочки маленькая работница, или какъ её еще называютъ—*каменьщица* приклеиваетъ къ своду улья, такъ, какъ она считаетъ нужнымъ. Когда она употребитъ такимъ образомъ всю пластинку, она беретъ вторую, и продолжаетъ свою работу до тѣхъ поръ, пока не израсходуетъ весь свой воскъ; тогда она возвращается опять къ своимъ товаркамъ и другая занимаетъ ее мѣсто, затѣмъ третья и т. д.; всѣ слѣдуютъ одному и тому же плану для расположенія ихъ воска; и если одна пчела случайно положила свой воскъ въ другомъ направленіи, то другая тотчасъ же передвигаетъ его на должное мѣсто. При этомъ пчелы хлопочутъ только объ одномъ: чтобы частички воска прилипли другъ къ другу, и не стараются пока сплотнять одну частичку съ другой. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ работъ получается маленькая восковая стѣнка, которая перпендикулярно (отвѣсно) спускается съ свода улья. Въ этой первой работѣ нѣтъ ни одного угла и ни малѣйшаго слѣда будущихъ ячеекъ. Это просто прямая стѣнка безъ всякихъ изгибовъ. Когда такимъ образомъ положено основаніе сота, другія пчелы являются для отдѣлки и выдѣлки первой работы. Первыя — каменьщицы, представившія и приготовившія матеріалъ, послѣднія—художницы, которыя даютъ форму этому матеріалу, выдѣлываютъ и отдѣлываютъ его. Одна изъ такихъ пчелокъ помѣщается теперь горизонтально на вершинѣ улья (какъ показано на рисункѣ); головка ея обращена къ серединѣ восковой стѣнки, которая должна находиться между обоими рядами ячеекъ сота,—и, быстро ворочая головкой, она вылѣпливаетъ въ стѣнкѣ углубленіе. Проработавъ нѣсколько минутъ, она отходитъ; другая занимаетъ ея мѣсто, увеличиваетъ углубленіе и, разгребая воскъ на право и на лѣво челюстями и передвигая ногами, возвышаетъ его стѣнки. Болѣе двадцати пчелъ работаютъ поочередно надъ этимъ дѣломъ. Когда выемка углублена до извѣстной степени, другія пчелы начинаютъ работать на другой, противоположной сторонѣ стѣнки и, сдѣлавъ основаніе для двухъ ячеекъ, опять уступаютъ мѣсто другимъ. Пока онѣ трудятся надъ этимъ,

свѣжія каменьщицы прибываютъ и прибавляютъ воскъ, увеличивая стѣнку со всѣхъ сторонъ, и снова удаляются, предоставляя художницамъ продолжать свои прерванныя занятія. Когда вылѣплено дно для ячеекъ, однѣ пчелки отполировываютъ и отдѣлываютъ ихъ начисто, между тѣмъ какъ другія закладываютъ новые ряды ячеекъ.



Шестисторонніе стѣнки ячеекъ вылѣпливаются уже впослѣдствіи. Пчелы начинаютъ съ того, что края углубленій выравниваютъ подъ одну высоту, такъ что всѣ эти края вначалѣ представляютъ одну однообразную, ровную поверхность. Затѣмъ приступаютъ къ удлиненію стѣнокъ ячеекъ, и длина этихъ трубочекъ до такой степени одинакова, что невозможно замѣтить малѣйшей неравности.

Выдѣлывая въ форму донышки ячеекъ, пчелы усердно употребляютъ въ дѣло свои усики, которые, кажется, руководятъ остальными орудіями при производствѣ ихъ сложныхъ работъ. Пчелы не сдвинутъ ни одну частичку воска, прежде чѣмъ усики тщательно не изслѣдуютъ то мѣсто, которое надо вылѣпить.

Съ помощью усиковъ пчелы могутъ измѣрять самые мелкіе предметы какъ циркулемъ, и работать въ темнотѣ.

Всѣ эти работы производятся съ необычайной точностью и правильностью. Восковая стѣна постепенно увеличивается каменьщицами, которыя только производятъ и приносятъ матеріалъ, но не занимаются его выдѣлкой. Двѣ такія стѣнки никогда не начинаются вмѣстѣ; но лишь только устроятъ нѣсколько рядовъ ячеекъ въ одной стѣнкѣ, какъ устраиваются двѣ другія стѣнки, по одной съ каждой стороны первой и параллельно ей, *) затѣмъ еще двѣ такимъ образомъ, чтобы три ранѣе построенныя стѣнки находились бы между ними и т. д. все въ томъ же порядкѣ, т. е. чтобы вновь построенныя стѣнки всегда находились по обѣ стороны прежнихъ стѣнокъ.

Въ новомъ ульѣ пчелы работаютъ съ такой быстротой, что въ двадцать четыре часа устраиваютъ сотъ въ 11—12 вершковъ ширины, такъ что улей наполняется на половину уже черезъ пять или шесть дней; вообще въ первые пятнадцать дней пчелы вырабатываютъ такое же количество воска, какъ и за цѣлый годъ.

Слѣдить за этими работами не легко, потому что, разъ попавъ въ улей, пчелы получаютъ отвращеніе къ свѣту, и если помѣстить пчелъ въ свѣтлый улей, то онѣ первымъ дѣломъ закупориваютъ окна, замазывая ихъ узой. Поэтому придумали такой улей, который раскрывался бы, какъ книга; съ помощью такого улья можно было наблюдать тѣ работы, которыя мы описали выше (см. рисунокъ на стр. 61).

Значеніе воска въ торговлѣ очень велико. Самый простой способъ для выдѣлки воска слѣдующій. Когда сотъ очищенъ отъ меда, воскъ кладется въ шерстяной мѣшокъ, отверстіе котораго крѣпко завязывается; мѣшокъ опускаютъ въ сосудъ съ кипяткомъ; тогда чистый воскъ просачивается сквозь матерію и плаваетъ на поверхности. Его тщательно снимаютъ и кладутъ въ пустой глиняный сосудъ, стѣнки котораго предварительно намачиваются, чтобы воскъ не приставалъ къ нимъ.

Возвратимся теперь къ нашимъ пчеламъ.

---

*) Параллельными линіями называются такія линіи, которыя идутъ одна рядомъ съ другой, постоянно на равномъ разстояніи.

Ничто не даетъ такого понятія о замѣчательной дѣятельности пчелъ, какъ внѣшній видъ улья. Съ самаго восхода солнца

и до его заката все тамъ движется, спѣшитъ и работаетъ. Это непрерывный рядъ прибытій и отбытій и самыхъ разнообразныхъ работъ, которыя начинаются, продолжаются и кончаются, съ тѣмъ чтобы начаться снова. Съ поля прибываютъ сотни пчелъ, нагруженныя матеріалами и провизіей, другія встрѣчаютъ ихъ и въ свою очередь отправляются туда же. Здѣсь осторожный часовой осматриваетъ каждаго вновь приходящаго; тамъ поставщики, остановясь у входа, даютъ другимъ пчеламъ разгружать себя и снова спѣшатъ приняться за работу. Мѣстами идетъ рукопашный бой съ чужимъ нахаломъ, забравшимся въ улей; его прогоняетъ рабочая пчела. Далѣе зоркій надсмотрщикъ наблюдаетъ за спокойствіемъ и благосостояніемъ улья; въ другомъ же мѣстѣ рабочія стараются вытащить трупъ своего товарища. Всѣ проходы набиты биткомъ и едва хватаетъ дверей для этой озабоченной, спѣшащей массы входящихъ и выходящихъ. У входа въ улей все въ безпорядкѣ и въ смятеніи; но этотъ безпорядокъ только кажущійся, потому что пчелы въ своихъ работахъ отличаются самымъ замѣчательнымъ благоустройствомъ и распорядительностью. Кромѣ рабочихъ пчелъ въ каждомъ ульѣ находится *царица*, исключительное занятіе которой кладка яичекъ.

Она отличается отъ другихъ пчелъ болѣе длиннымъ тѣльцемъ и менѣе длинными крылышками; кромѣ того, у нея нѣтъ

Рабочая пчела.

Царица.

тарелочекъ на ножкахъ, такъ какъ она не работаетъ. Царицу всегда сопровождаетъ нѣсколько рабочихъ, которыя её чистятъ, облизываютъ, подносятъ своимъ хоботкомъ медъ и предупреждаютъ всякое ея желаніе. Она царитъ надъ всѣмъ пчелинымъ государствомъ и управляетъ нѣсколькими тысячами рабочихъ въ ульѣ, и всѣ покорно повинуются ея волѣ.

Въ каждую ячейку царица кладетъ по одному яичку. Если ей случится положить болѣе одного яичка въ одну ячейку, то сопровождающія её пчелы вынимаютъ и выбрасываютъ лишнія яички. Изъ яичекъ развиваются впослѣдствіи червячки, о которыхъ мы уже говорили, а затѣмъ пчелы. Но не изъ всѣхъ яичекъ развиваются рабочія пчелы. Нѣкоторыя яички кладутся въ особо устроенныя ячейки, которыя предназначаются для будущихъ царицъ и называются *царскими ячейками*; онѣ нѣсколько больше обыкновенныхъ ячеекъ. Яички царицы имѣютъ продолговатый видъ; цвѣта они голубовато-бѣлаго; червячки, которые изъ нихъ выходятъ, питаются особенной пищей, состоящей изъ густаго, сладкаго вещества, извѣстнаго подъ именемъ «царскаго желе», и пользуются особеннымъ уходомъ. Если случится пчеламъ лишиться своей царицы, то онѣ тотчасъ же выбираютъ одну изъ царскихъ ячеекъ и начинаютъ всѣми силами ухаживать за нею, приносятъ пищу лежащему въ ней червячку, грѣютъ его, увеличиваютъ его ячейку, чтобы онъ могъ удобнѣе расти, и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы воздухъ, тепло и пища—все способствовало бы его развитію. Вообще развиваются царицы только изъ тѣхъ червячковъ, за которыми ухаживаютъ какъ показано выше. Обыкновенно ухаживаютъ пчелы только за одной ячейкой—когда имъ нужна царица, а остальныя царскія яички остаются на запасъ. Если по чему нибудь въ ульѣ нѣтъ цар-

скихъ ячеекъ, а между тѣмъ нужна улью царица, то пчелы начинаютъ ухаживать за обыкновенной рабочей ячейкой и, благодаря этому ухаживанью, изъ ячейки выходитъ не рабочая пчела, а царица.

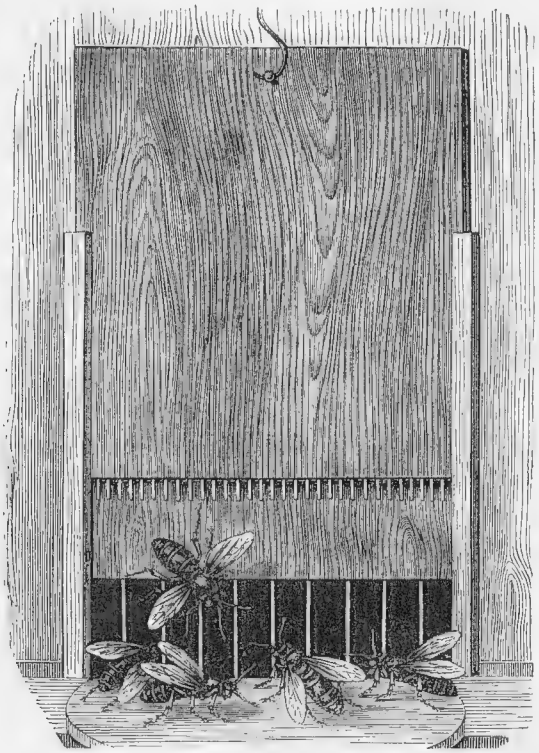
Пока царицы нѣтъ, въ пчелахъ замѣтно безпокойство, работа ихъ не подвигается такъ живо, летаютъ онѣ вяло и въ ульѣ нарушается обыкновенный, образцовый порядокъ. Но лишь только изъ ячейки выйдетъ молодая царица, пчелы вновь оживляются и вся жизнь идетъ опять своимъ обычнымъ путемъ. Но бѣда если изъ царскихъ ячекъ выйдутъ вдругъ двѣ царицы; онѣ непремѣнно вступятъ другъ съ другомъ въ бой и до тѣхъ поръ не успокоятся, пока одна изъ нихъ не падетъ мертвая. Тогда побѣдительница успокоивается, и съ ней вмѣстѣ всѣ рабочія пчелы, которыя находятся въ крайнемъ смятеніи во все время боя двухъ соперницъ; молодая царица принимается за кладку ячекъ. Случается также, что одна изъ царицъ съ частью своихъ подданныхъ оставляетъ улей.

Но кромѣ этихъ побоищъ бываютъ также настоящія войны. Случается, что пчелы опустѣвшаго улья, руководимыя голодомъ, рѣшаются сдѣлать нападеніе на сосѣдній улей съ цѣлью ограбить всѣ его сокровища и запасы. Тогда начинается жестокій бой. Каждая пчела съ яростью бросается на своего противника, и два бойца, сцѣпившись одинъ съ другимъ, до тѣхъ поръ не выпускаютъ другъ друга, пока одинъ изъ нихъ не падетъ мертвымъ.

Пчелы одного улья дѣлаютъ нападеніе на пчелъ другаго только вслѣдствіе голода. Въ этомъ случаѣ, пчелы, на которыхъ нападаютъ сильнѣйшіе враги, могутъ между прочимъ спастись тѣмъ, что подставляютъ врагу свой хоботокъ, наполненный медомъ; непріятель одинъ за другимъ высасываютъ медъ и, насытившись, съ спокойной совѣстью оставляютъ пчелу и возвращаются въ свое жилище.

Нападая на мнимаго или дѣйствительнаго врага, пчела старается его ужалить, и въ большинствѣ случаевъ послѣ ужаленія сама умираетъ, потому что она не можетъ вынуть свое жало изъ кожи непріятеля, и принуждена его оставлять въ ней, причемъ, вмѣстѣ съ жаломъ, отрывается отъ пчелы и кусочекъ брюшка.

Нигдѣ не высказывается ярче умъ пчелы, какъ въ защитѣ себя отъ непріятеля. У входа въ улей всегда находятся двѣ или три пчелы, исключительное назначеніе которыхъ—охранять улей; онѣ наблюдаютъ за приходящими и уходящими и стерегутъ, чтобы непріятель не проскользнулъ внезапно въ общину. Своими усиками эти сторожа ощупываютъ каждаго входящаго.



Многія насѣкомыя, между прочимъ бабочки, стараются часто проникнуть въ улей, чтобы полакомиться медомъ. Въ такихъ случаяхъ, на призывъ вѣрныхъ сторожей, собираются пчелы и употребляютъ всѣ усилія для защиты своего жилища. И дѣйствительно, впустивъ непріятеля въ улей, пчелы потеряли бы всякую возможность охранять себя отъ потери и убытковъ, неразлучныхъ съ этимъ вторженіемъ. Если бабочка, извѣстная подъ названіемъ *бражника* (Адамова голова), проникнетъ въ улей, то она начинаетъ жадно пить медъ большими глотками и уничтожаетъ такимъ образомъ сдѣланные запасы несчастныхъ

хозяевъ, которые часто послѣ этого принуждены оставлять свой улей и искать другой.

Разсказываютъ, что одинъ любитель пчелъ построилъ въ своемъ саду улей. Скоро онъ замѣтилъ, что въ этомъ же саду поселились птицы, извѣстныя подъ именемъ *щурковъ*. Усѣвшись на деревѣ, онѣ жадно хватали всѣхъ мимо пролетавшихъ пчелъ и пожирали ихъ. Ружейные выстрѣлы прогоняли только полезныхъ птицъ, щурки же оставались равнодушны къ запаху пороха и, казалось, были неуязвимы.

Однажды, когда хозяинъ сада придумывалъ, какое бы найти средство противъ этихъ непріятелей, онъ услыхалъ вдругъ сильный шумъ. Нѣсколько пчелъ, счастливо избавясь отъ ненавистнаго клюва щурка, поспѣшно возвратились въ улей и распространили тамъ тревогу. Тогда противъ щурковъ была отправлена сильная и грозная армія. Птицы, воспользовавшись этой добычей, насытились по горло и, когда часть побѣжденныхъ снова возвратилась въ улей, онѣ приняли прежнее положеніе.

Скоро въ ульѣ поднялась страшная суматоха и можно было видѣть, какъ пчелы, собравшись въ густую и тѣсную массу, съ быстротой бросились на непріятеля, который на этотъ разъ скоро обратился въ бѣгство и потомъ уже не возвращался болѣе. Удовлетворенныя своимъ успѣхомъ, пчелы возвратились домой.

Въ слѣдующей книжкѣ я разскажу еще нѣкоторыя подробности о жизни пчелъ, которыя, надѣюсь, васъ заинтересуютъ.

***

ВОЛКЪ.

Волкъ—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ животныхъ, особенно въ Россіи. Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такого обилія волковъ, какъ у насъ. Поэтому у насъ знаетъ его каждый, и старый и малый; иной самъ не разъ его видалъ, а кто не видалъ, тотъ навѣрно о немъ слыхалъ. Про волка и въ сказкахъ разсказываютъ, и въ пѣсняхъ поютъ; и пословицы про него сложили, и въ басни ввели. Всѣ знаютъ волка, много про него говорятъ; но хорошаго о немъ ни отъ кого никогда не услышишь. Только и разсказовъ о немъ, что тамъ утащилъ

онъ въ лѣсъ барана, тутъ загрызъ корову или лошадь, здѣсь забѣжалъ въ деревню, переранилъ много людей и, голодный, ушелъ дальше искать себѣ поживы; а тамъ съ поля или изъ

деревни унесъ къ себѣ ребенка, неосторожно оставленнаго матерью,... да мало-ли бѣдъ причиняетъ этотъ *сѣрый пріятель* (какъ въ шутку называетъ его нашъ народъ)! Всѣ эти разсказы рисуютъ волка ненасытнымъ, кровожаднымъ, постоянно голоднымъ, постоянно рыскающимъ туда и сюда и озабоченнымъ пріисканіемъ пищи. И онъ дѣйствительно таковъ.

Съ виду волкъ похожъ на собаку, особенно на одну породу собакъ—овчарку. Сходство это такъ велико, что человѣкъ, рѣдко видѣвшій волка, легко можетъ принять волка за собаку и собаку за волка. Однако, если всматриваться въ него ближе, то не трудно замѣтить особые, ему одному принадлежащіе признаки.

Голова волка шире, чѣмъ голова собаки, рыло острое; такъ что уже по одной формѣ головы можно отличить волка отъ собаки. Шея короткая и толстая, и шейныя кости (позвонки) такъ велики и такъ плотно соединены одна съ другой, что волкъ не можетъ свободно ворочать шею, не можетъ оглядываться, поворачивая голову назадъ, какъ дѣлаютъ другія животныя. Но за то шея его такъ сильна, что онъ, схвативъ зубами барана, несетъ его въ лѣсъ на вѣсу, а не волочитъ по землѣ, и съ этою ношею перепрыгиваетъ свободно черезъ канавы и заборы. (Часто говорятъ, что волкъ закидываетъ свою добычу на спину; но это невѣрно: онъ не можетъ такъ свободно ворочать шею). Цвѣтъ шерсти нашего русскаго волка всегда сѣрый; есть волки и другихъ цвѣтовъ,—рыжіе, чернобурые, красные,—но у насъ въ Россіи живутъ только сѣрые волки. Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ свѣтлѣе становится шерсть волка, такъ что на дальнемъ сѣверѣ существуютъ даже совершенно бѣлые волки. На спинѣ, у головы, шерсть всегда немного приподнята. Хвостъ соединяется съ туловищемъ такимъ образомъ, что волкъ не можетъ поднять его къ верху, какъ это дѣлаетъ собака, а держитъ всегда опущеннымъ къ землѣ, и обыкновенно поджимаетъ между ногъ, какъ собака, когда она чего нибудь боится. Волкъ не можетъ лаять; онъ только воетъ, и такой вой производитъ самое непріятное и тяжелое впечатлѣніе, особенно если воютъ нѣсколько волковъ за разъ.

Волкъ кормится только мясомъ; слѣдовательно, онъ животное *плотоядное* (такъ называются животныя, питающіяся плотью

т. е. мясомъ; животныя, питающіяся травой и вообще растительной пищей, называются *травоядными*). Волкъ,—какъ и всѣ плотоядныя,—долженъ искать себѣ мясной пищи потому, что зубы его не способны жевать траву. Корова, лошадь, овца—имѣютъ широкіе зубы, и челюсти ихъ устроены такъ, что, двигая ими вправо и влѣво, животныя эти перетираютъ траву между зубами и этимъ размельчаютъ ее. У волка же, напротивъ, (какъ и у собаки, лисицы, кошки) зубы не широкіе, а заостренные, и челюсти не двигаются въ стороны, а только вверхъ и внизъ. Вамъ, вѣроятно, случалось видѣть, какъ собака, забравшись въ траву, пробуетъ ѣсть ее. Вы, конечно, замѣтили, сколькихъ усилій стоитъ ей перегрызть травинку, которая не легко попадаетъ на ея заостренные зубы, а чаще—между зубами. Точно такъ же трудно ѣсть траву и волку. Поэтому-то онъ и ищетъ себѣ мясной пищи, которую онъ удобно можетъ отрывать и размельчать своими зубами на мелкіе куски. Волкъ питается всѣмъ, что мясное. Онъ ѣстъ и птицъ, и мышей, и зайцевъ, и барановъ, и лошадей; не пренебрегаетъ и падалью, хотя бы она была совсѣмъ гнилая.

Чаще всего волкъ отправляется искать добычу къ человѣческому жилью. Хотя, конечно, и въ лѣсахъ есть пригодная для него пища; но дѣло въ томъ, что лѣсныя животныя отличаются вообще крайнею осторожностью. Они постоянно на сторожѣ, постоянно напрягаютъ свой слухъ и зрѣніе, какъ для подстереганія добычи, такъ и для обереганія себя отъ враговъ. Поэтому волку не такъ легко напасть на какое нибудь лѣсное животное въ расплохъ. Напротивъ, домашнимъ животнымъ не приходится постоянно думать объ опасности; поэтому они беззаботны, не достаточно чутки, не ожидаютъ нападенія ни съ какой стороны и легко даютъ волку возможность схватить себя и утащить.

Зимой волки ближе и чаще подходятъ къ жилью и дѣлаются вообще смѣлѣе, чѣмъ лѣтомъ. Смѣлость эта является у нихъ вслѣдствіе голода. Зимою нѣтъ въ лѣсу птицъ; многія животныя залегаютъ на зиму въ свои норы и спятъ; падаль, которою охотно питаются волки и которую чуютъ за нѣсколько верстъ,—скоро замерзаетъ и заносится снѣгомъ, такъ что не издаетъ запаха. Поэтому поневолѣ приходится волку, чтобы не уме-

реть съ голоду, рыскать около деревень, забираться на дворы, и даже нападать на проходящихъ и проѣзжающихъ.

Волкъ отправляется на промыселъ чаще ночью, чѣмъ днемъ. Глаза его такъ устроены, что онъ такъ же хорошо видитъ ими въ потьмахъ, какъ и при свѣтѣ. (Такою способностью обладаютъ многія животныя; она зависитъ отъ того, что зрачекъ глаза можетъ у нихъ сильно расширяться). Ночью волчьи глаза блестятъ какъ два угля. Прорыскавъ цѣлую ночь, онъ передъ разсвѣтомъ возвращается въ свой лѣсъ. Впрочемъ, очень голодные волки выходятъ на промыселъ и днемъ, и въ этомъ случаѣ они дѣлаются до такой степени дерзки, что бросаются на стадо, не смотря на присутствіе пастуховъ и собакъ, схватываютъ овцу и утаскиваютъ ее такъ быстро, что всегда успѣваютъ спастись отъ собакъ.

Иногда, встрѣчая молодую, неопытную собаку, волкъ смѣло подходитъ къ ней, дѣлаетъ скачки, валяется на спинѣ, всячески показывая, что желаетъ играть съ нею; но едва только она подойдетъ къ нему, волкъ вонзаетъ въ нее свои острые клыки и уноситъ въ лѣсъ.

Голодный или раненый волкъ выражаетъ свое страданье или боль вытьемъ, которое,—какъ выше было сказано,—производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Одинъ и тотъ же волкъ иногда распѣваетъ на разные манеры, такъ, что незнающій человѣкъ можетъ подумать, что ихъ воютъ нѣсколько штукъ. Молодые волчата воютъ и лаютъ, какъ щенята, и до того тоненькими, пронзительными голосами, что ихъ жалобный, унылый вой слышится на далекомъ разстояніи.

Любовь волковъ къ своимъ дѣтенышамъ и забота о нихъ изумительна. Въ попеченіяхъ о маленькихъ волчатахъ принимаетъ участіе часто не только одна волчица, но и волкъ; онъ, также какъ и мать, приноситъ имъ пищу и защищаетъ до послѣдней капли крови во время опасности. Такъ, одинъ охотникъ разсказываетъ, что убивъ однажды волчицу, онъ отнесъ молодыхъ волчатъ въ другое мѣсто, перерѣзавъ имъ предварительно жилы на ногахъ, такъ что они не могли ходить, а только ползать. Потомъ, уже поздно осенью, когда выпалъ снѣгъ, онъ отправился отыскивать волчатъ, которые, какъ онъ полагалъ, должны были уйти съ того мѣста. И дѣйствительно, по слѣду на снѣгу онъ

ихъ скоро нашелъ, и засталъ съ ними стараго волка, который долго защищалъ ихъ какъ нѣжная мать; но пуля сразила его около волчатъ, которые были уже большіе, съ хорошей шкурой и съ согнутыми ногами. Вѣроятно старый волкъ помогалъ молодымъ волчатамъ кормиться. Другой охотникъ разсказываетъ слѣдующій любопытный случай. «Въ деревнѣ, гдѣ я проводилъ однажды лѣто, мнѣ нерѣдко разсказывали, что волки сильно обижаютъ крестьянъ, таская чуть не изъ дворовъ домашнихъ животныхъ. Однажды приходятъ ко мнѣ нѣсколько человѣкъ и просятъ отправиться съ ними на охоту, говоря, что они знаютъ волчье гнѣздо, но одни безъ хорошаго охотника боятся идти его разворять, и потому обращаются ко мнѣ какъ къ охотнику. Разворить же гнѣздо непремѣнно надо, такъ какъ если гдѣ есть два или три волчьихъ гнѣзда, то ужь и жди, что каждый день будутъ исчезать то ягнята, то щенята, то свиньи. Я конечно обрадовался такому приглашенію; поскорѣе собрался, взялъ съ собой двухъ человѣкъ и отправился. Сначала мы долго ходили по́пусту, долго разыскивали гнѣздо, но все безуспѣшно. Къ несчастью, сталъ еще накрапывать мелкій дождь. Но мы, несмотря на нашу неудачу, продолжали идти дальше, громко разговаривая, и думали уже возвратиться домой, какъ совершенно неожиданно намъ на встрѣчу выбѣжала волчица, громко завыла и скрылась за небольшой горкой. Мы догадались, что она выбѣжала изъ гнѣзда, бросились разыскивать его, и вскорѣ намъ удалось найти разрытую нору, въ которой помѣщалось волчье гнѣздо. Мы разложили огонь возлѣ гнѣзда и направили въ него дымъ. Скоро застонали и закашляли подъ землею молодые волчата. Вдругъ въ это время тихонько прибѣжала къ гнѣзду волчица и съ остервенѣніемъ бросилась на насъ. Я схватилъ ружье и хотѣлъ положить ее съ одного выстрѣла; но ружье осѣклось, а волчица подбѣжала вплоть къ одному изъ нашихъ товарищей и хотѣла схватить его. Однако тотъ не потерялъ присутствія духа и поймалъ ее за уши, но удержать не могъ; волчица вырвалась изъ рукъ и съ воемъ бросилась отъ гнѣзда. Мы продолжали подкарауливать и вскорѣ вытащили изъ гнѣзда двухъ волчатъ, едва переводившихъ дыханіе; положили ихъ на траву и начали крючкомъ доставать другихъ. Вдругъ волчица снова подбѣжала къ гнѣзду; но замѣтивъ, что я схватилъ ружье, снова убѣжала и

завыла страшнымъ, отчаяннымъ голосомъ. Между тѣмъ добытые нами волчата стали мало по малу шевелиться и наконецъ совсѣмъ ожили, плотно прилегли къ землѣ и закрыли глаза, какъ бы мертвые, изрѣдка поглядывая на насъ въ полглаза. Я нарочно изъ любопытства взялъ обоихъ волченятъ, связалъ ихъ за заднія лапы платкомъ, отнесъ нѣсколько въ сторону и положилъ на землю, а самъ спрятался. Спустя нѣсколько минутъ, когда все пріутихло, волчата стали поглядывать почаще и наконецъ, не видя никого около себя, сначали поползли, а потомъ, привставъ на ноги, бросились бѣжать. Я скорѣе кинулся за ними, и когда сталъ ихъ догонять, то они тотчасъ припали и защурили глаза, какъ будто это не ихъ было дѣло. Подобныхъ продѣлокъ они дѣлали много. Когда я посылалъ за ними собаку, они огрызались на нее и ворчали. Мы добыли еще четырехъ волчатъ, собрались и хотѣли уже отправиться домой, какъ вдругъ саженяхъ въ 200-хъ отъ насъ появилась снова волчица, но уже не одна, а съ волкомъ; они оба сѣли рядомъ на склонѣ горы и затянули пронзительный, раздирающій душу дуэтъ. Я взялъ ружье и отправился къ нимъ въ обходъ, но они меня замѣтили и убѣжали. Какъ видно, волкъ не шутя принималъ участіе въ дѣтяхъ. Между тѣмъ стало смеркаться, дождикъ шелъ непрерывно, на небѣ темнѣло все болѣе и болѣе; наконецъ послышались сначала отдаленные раскаты грома, а потомъ вслѣдъ за молніей стали раздаваться порядочные удары грома... Гроза приближалась. Дождикъ полилъ какъ изъ ведра. Мы поторопились, собрали добычу въ мѣшокъ и пѣшкомъ, скользя и спотыкаясь, поплелись домой. Волкъ и волчица всю дорогу, почти до самой окраины селенія, бѣжали за нами чуть не по пятамъ и выли страшно и непріятно... Усталые и голодные, промокшіе до костей, едва-едва добрались мы до дому уже поздно вечеромъ».

Несмотря на свирѣпость и дикость волка, встрѣчаются случаи, которые доказываютъ, что и волка, какъ и другихъ животныхъ, можно сдѣлать ручнымъ. Конечно, для прирученія надо брать не стараго волка, который уже слишкомъ одичалъ и потому не поддается никакой ласкѣ и заботливости человѣка, а молодаго. Разсказываютъ, что одинъ изъ волковъ, бывшихъ въ Парижскомъ звѣринцѣ, былъ пойманъ въ ранней молодости и воспитанъ какъ собачій щенокъ; онъ привыкъ ко всѣмъ людямъ,

жившимъ съ нимъ въ одномъ домѣ; но сильную привязанность ѳувствовалъ къ одному только хозяину. Онъ повиновался всѣмъ чго приказаніямъ, ласкалъ его и не покидалъ ни на шагъ. Уѣзжая, хозяинъ подарилъ волка звѣринцу. Волкъ первое время былъ такъ печаленъ, что даже боялись за его жизнь. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ почти ничего не ѣлъ; но наконецъ мало по малу привыкъ къ новымъ людямъ, за нимъ ходившимъ, снова повеселѣлъ и сталъ ѣсть по прежнему. Черезъ полтора года старый хозяинъ снова вернулся въ Парижъ, пошелъ въ звѣринецъ и, скрывшись въ толпѣ, кликнулъ волка. Не видя его, животное вспомнило знакомый голосъ и чрезвычайно обрадовалось. Когда отворили клѣтку, волкъ бросился къ старому хозяину и сталъ къ нему ласкаться, какъ собака. За этимъ свиданіемъ снова послѣдовала разлука; волкъ грустилъ больше прежняго. Прошло три года; волкъ снова повеселѣлъ, очень полюбилъ собаку, которая была посажена къ нему въ клѣтку, ласкался къ сторожамъ. Однажды вечеромъ, когда звѣринецъ былъ уже закрытъ, прежній хозяинъ подошелъ къ нему и тотчасъ былъ узнанъ: волкъ отвѣтилъ на его голосъ, завылъ, запрыгалъ въ клѣткѣ, такъ что его принуждены были выпустить. Съ радостнымъ крикомъ бросился онъ къ своему старому знакомому, положилъ лапы ему на плечи, сталъ ласкаться, лизать ему лицо и едва не искусалъ сторожей, которые хотѣли отогнать его отъ его пріятеля. Послѣ третьей разлуки волкъ едва не умеръ, и уже навсегда остался угрюмымъ и печальнымъ.

Такимъ образомъ изъ этого разсказа видно, что волка можно сдѣлать ручнымъ, можно пріучить его не только не дичиться человѣка, но даже полюбить его и его домашнихъ. Къ сожалѣнію, такихъ разсказовъ немного, вѣроятно оттого, что человѣкъ еще не далъ себѣ труда приручать молодыхъ волчатъ, или если онъ брался за воспитаніе послѣднихъ, то брался не такъ, какъ слѣдуетъ, не лаской и заботливостью, а побоями, и тѣмъ только ожесточалъ ихъ противъ себя. Но несмотря на то, что разсказовъ о ручныхъ волкахъ очень немного, однако видно, что характеръ волка измѣняется подъ вліяніемъ человѣка. Въ мѣстахъ мало населенныхъ, онъ гораздо менѣе остороженъ и подчасъ попадаетъ въ очень нехитро устроенныя ловушки, тогда какъ въ странахъ населенныхъ онъ выказываетъ

гораздо больше хитрости и недовѣрчивости, такъ что человѣку надо его перехитрить чтобы заманить въ приготовленную для него ловушку.

Ни въ какомъ животномъ, развѣ только въ лисицѣ, нельзя встрѣтить такое искусство въ огражденіи себя отъ нападеній и такую ловкость въ добываніи себѣ добычи. Посмотрите, какъ, выглядѣвъ какую нибудь злополучную овцу или неопытную собаку, онъ подкрадывается къ ней, озираясь вокругъ, осматриваясь, притаиваясь, и наконецъ нападаетъ на свою добычу, и почти всегда удачно. При такой ловкости, силѣ и быстротѣ, терзаемые и побуждаемые голодомъ, волки, разумѣется, производятъ опустошительныя нападенія на стада и селенія и считаются крестьянами злѣйшими врагами, потому и охотятся они за ними усиленно и ожесточенно. Сколько ловушекъ разставляется для волковъ! и какое веселье распространяется между крестьянами, когда удастся заманить сѣраго пріятеля въ одну изъ ловушекъ! Сколько прибаутокъ и хохоту слѣдуетъ за такой добычей.

Одна изъ распространенныхъ у насъ ловушекъ это *загородь* или *садокъ*. Садокъ этотъ дѣлается такъ. Выбираютъ чистую лужайку въ лѣсу или около лѣсу, черезъ которую зимой преимущественно ходятъ волки; набиваютъ на ней въ два ряда кольевъ, въ видѣ 2-хъ круговъ, одинъ внутри другаго, на разстояніи другъ отъ друга 10 или 12 вершковъ, чтобы волкъ между ними могъ только свободно пройти, но не въ состояніи былъ бы оборотиться между рядами кольевъ. Въ первомъ ряду кольевъ дѣлается дверь, такъ, чтобы она могла сама отвориться во внутрь, между рядами кольевъ, и какъ разъ запирала бы натуго проходъ между ними. Садокъ этотъ дѣлается съ лѣта, чтобы къ нему заранѣе привыкли молодые волки и зимой не боялись бы его. Иногда даже нарочно не навѣшиваютъ къ садку двери, а кладутъ между рядами кольевъ какую нибудь падаль, чтобы пріучить волковъ. Когда замѣтятъ, что волки заходятъ въ садокъ и съѣдаютъ приманку, то дверь навѣшиваютъ, а въ середину внутренняго круга кладутъ какую нибудь падаль, или негодную овцу, издохшаго теленка, а иной разъ живаго поросенка, который своимъ крикомъ приманиваетъ волковъ издалека. Волкъ, почуя запахъ или услыша визгъ, бѣжитъ къ знакомому

уже садку и сквозь колья видитъ лакомый кусочекъ; но замѣтя навѣшанную дверь, которую онъ прежде не замѣчалъ, сначала не рѣшается подойти къ садку. Однако голодъ и привлекательный видъ поросенка берутъ верхъ надъ осторожностью и заставляютъ его войти черезъ растворенную дверь въ круглый корридоръ. Зайдя въ него, волкъ видитъ приманку въ серединѣ внутренняго круга, идетъ по корридору, ища лазейку къ лакомому куску, и обходя кругомъ, приходитъ къ двери, которая заперла пространство между рядами кольевъ. Волкъ пробуетъ оборотиться — нельзя; онъ поневолѣ толкаетъ дверь, которая тотчасъ запираетъ выходъ, такъ что волкъ проходитъ его и опять попадаетъ въ корридоръ съ той стороны, откуда зашелъ, а дверь снова сама отворяется во внутрь; и бѣдный волкъ, голодный, измученный, все ходитъ по круглому корридору, не добравшись до приманки, до тѣхъ поръ, пока не явится хозяинъ и не сниметъ съ него шкуры. Случалось, что въ такіе садки заходило нѣсколько волковъ и дѣлались легкой добычей счастливаго хозяина садка.

а—приманка; *б*—входъ.

Кромѣ такой ловли производится на волковъ еще ружейная охота. Но она бываетъ менѣе успѣшна, потому что волки очень крѣпки на раны и даже раненые нерѣдко ускользаютъ отъ преслѣдованія охотника. Замѣчательно, что волкъ, будучи раненъ, тотчасъ же покажетъ охотнику то мѣсто, куда ударила пуля, потому что онъ, продолжая бѣжать, тотчасъ же схватываетъ зубами раненую часть.

***

МОЛНІЯ И ГРОМЪ.

(Окончаніе).

Устремляясь изъ тучи къ землѣ, электрическая искра или прямо входитъ въ землю — если туча стоитъ надъ открытымъ мѣстомъ, или же ударяетъ сперва въ тѣ предметы, которые встрѣтятся ей на пути (дерево, домъ, человѣкъ), и уже черезъ нихъ проходитъ въ землю.

Вамъ, можетъ быть, приходилось слышать о *громовыхъ стрѣлахъ*? Разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, куда ударила молнія, всегда дѣлается въ землѣ дыра, а поглубже можно найти и самую молнію—остывшую каменную стрѣлу. Въ этихъ разсказахъ есть правда, а есть и неправда. Дѣло вотъ въ чемъ. Если электрическая искра войдетъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на поверхности земли (или подъ верхнимъ слоемъ) лежитъ песокъ, то она своимъ жаромъ расплавляетъ этотъ песокъ и онъ сплавляется въ круглую, длинную трубку (около вершка толщиною), съ узкимъ отверстіемъ въ серединѣ. Внутреннія стѣнки такихъ трубокъ имѣютъ видъ стекла, а снаружи онѣ шероховаты, красноватаго цвѣта. Трубки эти называются *фульгуритами* (отъ латинскаго слова fulgur—молнія). Бываютъ онѣ иногда очень длинныя, въ нѣсколько саженъ; — конечно, это зависитъ отъ толщины слоя песку, черезъ который проходитъ искра; — но такъ какъ въ нихъ всегда много трещинъ, то онѣ обыкновенно разламываются на маленькіе куски. — Слѣдовательно, разсказъ о томъ, что такія стрѣлы (трубки) находятъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда ударила молнія—вѣренъ; а то, что это, будто бы, самая молнія—невѣрно.

Молнія, какъ сказано выше, не всегда ударяетъ прямо въ землю. Если на томъ мѣстѣ, куда устремляется молнія, находится какой либо предметъ, то она обыкновенно проходитъ чрезъ него, дѣлая ему при этомъ много вреда. Если она пройдетъ чрезъ солому, сухое дерево и т. п., то они немедленно загораются. Деревья обугливаются (такъ какъ сырое дерево не горитъ) и расщепляются, причемъ щепки и содранная кора отбрасываются на далекое разстояніе. Металлическія вещи, если онѣ не очень толсты (напр. проволоки, кольца) — расплавливаются. Животныя и люди убиваются наповалъ.

Понятно поэтому, что люди съ давняго времени искали средства предохранить себя и свои жилища отъ ударовъ молніи. Нѣкоторые изъ древнихъ народовъ имѣли обыкновеніе пускать во время грозы стрѣлы къ тучамъ, чтобы устрашить молнію. Другіе прятались въ глубокія пещеры, полагая, что молнія туда не проникнетъ. Иные надѣвали на себя тюленью шкуру или кожу змѣи, или лавровые вѣнки, или же завертывались въ войлокъ, приписывая этимъ предметамъ свойство охранять отъ ударовъ молніи. Позднѣе существовалъ обычай во время грозы звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ, зажигать костры. Само собою разумѣется, что всѣ эти предохранительныя мѣры оказывались недѣйствительными, и молнія не разбирала, одѣтъ ли человѣкъ въ тюленью шкуру или звонятъ ли въ извѣстной мѣстности колокола. Въ настоящее время существуетъ средство болѣе дѣйствительное—*громоотводы*; я разскажу вамъ, какъ они устроиваются и почему они могутъ предохранять отъ молніи.

Я уже говорилъ вамъ, что когда въ лейденской банкѣ (опытъ «ложка—недотрога») внутри стакана скопляется одно электричество, то на наружной стѣнкѣ собирается противоположное, и оба они стремятся соединиться другъ съ другомъ. Тоже самое бываетъ и во время грозы. Электричество тучъ стремится соединиться съ электричествомъ земли, но въ тоже время и земное электричество обнаруживаетъ стремленіе къ соединенію съ облачнымъ; оно тянется къ нему и, стараясь приблизиться къ нему какъ можно болѣе, поднимается по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые представляютъ болѣе или менѣе хорошій проводникъ и возвышаются надъ землею. Вотъ почему молнія чаще всего ударяетъ въ высокія зданія, башни, коло-

кольни, деревья: направляясь къ землѣ, она встрѣчаетъ въ этихъ предметахъ избытокъ электричества и охотно съ нимъ соединяется.

Замѣчено также, что если электричество собирается въ такомъ предметѣ, который имѣетъ острые концы, то оно мало по малу выходитъ черезъ эти острія въ воздухъ. Этотъ переходъ совершается безъ шума, но часто съ выдѣленіемъ при этомъ свѣта. Такое выдѣленіе свѣта изъ острыхъ концовъ (во время грозы—изъ мачтъ кораблей, изъ копій воиновъ и т. п.), было извѣстно уже древнимъ; они называли его *Касторомъ и Поллуксомъ*; позднѣе это явленіе получило названіе *огня св. Эльма*. У моряковъ огонь св. Эльма считался хорошимъ или дурнымъ предзнаменованіемъ, смотря по тому, на скольких мачтахъ онъ появлялся (не знаю, существуетъ ли такая примѣта и въ настоящее время). Явленіе это объясняется именно тѣмъ, что во время грозы земное электричество, стремясь къ соединенію съ облачнымъ и встрѣчая такіе предметы, чрезъ которое оно удобно переходитъ въ воздухъ, собирается сюда въ большомъ количествѣ; а вы уже знаете, что при сильномъ возбужденіи электричество даетъ свѣтъ.

Вотъ на основаніи этихъ двухъ законовъ электричества и нашли средство оберегать зданія отъ ударовъ молніи, направляя ее въ землю мимо зданія. На вершинѣ зданія ставятъ желѣзный шестъ, вверху заостренный; отъ него идетъ вдоль крыши и стѣны до земли другой шестъ (или нѣсколько шестовъ, плотно соединенныхъ между собою). Нижній конецъ шеста опускается довольно глубоко въ землю. Вотъ и все устройство громоотвода.

Такіе громоотводы представляютъ,—какъ вамъ уже не трудно теперь понять, — двѣ выгоды. Вопервыхъ, проводя земное электричество въ воздухъ, они нѣсколько ослабляютъ избытокъ облачнаго электричества; такъ что если бы возможно было устроить такое количество громоотводовъ, которое выпускало бы столько земнаго электричества, сколько въ тучахъ находится облачнаго, то не могло бы быть и грозы. Вовторыхъ, положимъ, что молнія направилась изъ тучи къ дому, снабженному громоотводомъ. Приблизясь къ дому, она скорѣе всего ударитъ въ громоотводъ, какъ потому, что желѣзо хорошій проводникъ электричества, такъ

и потому, что въ громоотводѣ есть постоянно во время грозы избытокъ земнаго электричества, къ соединенію съ которымъ и стремится облачная электрическая искра. Разумѣется, того количества, которое она находитъ въ громоотводѣ, недостаточно ей для «уравновѣшенія», поэтому она необходимо должна идти далѣе, въ землю. Какимъ же путемъ она пойдетъ? Конечно, она спустится по шесту, такъ какъ желѣзо гораздо лучшій проводникъ электричества, чѣмъ камень или дерево. Зданіе останется, такимъ образомъ, неповрежденнымъ.

Для того, чтобы громоотводъ дѣйствовалъ какъ предохранительное средство, необходимо, конечно, чтобы шестъ былъ проведенъ въ землю, безъ перерывовъ. Иначе онъ можетъ надѣлать много бѣдъ.

Такой несчастный случай былъ 118 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ. Профессоръ физики *Рихманъ* поставилъ на домѣ, въ которомъ онъ жилъ, шестъ и спустилъ отъ него цѣпь въ свой кабинетъ (ему нужно было электричество для его опытовъ). 6-го августа 1753 г. приближалась къ Петербургу сильная гроза. Рихманъ, съ своимъ пріятелемъ, граверомъ Соколовымъ, вошелъ въ кабинетъ, чтобы приготовить все нужное для производства опытовъ, подошелъ близко къ цѣпи и былъ убитъ наповалъ вылетѣвшей искрой. Соколовъ упалъ безъ чувствъ, но остался живъ.

Первая мысль объ устройствѣ громоотводовъ принадлежитъ Франклину. Онъ писалъ въ 1753 г.: «Слѣдовало бы на самыхъ высокихъ частяхъ зданій укрѣплять куски желѣза, заостренные какъ иглы. Отъ нижняго конца этихъ шестовъ нужно бы протянуть проволоки вдоль дома до поверхности земли. Эти острые шесты, вѣроятно, отвели бы электрическій огонь безъ всякаго шума изъ облака гораздо раньше, чѣмъ огни разразились бы, и мы были бы предохранены отъ несчастія». О томъ же самомъ и почти въ тоже самое время писалъ и нѣмецкій профессоръ Винклеръ. Было даже тогда же сдѣлано нѣсколько опытовъ, оказавшихся вполнѣ удачными. Тѣмъ не менѣе, распространенію громоотводовъ долго препятствовали предразсудки и суевѣрныя понятія. Говорили, напримѣръ, что грѣшно указывать на небо шестами и пиками, или что грѣшно идти противъ Бога, когда онъ хочетъ наказать людей за ихъ грѣхи. Послѣднее мнѣ-

ніе существуетъ и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между крестьянами: они не тушатъ пожара, если онъ произошелъ отъ молніи.

Обыкновенный спутникъ молніи — *громъ*: черезъ нѣсколько времени послѣ молніи, а иногда и сряду за нею, вы слышите обыкновенно раскаты грома.

Впрочемъ, бываютъ иногда молніи и безъ грома, это такъ называемыя *зарницы*. Часто случается слышать, что зарницы бываютъ *оттого*, что рожь зрѣетъ. Это совершенный вздоръ, съ чѣмъ я думаю и вы, по прочтеніи этой статьи, не можете не согласиться. Справедливаго въ этомъ народномъ повѣрьѣ только то, что зарницы бываютъ чаще всего *въ то время*, когда зрѣетъ рожь, да и то справедливо это не для всѣхъ мѣстностей. Дѣло въ томъ, что зарница—это отблескъ отдаленной молніи. Когда у васъ на горизонтѣ блеститъ зарница, — навѣрно гдѣ-нибудь далеко въ этомъ направленіи настоящая гроза; если вѣтеръ оттуда, то она вѣроятно и до васъ дойдетъ. А грозъ всего больше бываетъ дѣйствительно около того времени, какъ зрѣетъ рожь (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ полосахъ Россіи), слѣдовательно и зарницъ тогда больше бываетъ видно.

Что такое громъ—вы знаете: это сильный трескъ отъ огромной электрической искры — молніи. Но вамъ, вѣроятно, будетъ интересно узнать при этомъ, почему громъ гремитъ не всегда сряду за молніей? При сравненіи грома съ трескомъ нашей маленькой искры вопросъ этотъ можетъ невольно придти въ голову, потому что при опытѣ вы слышали трескъ сряду за искрой.

Случалось-ли вамъ когда-нибудь видѣть издали какъ палятъ изъ пушки или стрѣляютъ изъ ружья? Если да, то вы вѣрно замѣтили, что вы прежде видите огонь и дымъ, а уже спустя нѣкоторое время слышите выстрѣлъ. Точно тоже бываетъ, если вы стоите въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви, когда звонятъ въ колоколъ: вы видите, что звонарь ударилъ уже въ колоколъ, а между тѣмъ звону еще не слышите. Сдѣлайте наконецъ вотъ какой опытъ. Поставьте вашего товарища далеко отъ васъ (лѣтомъ конечно, на открытомъ мѣстѣ), дайте ему въ руки двѣ палки, или еще лучше—доску и палку. Заставьте его колотить

палкой о доску. Вы увидите, что вы будете каждый разъ слышать стукъ только тогда, когда уже онъ подыметъ палку отъ доски. Происходитъ это оттого, что мы видимъ всякое дѣйствіе—хотя бы оно совершалось и далеко отъ насъ—въ то самое время какъ оно дѣйствительно совершается: глаза наши видятъ все въ ту же самую минуту; напротивъ, выстрѣлъ, звонъ, стукъ, вообще всякій *звукъ*, доходитъ до нашего уха позже, чѣмъ онъ дѣйствительно произошелъ, и чѣмъ дальше онъ отъ насъ, тѣмъ позже доходитъ. Теперь вы поймете, что чѣмъ ближе къ намъ грозовая туча, тѣмъ скорѣе слышимъ мы громъ за молніей, и наоборотъ, чѣмъ дальше туча, тѣмъ больше промежутокъ между молніей и громомъ: молнію мы видимъ всегда тотчасъ же, какъ только она выскочитъ изъ тучи, громъ же доходитъ до насъ позже. Звукъ проходитъ въ одну секунду 157 саженъ; поэтому замѣтьте по часамъ черезъ сколько секундъ послѣ молніи вы услышите громъ, умножьте это число секундъ на 157 и узнаете на сколько саженъ или верстъ отъ васъ находится грозовая туча.

А. Кочетовъ.

МАЛЕНЬКІЙ ВОЛШЕБНИКЪ.

Если бы вы осторожно вошли въ одинъ декабрьскій день въ 1763 г. маленькую, скромно меблированную комнату *), загроможденную узлами, чемоданами, пюпитрами и разными музыкальными инструментами, то увидѣли бы у полусломаннаго стола маленькаго семилѣтняго мальчика, который сидѣлъ на высокомъ табуретѣ, и былъ такъ погруженъ въ свою работу, что вѣрно вы своимъ приходомъ не помѣшали бы ему.

На немъ была маленькая курточка изъ коричневаго сукна, съ оловянными пуговицами, такіе же короткіе панталончики, черные чулки и маленькіе башмачки съ блестящими пряжками. Его каштановые волосы, слегка напудренные и зачесанные кверху, были заплетены въ косу и связаны на концѣ черным бантомъ, сообразно модѣ того времени; изъ за волосъ высовывалось крошечное ушко замѣчательно красивой формы. Если бы вы остановились передъ нимъ, то васъ поразилъ бы блескъ его большихъ, темныхъ глазъ, устремленныхъ на листъ нотной бумаги, по которой быстро и безостановочно двигалось его перо, будто онъ наизустъ зналъ то, что писалъ.

Этотъ маленькій мальчикъ сочинялъ, т. е. писалъ на бумагу ту музыку, которую онъ слышалъ въ головѣ, нисколько не обезпокоиваемый звуками клавесина (фортепіано того времени), на которомъ его сестра (старше его пятью годами) терпѣливо разучивала концертную пьесу, безъ устали повторяя одинъ и тотъ же пассажъ, особенно трудный для лѣвой руки.

Черезъ нѣсколько времени клавесинъ замолкъ и свѣженькая дѣвочка съ розовыми щечками отворила дверь.

«Вольфгангъ, ты скоро кончишь»? спросила она исподвижно

*) въ г. Зальцбургѣ.

сидѣвшаго ребенка. «Ты вѣдь знаешь, что отецъ вернется къ обѣду и приведетъ съ собою г-на Андреаса; они, вѣрно, потомъ займутся музыкой и тогда тебѣ нельзя будетъ писать; поторопись-же».

— Да, милая Наннерль, (такъ называлъ мальчикъ свою сестру Маріанну), сейчасъ; я сейчасъ кончу мою послѣднюю работу; я хочу ее сегодня же показать г-ну Андреасу. Вѣдь онъ съ самаго моего отъѣзда въ Вѣну не слышалъ ни одного моего сочиненія. Мнѣ хочется знать, что онъ скажетъ.

«Онъ, какъ всегда, сдѣлаетъ большіе глаза», отвѣчала со смѣхомъ дѣвочка. «Но это мнѣ напоминаетъ, что надо убрать комнату, которая Богъ знаетъ на что похожа; а завтра ты мнѣ поможешь разобрать чемоданы, не такъ ли, Вольферль»?

— Да, сестрица, все что хочешь; но теперь дай мнѣ поскорѣй кончить. Вотъ уже бьетъ четыре часа и мнѣ такъ ѣсть хочется. Черезъ пять минутъ я кончу.

Пока маленькій музыкантъ дописывалъ послѣднія строки своего сочиненія, Маріанна старательно убирала комнату; положила узлы одинъ на другой, разставила на полу скрипичные ящики и стерла съ нихъ пыль; и, убравъ все, вышла изъ комнаты, поцѣловавъ сначала брата въ шею.

Мальчикъ не обернулся и продолжалъ выводить свои ноты чистымъ, опрятнымъ почеркомъ. Дойдя до конца страницы, онъ начертилъ большими буквами слово finis (конецъ) и, положивъ перо на столъ, тяжело вздохнулъ отъ удовольствія.

Въ ту же минуту раздался звонокъ.

«Вотъ папа», вскричалъ ребенокъ, весело спрыгнувъ съ табурета и побѣжавъ въ переднюю, гдѣ онъ бросился на шею большому худощавому человѣку, который вѣшалъ свою шинель на гвоздь.

«Здравствуй, папа! привелъ ли ты г. Андреаса»?

— Онъ идетъ за мной и несетъ намъ тріо одного изъ его друзей; мы разберемъ его, а теперь бѣги скорѣй къ мамѣ и попроси ее дать намъ обѣдать.

Явился Андреасъ Шахтнеръ, придворный трубачъ-солистъ, со сверткомъ нотъ въ рукахъ, и послѣ нѣсколькихъ поцѣлуевъ вошелъ вмѣстѣ съ отцемъ и сыномъ въ столовую, гдѣ ихъ уже ожидала Маріанна и мать, разливавшая вкусный горячій супъ

изъ капусты съ сосисками, запахъ котораго пріятно щекоталъ носъ маленькаго голоднаго Вольфганга.

Хозяинъ дома прочелъ громко краткую молитву. Каждый сѣлъ послѣ того на свое мѣсто и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ царствовало молчаніе; челюсти усердно работали.

«Ну, мой Вольферль», сказала наконецъ мама, улыбаясь, — «кажется вѣнская кухня не испортила твой аппетитъ къ супу изъ капусты».

— О нѣтъ, мамочка, отвѣчалъ ребенокъ; всѣ большіе обѣды не могутъ сравниться съ тѣмъ, что ты для насъ стряпаешь. Тамъ подаютъ больше блюдъ, это правда, но всѣ онѣ имѣютъ такой странный видъ, что право не знаешь иногда, что ѣшь.

— Надѣюсь, сказалъ отецъ, что Вольфгангъ ни въ чемъ не испортился, несмотря на свой успѣхъ и на всѣ похвалы, которыми его осыпали.

«Кстати, — прервалъ Андреасъ, — разскажите же мнѣ, пожалуйста, что вы дѣлали въ Вѣнѣ; мнѣ говорили, что ваши дѣти играли при дворѣ, это правда»?

— Да, они удостоились этой чести и вышли изъ этого испытанія побѣдителями. Я могу по совѣсти сказать, что въ настоящее время наша Маріанна одна изъ лучшихъ пьянистокъ Европы. Что же касается Вольфганга, — прибавилъ онъ шопотомъ на ухо Андреасу, — онъ въ семь лѣтъ знаетъ музыку такъ хорошо, какъ этого можно требовать развѣ только отъ сорокалѣтняго человѣка.

— Папа, помнишь-ли какъ императоръ былъ удивленъ, когда я импровизовалъ съ платкомъ на рукахъ, чтобы не видать клавишъ?

— Да, прибавила Маріанна, императоръ иначе не называлъ его, какъ *маленькій волшебникъ*, и подарилъ ему лиловое платье съ золотыми пуговицами, которое было сшито для одного изъ его сыновей; мнѣ же онъ послалъ придворное, очень хорошенькое платье — бѣлое шелковое.

«Игралъ-ли ты тоже при императрицѣ?» спросила мать маленькаго мальчика, кладя ему на тарелку крылышко утки, начиненной яблоками и сливами.

«Да, конечно, и также при герцогиняхъ. Императрица была такая ласковая, что я ее поцѣловалъ отъ всего сердца; и те-

перь я больше никогда не буду бояться играть передъ какими угодно знатными людьми».

— Представьте себѣ, сказалъ отецъ со смѣхомъ, что ему такъ понравилась молодая герцогиня Марія Антуанета, что онъ сказалъ ей, что на ней женится.

— Какъ такъ? спросила мать съ удивленіемъ.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ Вольфгангъ. Одинъ разъ паркетъ былъ такой скользкій, что я упалъ, и она меня такъ мило подняла, что я сказалъ ей: «Вы добрая, я хочу на васъ жениться»! Тогда императрица спросила меня, почему я этого хочу, и я отвѣчалъ ей: «Изъ благодарности! она была добра ко мнѣ, тогда какъ ея сестра не обратила на меня никакого вниманія».

— А что дѣлаютъ сочиненія? спросилъ Андреасъ Шахтнеръ.

— О, это хорошо идетъ, отвѣчалъ ребенокъ; я вамъ покажу сонату, которую я написалъ сегодня; вы увидите, господинъ Андреасъ, что это уже не такъ, какъ прежде. Но ее не легко играть.

— Вольферль сдѣлалъ большіе успѣхи, сказалъ отецъ; вы сами сейчасъ это увидите. Выпьемте еще по стакану пива и пойдемте сперва попробовать тріо, которое вы принесли.

«Я помню», сказалъ Андреасъ, «первое сочиненіе этого молодаго человѣка. Ему было всего четыре года, и я какъ теперь его вижу, какъ онъ пишетъ и обмакиваетъ перо въ самую глубину чернильницы, отчего большія кляксы ежеминутно появлялись на его бумагѣ. Но это его не останавливало; онъ смѣло проводилъ ручкой по кляксѣ, чтобы стереть чернила, и продолжалъ писать. На вашъ вопросъ чѣмъ онъ такъ занятъ, онъ, помните, отвѣчалъ: пишу *концертъ*, и ни за что не хотѣлъ показать его вамъ, прежде чѣмъ не кончитъ; вы взяли у него изъ рукъ бумагу и начали со смѣхомъ разсматривать эту чернильную размазню. Но мало по малу ваше лицо приняло серьезное выраженіе, и я какъ теперь помню блеснувшія въ вашихъ глазахъ слезы радости, когда вы передали мнѣ бумагу, сказавъ: «Посмотрите, какъ все это хорошо и правильно; только нельзя этимъ воспользоваться, потому что это такъ трудно, что никто не съумѣетъ это сыграть». На это Вольфгангъ, помните, вскричалъ: «Но потому то это и *концертъ*; надо его учить пока не выучишь!» Въ то время играть концертъ и сдѣ-

лать чудо было для него одно и тоже. О, это будетъ однажды великій человѣкъ, — прибавилъ онъ, не обращая вниманія на знаки, которые ему дѣлала мать,—и мы увидимъ его имя возлѣ именъ Генделя и Баха».

«Ну, пойдемъ попробовать ваше тріо», сказалъ отецъ вставая. Всѣ перешли въ первую комнату и скрипки были вынуты изъ ящиковъ. «Садись за клавесинъ, Наннерль, и разбирай вмѣстѣ съ нами; я буду играть на альтѣ, а господинъ Шахтнеръ сыграетъ партію скрипки. Но гдѣ же Вольфгангъ? Надо чтобы онъ слышалъ это».

Вольфгангъ исчезъ; мать вышла за нимъ и нашла его — какъ она это и предполагала — забившимся въ уголокъ своей комнатки, гдѣ онъ заливался горячими слезами. Это случалось съ нимъ каждый разъ, когда его много хвалили.

— Пойдемъ, мой Вольферль,—сказала мать, взявъ его за руку,—принеси скрипку, которую тебѣ подарили въ Вѣнѣ, и покажи ее господину Шахтнеру.

Ребенокъ отеръ слезы и возвратился въ комнату, гдѣ Маріанна, сидя за клавесиномъ, уже играла сонату, сочиненную ея братомъ передъ обѣдомъ. Андреасъ расширялъ все болѣе и болѣе глаза и не вѣрилъ своимъ ушамъ; такъ поражалъ его необыкновенный геній этого семилѣтняго ребенка. Отецъ, положивъ руки на колѣни, съ вниманіемъ, почти съ благоговѣніемъ слушалъ произведеніе своего сына; а молодая виртуозка мастерски преодолѣвала всѣ трудности, которыми изобиловала соната.

«Браво, Маріандель,—вскричалъ Вольфгангъ, когда та кончила,—ты достойна быть первымъ капельмейстеромъ въ мірѣ»! Онъ обхватилъ ручками ея шею и началъ цѣловать ея глаза, щеки, уши, на что Маріанна, весело смѣясь, отвѣчала такими же поцѣлуями и ласками.

«Господинъ Андреасъ, попробуйте пожалуйста скрипку, которую мнѣ подарили», сказалъ Вольфгангъ, вынимая изъ футляра маленькій инструментъ, принаровленный къ его росту.

«Какъ, онъ играетъ теперь на скрипкѣ?»

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ отецъ, я ему только показалъ гдѣ и какъ надо держать пальцы.

«О, я сыграю партію скрипки въ вашемъ тріо, если вы

только позволите мнѣ попробовать», возразилъ мальчикъ съ увѣренностью.

— Перестань, Вольфгангъ, ты не знаешь что говоришь.

«Но, папа, вѣдь это кажется совсѣмъ не такъ трудно; вѣдь не надо учиться чтобы играть это».

«Отойди же, говорю тебѣ, оставь насъ въ покоѣ».

Мальчикъ отошелъ со своей маленькой скрипкой и глаза его наполнились слезами огорченія.

Андреасъ замѣтилъ это и попросилъ отца позволить Вольфгангу играть партію скрипки вмѣстѣ съ нимъ. Тотъ наконецъ подозвалъ опечаленнаго мальчика и сказалъ: «Ну, играй вмѣстѣ съ господиномъ Шахтнеромъ, только акъ тихо, чтобы тебя не было слышно;—иначе ты выйдешь изъ комнаты».

Они сѣли и начали тріо. Ребенокъ игралъ такъ, какъ ему приказалъ отецъ. Но мало по малу и помимо себя, онъ крѣпче прижималъ смычекъ къ струнамъ и наконецъ, забывъ все, началъ свободно играть, какъ будто онъ одинъ игралъ свою партію; такъ что Андреасъ, считая себя совершенно лишнимъ, осторожно положилъ свой инструментъ на полъ, и сталъ пристально смотрѣть на маленькаго артиста, который въ самомъ дѣлѣ казался ему волшебникомъ. Отецъ, блѣдный и взволнованный, старался продолжать играть, чтобы не остановить порывъ маленькаго генія; а мать, сидѣвшая въ сторонѣ, уронила на полъ сѣрый чулокъ, который только что вязала, и не вѣрила своимъ глазамъ и ушамъ, принимая все это за сонъ.

— Боже мой! это страшно! прошепталъ изумленный Андреасъ, когда послѣдняя партія была окончена и Вольфгангъ остановился, задыхаясь, съ блестящими глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, совершенно счастливый при видѣ удивленія, съ которымъ всѣ на него смотрѣли.

«Вольфгангъ, довольно; не утомляй себя слишкомъ, мое дитя», сказала мать, вытирая ему влажный лобъ; «ты пріѣхалъ поздно вечеромъ и работалъ весь день; не хочешь ли спать»?

— Мнѣ не хочется теперь спать, милая мама, но я дѣйствительно усталъ.

«Сдѣлай мнѣ удовольствіе, мой Вольферль, и иди спать».

— Хорошо, но съ условіемъ, чтобы Андреасъ не открывалъ такъ широко глаза и закрылъ ротъ, отвѣчалъ мальчикъ, смѣясь

надъ лицомъ своего друга, который все еще не могъ придти въ себя отъ изумленія.

«Спокойной ночи, капельмейстеръ Наннерль, спи крѣпко», сказалъ онъ сестрѣ, цѣлуя ее, и затѣмъ, обращаясь къ отцу, спросилъ: «будемъ мы пѣть нашъ дуэтъ»?

— Разумѣется, мое дитя, какъ всякій вечеръ, — отвѣчалъ отецъ, посадивъ его на кресло напротивъ себя.

Они начали пѣть мелодію на два голоса, сочиненную Вольфгангомъ, на слова, которыя собственно не имѣли рѣшительно никакого смысла, но, казалось, были на итальянскомъ языкѣ (oragua ta fa); потомъ ребенокъ торжественно обѣщалъ отцу сберегать его подъ стекляннымъ колпакомъ, когда онъ состарѣется, и весьма его уважать; затѣмъ поцѣловалъ его въ кончикъ носа;—все это дѣлалось аккуратно каждый вечеръ передъ тѣмъ, что идти спать;—послѣ чего онъ поцѣловалъ руку матери и подошелъ къ задумавшемуся Андреасу.

«Спокойной ночи, господинъ Шахтнеръ, не уроните ваши глаза на полъ»; сказалъ онъ, лукаво смѣясь.

— Спокойной ночи, маленькій волшебникъ,—отвѣчалъ тотъ, цѣлуя его;—что ты будешь сочинять, когда будешь большой?

«О, тогда я буду сочинять оперы», сказалъ мальчикъ, принимая важный видъ, «и онѣ должны быть очень хороши, чтобы сдѣлали честь папѣ, который меня научилъ музыкѣ».

Этотъ маленькій мальчикъ сдержалъ свое слово. Пропутешествовавъ ребенкомъ по Германіи, Франціи и Голландіи, онъ отправился въ Италію, гдѣ сочинилъ свою первую оперу, когда ему было всего двѣнадцать лѣтъ! И если вамъ случится бывать когда нибудь въ оперѣ и вы услышите произведенія, которыя называются: «Донъ-Жуанъ», «Свадьба Фигаро», «Волшебная Флейта» и т. д., то знайте, что онѣ написаны *маленькимъ волшебникомъ*, какъ его называлъ Австрійскій Императоръ, и что его настоящее имя: *Вольфгангъ Амадей Моцартъ*.

Л. В.

ЛАСТОЧКИ.

Куда течетъ эта большая рѣка? спрашивали въ одинъ теплый лѣтній вечеръ маленькія ласточки свою мать, высовывая головки изъ гнѣзда и смотря на серебристую струю воды, освѣщенную луной.

— Можетъ быть, большая рѣка вездѣ бѣжитъ,—замѣтилъ старшій сынъ.

«Нѣтъ, нѣтъ», отвѣчала мать. «Эта большая рѣка не вездѣ бѣжитъ. Есть кромѣ нея другія рѣки, и еще кромѣ рѣкъ много-много воды, которую люди называютъ *моремъ*. Вы это все сами увидите и узнаете, когда мы полетимъ съ вами въ далекую, теплую страну».

«Мама, отчего ты все говоришь о другой странѣ»? спросилъ маленькій нѣжный птенчикъ. — «Зачѣмъ намъ улетать? Развѣ мы не можемъ здѣсь свить наши гнѣзда и жить всѣ вмѣстѣ? Я не хочу другой земли и другаго дома; здѣсь намъ такъ хорошо. Развѣ ты не любишь это хорошее, теплое солнце, которое намъ свѣтитъ и насъ грѣетъ? развѣ ты не любишь эти теплые вечера, когда мы порхаемъ по всѣмъ направленіямъ и возвращаемся домой иногда уже при лунномъ свѣтѣ, чтобы сладко заснуть въ нашемъ гнѣздышкѣ? А вспомни, какъ хорошо, когда польетъ теплый дождь, и мы забьемся всѣ вмѣстѣ въ гнѣздышко и слушаемъ, какъ тяжелыя капли стучатъ по крышѣ и стекаютъ, не дотрогиваясь до насъ. О, мы такъ, такъ любимъ нашъ домъ! Пожалуйста, не пой больше о чужой странѣ».

— Дѣти мои,—отвѣчала мать,—мы не можемъ здѣсь оставаться постоянно; намъ хорошо, пока насъ солнышко грѣетъ своими теплыми лучами, пока много мошекъ и другихъ насѣкомыхъ летаютъ вокругъ насъ и служатъ намъ пищей. Вы еще малы и не можете знать, какъ нехорошо намъ, ласточкамъ, когда наступятъ сырые дни съ холодными туманами и дождями; а когда дождь вдругъ дѣлается бѣлымъ (люди называютъ его тогда *снѣгомъ*), тогда мы не могли бы здѣсь остаться живыми ни одного дня. Вотъ отчего намъ нужно каждый годъ покидать наши дома и летѣть въ другую землю, гдѣ насъ встрѣтятъ солнце и теплый воздухъ, и синее небо».

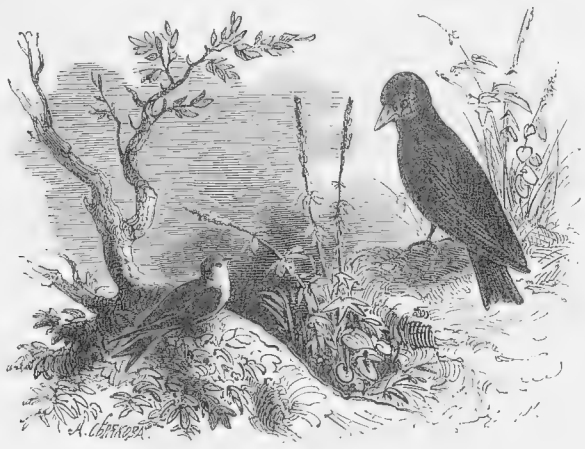
Малютки замолкли и задумались на минуту.

«Мама», пролепеталъ наконецъ одинъ изъ нихъ, «спой намъ про чужую землю».

Мать запѣла. Она пѣла имъ про прекрасное синее небо, про теплый воздухъ, про чудныя деревья и цвѣты, которыя здѣсь ласточки видятъ иногда только въ большихъ стекляныхъ домахъ, называемыхъ людьми *оранжереями*, а которыя тамъ ростутъ на чистомъ воздухѣ и наполняютъ его благоуханіемъ. Малютки слушали и старались подражать пѣнію своей матери. На другое утро одна маленькая ласточка, вылетѣвъ изъ гнѣзда и летая туда и сюда,—по примѣру всѣхъ ласточекъ, которыя обыкновенно никакъ не могутъ посидѣть на одномъ мѣстѣ,—начинала то одну, то другую пѣсню, и наконецъ запѣла нѣжно о неизвѣстной странѣ.

«Хорошенькая музыка и хорошенькій голосокъ, и хорошенькая пѣвица»! насмѣшливо проговорила галка, которая неугомонно прыгала на землѣ, разъискивая червячковъ и кое какія зерна, и остановилась на минуту, чтобы похвастаться своимъ умомъ передъ маленькой птичкой.

«Я много чего слышала на бѣломъ свѣтѣ и даже долго жила съ людьми, потому могу судить о пѣньи»,—продолжала галка, вскочивъ на вѣтку, на которую присѣла и ласточка, когда услыхала, что съ ней заговорила пожилая особа; — «но право мнѣ не случалось слышать болѣе хорошенькій голосокъ, чѣмъ вашъ. Только скажите мнѣ, пожалуйста, о чемъ вы поете»?



— Я пою о далекой, неизвѣстной землѣ,—скромно отвѣтила маленькая ласточка.

«Хорошо ли я слышу»? возразила торжественно галка; «вы поете о *неизвѣстной* землѣ? Боже мой, Боже мой! подумаешь, о какихъ глупостяхъ говорятъ на свѣтѣ! Скажите, пожалуйста, гдѣ же эта неизвѣстная земля? я очень любознательна и всегда охотно узнаю что нибудь новенькое».

— Я не знаю гдѣ она,—отвѣчала робко ласточка, сконфуженная рѣзкостью галки;—я знаю только, что всѣ мы, ласточки, полетимъ туда однажды.

«Вотъ это прекрасно»! вскричала галка, захохотавъ во все горло. «Боже, какъ я люблю наивность! и право я въ жизни не встрѣчала кого либо наивнѣе васъ, малютка!... Итакъ вы

думаете, моя душка, о путешествіи въ неизвѣстную страну, и надѣетесь найти дорогу къ ней, что,—между нами будь сказано,—довольно сомнительно, такъ какъ сама страна неизвѣстна. Спокойной ночи, миленькая ласточка, желаю вамъ счастливаго пути».

— О, постойте, постойте! —вскричала бѣдная ласточка, совсѣмъ сконфуженная насмѣшками галки.—Пожалуйста, не уходите еще. Скажите мнѣ, что вы сами думаете объ этой неизвѣстной землѣ?

«Ахъ вы, маленькій мудрецъ! Да какъ же я могу думать о томъ, чего я никогда не видала? О такихъ неизвѣстныхъ вещахъ можно только догадываться, и то если не жаль терять время; а признаться, я не люблю терять время на пустяки, — предоставляю это такимъ невиннымъ крошкамъ, какъ вы»!

— Такъ вы, значитъ, не полетите туда? прошептала маленькая ласточка.

«Разумѣется, нѣтъ. Во первыхъ, мнѣ здѣсь очень хорошо; а во вторыхъ, я не такъ легковѣрна какъ вы,—не такъ легко вѣрю всему, что говорятъ. Какъ вы узнали объ этой неизвѣстной землѣ»?

— Мнѣ говорили папа и мама, — отвѣчала ласточка болѣе увѣренно.

«А! вамъ говорили папа и мама», проговорила галка презрительно. «А вы, крошка, вѣрите всему, что говорятъ папа и мама? А если они вамъ скажутъ, что вы будете жить на лунѣ, то вы и этому повѣрите?

— Они никогда меня не обманывали, — сказала съ жаромъ ласточка и перушки ея поднялись отъ негодованія.

«Тише, тише; пожалуйста не пѣтушитесь! Кто вамъ говоритъ, что папа и мама васъ обманываютъ? Но они могутъ быть весьма правдивыми и въ то же время крайне необразованными. Однако я вижу, что съ вами нельзя порядочно разговаривать. Право, кромѣ скуки и непріятностей ничего не вынесешь изъ разговора съ такими крошками. Умнымъ и опытнымъ птицамъ не стоитъ говорить съ вами».

И галка улетѣла, прежде чѣмъ ласточка могла придти въ себя и оправиться отъ своего смущенія.

Къ вечеру погода очень измѣнилась, такъ какъ время было

позднимъ лѣтомъ. Сильный холодный вѣтеръ нагналъ темныя свинцовыя тучи и пошелъ крупный дождь. Маленькія птички забились въ гнѣздышко и печально глядѣли на сѣрое небо и черную рѣку, которая сердито несла свои воды.

«Почему небо такое сѣрое? зачѣмъ рѣка такая сердитая и солнышко не грѣетъ, какъ прежде»? говорили онѣ.

— Солнышку трудно пробиться сквозь такія тучи,—отвѣчала-мать,—впрочемъ оно вѣрно снова появится завтра. Но дни дѣлаются все короче и короче. Впрочемъ, будьте покойны; въ гнѣздышкѣ тепло и сухо; прижмитесь ближе другъ къ другу, вамъ тогда не будетъ холодно, а я вамъ спою пѣсенку о нашемъ путешествіи; скоро, скоро мы улетимъ отсюда.

Малютки слушали пѣсенку и понемногу стали подтягивать, стараясь, слушая пѣсенку о теплой странѣ, забыть и холодъ, и сырость. Одна только не пѣла—это была та самая птичка, которая говорила съ галкой; въ это утро она по неосторожности выпала изъ гнѣзда и сильно ушибла крылышко, такъ что не могла имъ двигать. Пѣсенка не веселила ее; она все припоминала слова галки, а сѣрое небо и больное крылышко отнимало у ней надежду увидѣть теплую землю. «Да и есть-ли такая земля»? думала она; «можетъ быть, мама въ самомъ дѣлѣ ошиблась»?

Прилетѣлъ отецъ. «Завтра надо оставить нашъ домъ, сказалъ онъ; дѣлается очень холодно, и ласточки говорили мнѣ сегодня, что почти всѣ онѣ улетаютъ завтра. Ты полетишь за нами—обратился онъ къ матери,—когда у нашей малютки заживетъ крылышко».

— Будь спокоенъ,—отвѣчала мать, — лишь только ей будетъ лучше, мы улетимъ.

На другой день поднялась цѣлая стая ласточекъ и съ веселымъ пѣньемъ отправилась въ путь; съ ними вмѣстѣ полетѣли отецъ, сестры и братья больной ласточки.

Дни становились все короче, погода холоднѣе и холоднѣе; бѣдная птичка прижималась къ матери, дрожа отъ холода, и печально говорила: «Мама, гдѣ же тепло? гдѣ же солнце? развѣ оно никогда уже не взойдетъ? Вѣрно и людямъ тоже холодно; какіе красные носы у мальчиковъ и синія щеки у дѣвочекъ, вѣрно отъ холоду. Ахъ, я не вѣрю больше въ солнце,

я не вѣрю въ счастье, я могу вѣрить только холоднымъ, длиннымъ ночамъ, ужаснымъ вѣтрамъ, зимѣ. Я больна и, вѣрно, скоро умру.»

— Полно, моя крошка, говорила мать; ты совсѣмъ не такъ больна, и я увѣрена, что дня черезъ два, много три, ты совсѣмъ оправишься и мы полетимъ въ теплую страну.

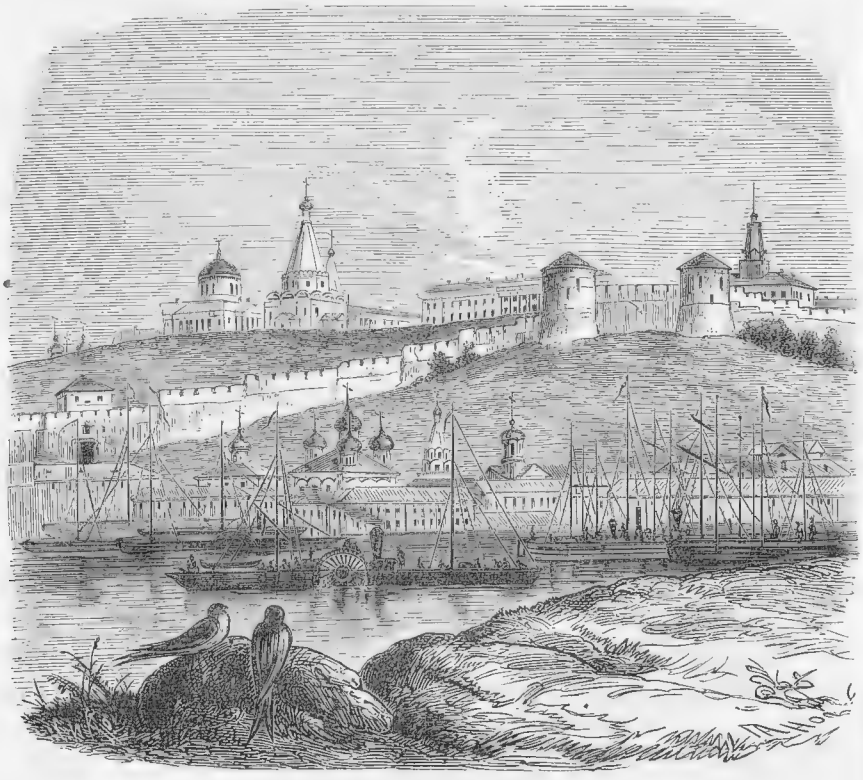
Наконецъ желанный день насталъ и маленькая ласточка вылетѣла изъ своего гнѣздышка вмѣстѣ съ матерью, распростившись со всѣми любимыми деревьями и кустиками, а также съ нѣкоторыми знакомыми воробьями, которые не чувствовали потребности улетать въ другія страны и потому оставались дома. Обѣ онѣ присоединились къ другимъ ласточкамъ, запоздавшимъ также по разнымъ причинамъ и теперь спѣшившимъ покинуть свои родныя гнѣзда.

Въ началѣ все шло не совсѣмъ-то хорошо. У бѣдной маленькой птички кружилась голова отъ всего видѣннаго и слышаннаго; свѣтъ казался ей очень мрачнымъ и очень большимъ; много представлялось ей на пути препятствій, которыхъ она еще не умѣла избѣгать, и матери часто приходилось помогать ей и поддерживать ее своими крыльями. Такъ напримѣръ, перелетая черезъ высокіе дома, она не отстранялась во-время отъ трубъ, отъ чего дымъ выѣдалъ ей глаза и мѣшалъ летѣть. Птичка приходила въ отчаяніе. Однако вольный воздухъ, движеніе, новизна всего окружающаго, производили свое дѣйствіе, и еслибы только солнце появилось, то она считала бы себя почти счастливой; но солнце появлялось только изрѣдка, а кругомъ все было сѣро и печально.

«Какая это рѣка?» спросила ласточка свою мать, когда онѣ пролетали черезъ большую, широкую рѣку. «Она еще больше, чѣмъ наша. Но какой шумъ на ней, сколько дыму!»

— Эту рѣку называютъ Волгой, отвѣчала мать; и, разумѣется, она больше нашей рѣки. Мнѣ разсказывали нѣкоторые знакомые, что она очень, очень длинная, что много на ней городовъ и что нѣкоторые города такіе старые, что не только русскіе, но и люди изъ чужихъ странъ пріѣзжаютъ посмотрѣть на нихъ. Въ этихъ городахъ есть какіе-то памятники, которые напоминаютъ русскимъ о какихъ-то важныхъ событіяхъ; моя знакомая не могла хорошенько разсказать про эти событія: она

говорила, что не хорошо разслышала объясненія путешественниковъ. О чемъ она болѣе всего разсказывала, это— о *Нижнемъ Новгородѣ*. Она жила тамъ и говоритъ, что Волга возлѣ этого города такъ красива, какъ нигдѣ; но что одно тамъ непріятно,— это большой шумъ, особенно на набережной: просто голова кругомъ идетъ; пароходовъ, пароходовъ—безъ счета! и всѣ они пускаютъ такой дымъ, что ласточки боятся ихъ какъ огня. Но



Нижній Новгородъ.

еще не то бываетъ. Ей разсказывали воробьи, что въ Нижнемъ бываетъ ярмарка—это названіе они слышали отъ людей—и туда являются столько купцовъ и привозятъ съ собой такъ много товаровъ, что просто, кажется,—говорятъ воробьи,—нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы не жили купцы и не были разложены товары; и тогда начинается такой шумъ, крикъ и стукъ, что даже имъ, воробьямъ, становится тошно, а вѣдь они таки привыкли къ шуму и людямъ и ничуть ихъ не боятся. Впрочемъ

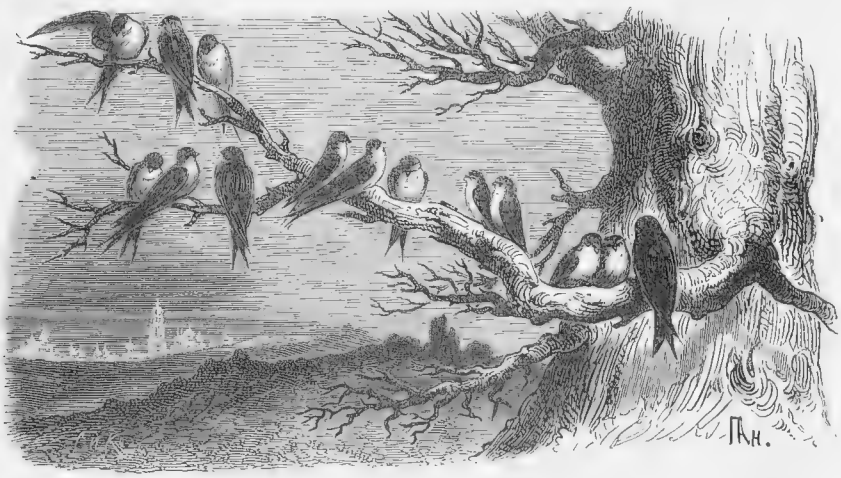
все таки для нихъ это хорошее время: въ городѣ на ярмаркѣ такъ много ѣдятъ, что на ихъ долю всегда выпадетъ много крошекъ и другихъ остатковъ. Моей знакомой хотѣлось еще разспросить воробьевъ объ ярмаркѣ, но они больше разсказывали о томъ что они ѣли; да притомъ это такія дерзкія, пустыя птицы, что мы, ласточки, не любимъ съ ними связываться, а то какъ разъ наткнешься на непріятность.

Разговаривая такимъ образомъ, ласточки оставили Волгу далеко за собою и летѣли все дальше и дальше на западъ. Пролетали они большія поля, пролетали большіе лѣса, а солнце все еще не грѣло и небо все еще было обложено сѣрыми облаками. Маленькая ласточка не могла понять, когда же наконецъ будетъ эта теплая страна, гдѣ небо всегда синее и гдѣ такіе чудные цвѣты и деревья.

«Что это такое блеститъ тамъ?» спросила она свою мать, когда, остановившись для отдыха въ лѣсу, онѣ увидѣли сквозь деревья золоченные куполы церквей.

— Вылетимъ изъ лѣсу и я тебѣ покажу что блеститъ, отвѣчала мать.

Всѣ ласточки вспорхнули и полетѣли по направленію къ красивому городу, который стоялъ на берегу рѣки, на горѣ, весь окруженный садами. Солнце, только что выглянувшее



изъ за тучъ, весело играло на многочисленныхъ куполахъ церквей.

— Это Кіевъ, сказала мать маленькой ласточки; я слышала отъ людей, что это самый старый городъ въ Россіи.

«Какъ хорошо, какъ хорошо!» щебетала маленькая ласточка; «и солнышко, и деревья, и этотъ блескъ! Останемтесь здѣсь немножко, здѣсь такъ хорошо и такъ тепло!»

— Нельзя, нельзя,—отвѣчали ей ласточки;—солнце выглянуло только на минуту, оно скоро спрячется и намъ опять будетъ холодно.

И онѣ летѣли, летѣли все дальше, пролетая много, много странъ и останавливаясь только нѣсколько часовъ для отдыха. Въ воздухѣ повѣяло теплотой, но туманы и дожди все еще застилали небо.

«Когда же я увижу синее небо и когда солнце не будетъ больше прятаться?» спрашивала ласточка.

— Скоро, скоро,—отвѣчали ей;—мы уже не далеко. Ахъ какъ весело въ той чудной странѣ!.... И ласточки радостно запѣли и быстрѣе полетѣли.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный теплый вечеръ, онѣ прилетѣли въ какой-то садъ и всѣ въ изнеможеніи опустились на деревья. «Наконецъ то мы отдохнемъ!» говорили ласточки.

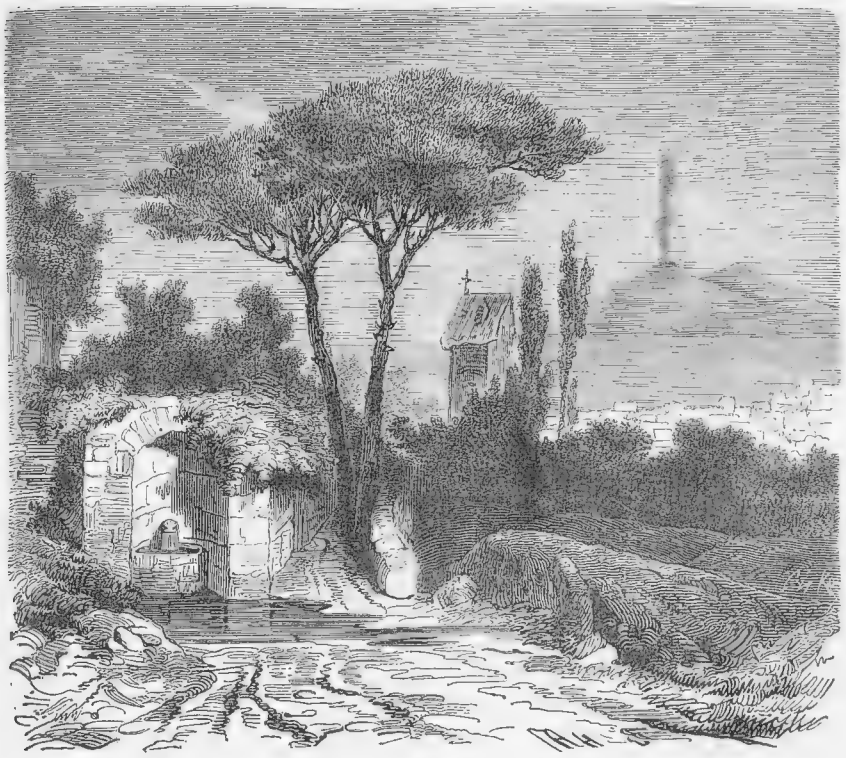
— Какой теплый воздухъ и какъ хорошо здѣсь пахнетъ!— говорила маленькая ласточка.—И небо совсѣмъ чистое, и луна какъ свѣтитъ! Ахъ, что тамъ такое? неужели опять рѣка?

«Нѣтъ,» отвѣчали старыя ласточки, «это море, Средиземное море; мы теперь въ Италіи; это и есть одна изъ тѣхъ теплыхъ странъ, о которыхъ мы поемъ на родинѣ.»

Маленькая ласточка радостно запѣла, но скоро замолкла и, уткнувъ головку подъ крылышко, крѣпко заснула.

Первые лучи солнца разбудили ласточекъ и скоро въ саду раздалось ихъ радостное чириканье; онѣ перепархивали съ вѣтки на вѣтку, летали по всѣмъ направленіямъ и вообще отъ радости потеряли немного голову. Но никто такъ не радовался, какъ маленькая ласточка; все ее восхищало: и горячее солнце, жаръ котораго умѣрялся свѣжимъ вѣтромъ; и наполненный благоуханіями апельсинныхъ деревьевъ воздухъ; и синее небо. Она безпрестанно перелетала съ горы въ долину, изъ темныхъ оливковыхъ лѣсовъ къ золотистымъ лимоннымъ рощамъ.

Большіе зеленые дубы, развѣсистые орѣшники, высокіе бѣлые кустарники, мирты, тополи постоянно видали ее на своихъ вѣткахъ; тюльпаны, анемоны, розы тоже познакомились съ



нею. «А, это маленькая чужестранка, маленькая ласточка!» ласково шептали они, когда она пролетала мимо нихъ. Сначала дрозды завидовали было ей, что ее такъ вездѣ балуютъ; но она была такая миленькая, такая ласковая, что всѣ дурныя чувства въ отношеніи къ ней пропадали.

Но нигдѣ ее и ея подругъ и друзей такъ не любили, какъ въ томъ саду, гдѣ онѣ поселились. Этотъ садъ принадлежалъ гостинницѣ, а владѣлецъ ея былъ старый морякъ, котораго мать маленькой ласточки очень уважала: «онъ объѣхалъ вокругъ свѣта,» говорила она.

Этотъ старый морякъ вставалъ съ зарей, и лишь только встанетъ, какъ въ саду уже раздается его голосъ: «не забудьте приготовить завтракъ для ласточекъ».

«Онъ уже готовъ», отвѣчалъ звонкій голосокъ его дочки, которая сейчасъ же выбѣгала съ передникомъ полнымъ зеренъ и крошекъ и разбрасывала ихъ для ласточекъ. «Какъ жаль»,— продолжала она, отойдя подальше отъ зеренъ, чтобы не испугать птичекъ, и смотря какъ послѣднія слетались и жадно клевали свой завтракъ;—«Какъ жаль, что онѣ отъ насъ улетятъ».

— Развѣ мы улетимъ?—шептала маленькая ласточка своей матери.

«Разумѣется», отвѣчала мать; «здѣсь мы проживаемъ только немного, а потомъ намъ надо летѣть дальше, гдѣ проживемъ до возвращенія нашего на родину; тамъ мы найдемъ еще больше пищи, чѣмъ здѣсь, и тамъ ждутъ насъ твой отецъ, братья и сестры».

Ласточкѣ было грустно разставаться со всѣми цвѣтами и лѣсами, которые всѣ ее такъ любили; но ей сказали, что онѣ еще разъ залетятъ сюда на возвратномъ пути, и она утѣшилась.

Отдохнувъ нѣсколько дней на берегу моря и собравшись съ свѣжими силами, ласточки собрались въ путь. «Будьте осторожны, дѣти», говорили старшіе молодымъ, «держитесь ближе другъ къ другу; намъ предстоитъ тяжелый путь. Дай Богъ, чтобы не было вѣтра, а то намъ плохо придется».

Всѣ ласточки собрались въ стаю и полетѣли. Одна ласточка всегда летѣла впереди, какъ бы служа вожакомъ, а когда уставала, то возвращалась въ стаю и другая занимала ея мѣсто.

«Отчего намъ придется плохо, если будетъ вѣтеръ»? спросила молоденькая ласточка.

— Если вѣтеръ попутный, намъ не будетъ плохо, какъ бы силенъ онъ ни былъ; но если онъ будетъ противный, то мы не будемъ имѣть силы бороться съ нимъ. Многія изъ насъ при этомъ погибаютъ: падаютъ въ воду отъ слабости, а тамъ уже нѣтъ спасенья.

«Какъ страшно»! прошептала съ трепетомъ маленькая ласточка и посмотрѣла боязливо внизъ; но внизу ничего страшнаго не было: чудное голубое море разстилалось подъ нею, и его гладкая поверхность блестѣла какъ зеркало.

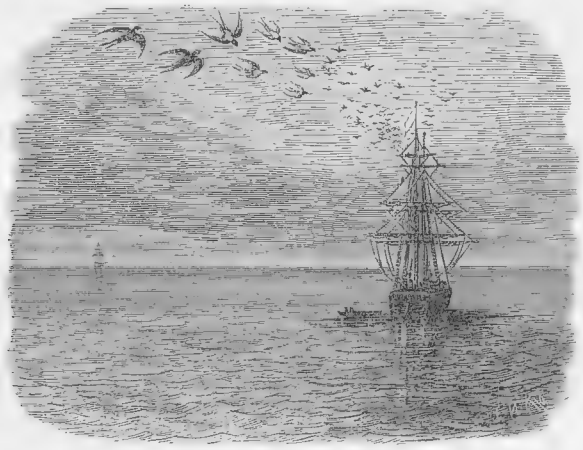
«Неужели оно можетъ быть сердито»? замѣтила ласточка.—

—И какъ еще—отвѣчала мать.—Авось оно эти дни не покажетъ себя съ дурной стороны. Мы, кажется, выбрали хорошее время; хорошая погода, должно быть, будетъ стоять еще нѣсколько

дней, и потому не безпокойся по напрасну; а лучше посмотри, какъ хорошо вокругъ насъ и сколько насѣкомыхъ здѣсь летаетъ; мы можемъ порядочно позавтракать.

«Но мы уже сколько часовъ летимъ», заговорили молодыя ласточки; «мы устали и право даже ѣсть не хочется отъ усталости. Гдѣ же намъ отдохнуть? Боже мой, гдѣ же отдохнуть»? зачирикали онѣ отчаянно.

— Глупенькія!—говорили старшіе;—развѣ вы не видите на морѣ кораблей? развѣ мы не можемъ отдохнуть на ихъ мачтахъ?



«Отлично, отлично»! защебетала молодежь, и вся стая съ такимъ шумомъ слетѣлась на мачты корабля, что разбудила большую собаку и нѣсколькихъ матросовъ, лежавшихъ на палубѣ. Собака залаяла, а матросы, лѣниво поглядѣвъ на верхъ, проговорили скозь зубы: «экъ, сумашедшія! чего разшумѣлись»? Затѣмъ снова улеглись и заснули. Собака поворчала еще нѣсколько времени, но, утомленная полуденнымъ жаромъ, свернулась калачикомъ и тоже заснула. Ласточки не обратили особеннаго вниманія на эти замѣчанія; онѣ были слишкомъ заняты своимъ размѣщеніемъ на мачтахъ и канатахъ. Между ними произошла было ссора изъ-за мѣстъ, однако онѣ скоро помирились и заснули.

Отдохнувъ и переждавъ томительный жаръ, онѣ снова пустились въ путь и летѣли такимъ образомъ, отдыхая по временамъ на мачтахъ кораблей, нѣсколько дней. Наконецъ передо-

вая зачирикала: «земля, земля»! Всѣ птички напрягли свои силы и скоро достигли столь желанной земли.

«Гдѣ мы? гдѣ мы»? щебетали молодыя ласточки. «Какъ здѣсь тепло! какое чудное синее небо! И что за странныя деревья: голый стволъ, а на верхушкѣ какіе чудные, большіе листья»!

«Мы въ Африкѣ», отвѣчали старшіе; «а эти деревья—пальмы. Но мы останемся здѣсь недолго; наши родные живутъ немного подальше, на другой сторонѣ Африки, гдѣ еще лучше, чѣмъ здѣсь».

— Скорѣй, скорѣй полетимъ туда! прощебетали малютки, и черезъ нѣсколько часовъ онѣ снова весело пустились въ путь».

— «Что это? какое желтое море»!? проговорили молодыя ласточки.

— Это не море, а песокъ, — отвѣчали старыя. Люди назы-

ваютъ это мѣсто пустыней Сахарой. Какъ ужасно здѣсь жить!— прибавили онѣ;—ни деревца, ни воды на далекомъ пространствѣ.

«Да, ужасно, ужасно»! щебетали молодыя ласточки. «Дальше, дальше отсюда»! И онѣ спѣшили оставить это безотрадное мѣсто.

Наконецъ на горизонтѣ появились горы и зелень. «Это наша страна», пропѣли старыя ласточки, радостно махая крыльями.

«Наша страна, наша страна»! защебетали молодыя, и еще быстрѣе полетѣли впередъ.

Наконецъ онѣ прилетѣли. Со всѣхъ сторонъ ихъ встрѣчаютъ веселыя чириканья, щебетанья, пѣніе друзей и родныхъ. Сколько разспросовъ и разговоровъ! Маленькую ласточку окружили братья и сестры, и вотъ уже она летитъ съ ними на ихъ любимыя деревья, и съ деревьевъ къ цвѣтамъ, оттуда опять на деревья; отъ радости она не знаетъ что начать, то затянетъ одну пѣсню, то другую. И дѣйствительно, было отъ чего потерять голову! все, что ее окружало, было такъ хорошо, какъ трудно себѣ представить: и роскошныя, стройныя пальмы; и широколистные бамбуки, въ которыхъ такъ легко можно укрыться отъ знойныхъ солнечныхъ лучей; и обширныя рисовыя поля, которыя даютъ такой обильный источникъ пищи для маленькихъ голодныхъ птичекъ. А цвѣты всѣхъ возможныхъ яркихъ цвѣтовъ, горячее солнце, синее небо, прохладныя ночи! Понятно, что у ласточекъ закружилась голова отъ всего видѣннаго.

Долго прожили ласточки въ этой чудной теплой странѣ (Сенегамбіи), но наконецъ имъ захотѣлось на родину. «Довольно, погуляли, пора и домой», — говорили онѣ; «здѣсь становится слишкомъ жарко и насѣкомыхъ отъ такого зноя стало уже очень мало; и тамъ намъ, вѣрно, не будетъ холодно: тамъ скоро будетъ лѣто».

И вотъ однажды вся стая ласточекъ вспорхнула и пустилась въ обратный путь.

«Прощайте, прощайте»! говорили имъ цвѣты и деревья.

«Прощайте, но не надолго»! весело отвѣчали ласточки. «Когда у насъ станетъ холодно, мы къ вамъ опять прилетимъ».

Домой ласточки летѣли гораздо скорѣе: было время вить гнѣзда и нести яички, поэтому онѣ недолго останавливались на пути. Вотъ онѣ въ Россіи; вотъ и мимо Кіева пролетѣли; а

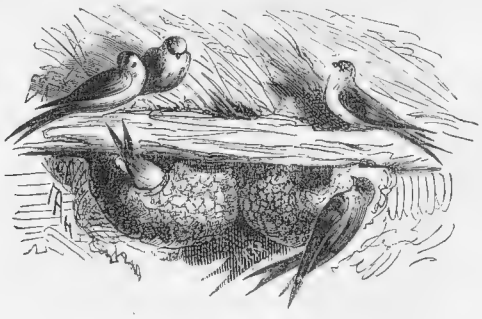
тамъ и широкая Волга осталась позади; наконецъ вдалекѣ блеснула знакомая рѣка, она уже близко, близко.

«Ласточки, ласточки прилетѣли»! кричатъ что есть мочи болтливые воробьи. «Что, не замерзли вы на пути? не умерли съ голоду»?

«А, это знаменитыя путешественницы», замѣчали насмѣшливыя галки. «Ну ужь наговорятъ же онѣ намъ разныхъ небывалыхъ сказокъ»!

Но ласточки спѣшили къ своимъ гнѣздамъ и потому не обращали вниманія на замѣчаніе галокъ. Не всѣ семейства нашли свои гнѣзда: нѣкоторыя были разрушены вѣтрами и дождями, въ томъ числѣ и гнѣздо маленькой ласточки. Однако мать и отецъ недолго предавались горю и бодро принялись за работу. Отецъ приносилъ грязь, солому, хворостъ, мохъ, вату, пухъ, а мать изъ всего этого свивала гнѣздышко и работа весело подвигалась впередъ; отецъ не переставалъ ей пѣть хорошенькія пѣсенки, чтобы развлечь ее и заставить забыть усталость. Когда гнѣздышко было готово, мать поселилась въ немъ, снесла яичекъ и стала высиживать ихъ. Старшіе же дѣти, по примѣру родителей, стали устраивать себѣ особенныя гнѣзда, и въ то время, какъ я пишу эти строки, маленькую ласточку можно только по привычкѣ называть маленькой; она уже мать семейства, у нея четверо малютокъ, которыхъ она очень любитъ, хотя онѣ подчасъ доставляютъ ей не мало хлопотъ: цѣлый день пищатъ, кричатъ и болтаютъ безъ умолку, точно галчата.

***.



МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Дѣти садятся за столъ. Отецъ, обыкновенно очень занятый дѣлами, имѣетъ не много времени чтобы самому заниматься съ двумя младшими мальчиками 6 и 7 лѣтъ; ему не мало хлопотъ и внѣ дома и дома со старшимъ сыномъ, который уже въ 3-мъ классѣ гимназіи и нерѣдко обращается къ нему за помощію по вечерамъ. Отецъ садится за столъ, беретъ салфетку и говоритъ:

«Ну, мальчуганы, что дѣлали утромъ?»

— Мы спускали мыльные пузыри; Ванѣ не удается, а у меня такіе славные, большіе—съ его голову.

«Что же вы сдѣлали?

— Да ничего; мы спускали пузыри, это такъ весело—они такіе пестрые, большіе, летятъ, летятъ и лопнутъ.

«А далѣе?»

— Далѣе ничего.

«Плохо, братъ, коли будешь такъ работать, что у тебя всегда будетъ ничего.»

— А тебѣ Ваня пузыри не удаются?

«Нѣтъ, папа! Я написалъ тебѣ письмо.»

— Покажи гдѣ.

Ваня выскочилъ изъ-за стола и черезъ минуту принесъ отцу на крышкѣ сигарнаго ящика слѣдующее, набранное подвижными буквами:

ПАПА КУПИ МНѢ КОРОБКУ МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

— Какую коробку мыльные пузыри?

«Да у Володи Булыжникова есть коробка, которая называется: мыльные пузыри; тамъ и баночка, и трубочка, въ которую дуть, и много еще вещей.

— Ну этого я не сдѣлаю, не стану бросать деньги на то, что ты можешь самъ сдѣлать. У твоего брата есть такая коробка? Нѣтъ; а пузыри пускать онъ умѣетъ. Стало быть, не въ коробкѣ сила. Лучше узнай у Коли какъ онъ дѣлаетъ все.

«Я ему хотѣлъ показать, вмѣшался Коля, давалъ и мыла наскобленнаго, и воды принесъ, даже разболталъ мыла въ водѣ, а онъ не хочетъ смотрѣть, говоритъ—я самъ сдѣлаю; а самъ сдѣлать не умѣетъ.

— Это хорошо, что самъ хочетъ, самому и надо все дѣлать; да только надо же прежде видѣть. Ты, Ваня, возьми мыла небольшой кусочекъ, простаго сѣраго или бѣлаго, которымъ моетесь, положи его на блюдечко или въ стаканъ; налей немного воды и разболтай, или пальцемъ разотри его немного такъ, чтобы вода была немного бѣловатая, мыльная. Потомъ возьми бумажку, сверни ее фунтикомъ, обрѣжь широкій край ровно, обмокни его въ мыльную воду и дуй тихонько, сильно подуешь—ничего не будетъ. Вотъ и вся мудрость.

«Папа, я дую въ соломенку, разщепленную крестомъ на концѣ,» вмѣшался опять Коля.

— Ну все равно, вѣдь дѣло-то не въ томъ, во что дуть, а въ томъ, чтобы воздухъ изо рта шелъ внутрь мыльной воды, растягивалъ, раздувалъ ее все болѣе и болѣе тонкимъ слоемъ поверхъ того воздуха, который выходитъ изо рта; если пузырь очень великъ, онъ отъ тяжести оторвется самъ и полетитъ отъ малѣйшаго вѣтерка; это оттого, что внутри его воздухъ очень тепелъ, какъ внутри легкихъ—значитъ градусовъ 30. Если пузырь самъ не отстаетъ отъ бумаги, его можно и спустить: когда раздуешь пузырь, подними руку вверхъ, отведи ее тихонько всторону и потомъ вдругъ отдерни. Лѣтомъ на воздухѣ это особенно весело — вѣтеръ подхватитъ пузырь и понесетъ его далеко, далеко. Самое пріятное въ этомъ дѣлѣ — это конечно игра цвѣтовъ, которые тѣже самые какъ и въ радугѣ.

Впрочемъ и въ комнатѣ днемъ, и даже вечеромъ при свѣчахъ, можно любоваться тѣми же цвѣтами; только при лунномъ свѣтѣ ничего не увидишь. Вотъ эти цвѣта:

Синій.

Зеленый.

Желтый.

Оранжевый.

Красный.

Фіолетовый.

— Неужели всегда одни и тѣже цвѣта? спросилъ Коля.

— Да всегда; ихъ видно нетолько въ радугѣ; это тѣже цвѣта, которые играютъ въ бриліантѣ кольца нашей мамаши, въ серьгахъ сестры; тѣже цвѣта, которые видите смотря на что либо сквозь граненыя стекла отъ люстръ.

«Отчего же это одни и тѣже цвѣта»?

«Это длинная исторія мой другъ, а супъ совсѣмъ простылъ. Довольно съ тебя и того, что ты полюбуешься цвѣтами мыльнаго пузыря и замѣтишь, что всѣ краски въ природѣ суть или именно эти цвѣта, или различная смѣсь ихъ, и что изъ этихъ цвѣтовъ можно получить опять бѣлый цвѣтъ. Я когда нибудь разскажу вамъ, какъ это сдѣлать. Теперь замѣтьте, что мыльный пузырь можно сдѣлать и безцвѣтнымъ; если набрать въ ротъ табачнаго дыма и потомъ вздувать пузырь—игры цвѣтовъ не будетъ.

«Нельзя-ли, папа, сдѣлать такъ, чтобы онъ не лопался?»

— Если прибавить немного глицерина, онъ долѣе продержится, а всетаки лопнетъ; но выдуваютъ точно такіе же тонкіе пузыри изъ расплавленнаго стекла, только въ нихъ нѣтъ тѣхъ цвѣтовъ.

«Но вѣдь соломенка или бумажка сгорятъ въ расплавленномъ стеклѣ?»

— Соломенка и бумажка—да; оттого на стеклянныхъ заводахъ берутъ вмѣсто соломенки длинныя, аршина въ 4, деревянныя съ желѣзнымъ наконечникомъ трубки и дуютъ въ нихъ. Точно также дѣлаютъ или выдуваютъ бутылки изъ простаго зеленаго стекла, или вотъ такіе какъ на нашемъ столѣ графины изъ чистаго бѣлаго стекла. Чтобы придать правильный видъ, какой хотятъ, дѣлаютъ изъ дерева или изъ чугуна форму и раз-

дувая пузырь, скоро ворочаютъ по этой формѣ до тѣхъ поръ, пока стекло не застынетъ на столько, что удержитъ форму и тогда, когда перестанутъ дуть. Ежели графинъ не удался, его бросаютъ опять въ печь, или въ горшокъ, гдѣ плавится стекло, и дѣлаютъ новый графинъ. Точно также выдуваютъ изъ горячаго стекла формы виноградины, вишень, и др.;потомъ ихъ раскрашиваютъ; оттого я и не люблю этихъ вещей: онѣ стеклянныя, очень ломки и при вашей неосторожности легко перерѣжутъ вамъ руки.

«А мыльнымъ пузырямъ можно придавать разную форму?»

— Можно, надо только сдѣлать изъ проволочки именно ту форму, которую желаютъ имѣть; вставить отверстіе трубочки съ мыломъ внутрь этой формы и дуть осторожно; мыльная вода остановится по проволочкамъ, обозначающимъ края этой формы. Жаль только, что этихъ формъ сохранить нельзя: мыльный пузырь всегда мыльный пузырь—лопнетъ и ничего не останется.

— Тебѣ кажется, папа, не нравится, что братья пускаютъ мыльные пузыри; а намъ учитель говорилъ, что какой то ученый, Ньютонъ кажется, написалъ ученое сочиненіе о мыльныхъ пузыряхъ,—вмѣшался старшій братъ.

«Не только Ньютонъ, и ты можешь найти много любопытнаго и полезнаго въ самыхъ простыхъ играхъ и занятіяхъ, да только надо умѣть смотрѣть на все и думать о томъ, что видишь. — Вотъ будешь учиться о свѣтѣ — узнаешь, что на томъ же мыльномъ пузырѣ можно доказать, что луна свѣтитъ намъ не своимъ, а чужимъ свѣтомъ. Напомни мнѣ объ этомъ въ лунный вечеръ лѣтомъ — мы займемся вмѣстѣ. А теперь довольно и того съ тебя, если сдѣлаешь слѣдующій опытъ: возьми мыльной воды, вставь въ нее хоть соломенку, и дуй не вынимая соломенки—получишь пѣну — вглядись въ нее и замѣть, какъ одинъ пузырь поднимается подъ другимъ, какъ вновь образовавшійся измѣняетъ формы всѣхъ предъидущихъ; увидишь множество многогранниковъ, совершенно правильныхъ и когда вглядишься внимательно—тебѣ станутъ понятны формы растительныхъ клѣточекъ и происхожденіе въ природѣ различныхъ видоизмѣненій этихъ формъ.

— А вы что, пузыри, тамъ перешептываетесь?

— Мы хотимъ изъ стекла выдувать пузыри.

— Ну ужь нѣтъ; ручаюсь, что вы потерпите *фіаско*.

— Что такое фіаско, папа? спросилъ старшій братъ, гимназистъ.

«Эта поговорка вотъ откуда пошла. Давно, лѣтъ 250 тому назадъ, когда стеклянными вещами еще славилась Венеція, одинъ нѣмецкій графъ видѣлъ въ Венеціи какъ дѣлаютъ оконныя стекла и разныя стеклянныя вещи, и когда воротился въ Миланъ, то очень много разсказывалъ о томъ, какихъ славныхъ вещей онъ себѣ надѣлаетъ. Однажды къ нему собралось много гостей. Онъ, желая хвастнуть передъ ними, взялся сдѣлать какую то замысловатую вещь. Зажегъ спиртовую лампочку, положилъ на уголекъ кусокъ, расплавилъ его паяльною трубкою, потомъ помокнулъ конецъ паяльной трубки въ жидкое стекло и началъ дуть—у него вышло нѣчто въ родѣ бутылочки, фляжки, по италіански фіаско—fiasco.—Тщеславный господинъ какъ ни бился—ничего не выходило кромѣ фіаско.—Оно бы и ничего: мало ли что кому не удается, но онъ столько нахвасталъ прежде и такъ былъ тщеславенъ, что оставилъ свой домъ и уѣхалъ въ другой городъ.

Марцеллъ.

ИГРЫ И ЗАНЯТІЯ.

ШАХМАТЫ.

Къ этому нумеру «Семьи и Школы» мы прилагаемъ 32 фигуры для игры въ шахматы. Конечно, прежде чѣмъ начать играть, надо склеить фигуры, такъ, чтобы онѣ стояли на кружочкахъ. Склеите же ихъ и сядемъ играть.

Играть въ шахматы можно только вдвоемъ. Возьмемъ по 16-ти фигуръ; я, пожалуй, возьму темныя, а вы берите свѣтлыя. Вы видите, что здѣсь фигуры не одинакія какъ въ шашкахъ, а разныя; я долженъ сказать вамъ, какъ онѣ называются. Вы взяли (да и я тоже): короля, королеву, двухъ офицеровъ, двухъ коней, двѣ башни (ихъ называютъ также «пушками» и «турами») и 8 пѣшекъ.

Играютъ въ шахматы на шашечной доскѣ. (Такъ какъ та, которую вы получили при 1-мъ №, вѣроятно уже поистерлась, то мы посылаемъ вамъ новую). Положимъ между нами доску такъ, чтобы угловой лѣвый квадратъ былъ темный, и начнемъ разставлять фигуры. Возьмите прежде всего 2 башни и поставьте ихъ одну въ лѣвый, другую въ правый уголъ. Рядомъ съ ними (т. е. на вторыхъ квадратахъ отъ угловъ) поставьте коней, рядомъ съ конями—офицеровъ, а на среднихъ двухъ квадратахъ—короля и королеву; свѣтлый король (т. е. вашъ) долженъ въ началѣ игры стоять на темномъ квадратѣ, а темный—на свѣтломъ, такъ что наши короли и королевы стоятъ другъ противъ друга. Первый рядъ, такимъ образомъ, занятъ; во 2-мъ ряду поставимъ пѣшекъ (ихъ 8, и квадратовъ 8).

Теперь мнѣ нужно объяснить вамъ правила игры.

Чтобы рѣшить, кому начинать первую игру, бросаютъ жребій; при слѣдующихъ же играхъ ходитъ тотъ, кто выигралъ послѣднюю игру.

Берутъ чужую фигуру не такъ, какъ при игрѣ въ шашки, а, снявъ ее съ доски, ставятъ свою фигуру на ея мѣсто.

Брать чужую фигуру не обязательно; если находите болѣе выгоднымъ—можете и не брать.

Ходятъ фигуры различно. Для ясности, я покажу вамъ это на рисункѣ.

57	58	59	60	61	62	63	64
49	50	51	52	53	54	55	56
41	42	43	44	45	46	47	48
33	34	35	36	37	38	39	40
25	26	27	28	29	30	31	32
17	18	19	20	21	22	23	24
9	10	11	12	13	14	15	16
1	2	3	4	5	6	7	8

1) **Пѣшка** ходитъ на одинъ шагъ *впередъ* передъ собою (напр. съ № 12 можетъ идти только на № 20, съ 9 на 17); брать она можетъ только накось на право и на лѣво, впередъ (съ № 12 можетъ взять только фигуру, стоящую на № 19 или № 21). Остальныя фигуры берутъ такъ, какъ ходятъ, и могутъ ходить впередъ и назадъ.

2) **Башня** идетъ только по прямому направленію, но не по косому, на сколько угодно квадратовъ, впередъ и назадъ (съ № 20, положимъ, она можетъ дойти до №№ 4, 17, 24 и 60).

3) **Офицеръ**, напротивъ, ходитъ только по косому направленію, т. е. съ № 20 до №№ 6, 41, 2, 56.

4) **Королева** имѣетъ право ходить, какъ офицеръ и какъ башня.

5) **Король** можетъ подвигаться каждый разъ только на одинъ квадратъ по какому угодно направленію.

6) **Конь** ходитъ очень странно. Если онъ стоитъ на темномъ квадратѣ, то можетъ стать только на свѣтлый, но не на тотъ, который рядомъ съ нимъ, а на слѣдующій; а съ бѣлаго онъ становится на такой же темный. Напримѣръ съ № 20 конь можетъ стать на №№ 3, 5, 14, 30, 37, 35, 26 и 10.

На первый разъ довольно если вы запомните эти ходы; а въ слѣдующій разъ будемъ играть. Скажу только, что вся задача игры—взять короля, такъ какъ тотъ, у кого взятъ король, проигрываетъ.

А. К.

УГАДАТЬ,

КТО ВЗЯЛЪ КОТОРУЮ ИЗЪ ДВУХЪ ИЛИ ТРЕХЪ ВЕЩЕЙ.

Сначала я объясню вамъ какъ угадать, если взяты двѣ вещи. Положите ихъ на столъ (положимъ, это будетъ ножикъ и карандашъ), а въ руку возьмите 9 картъ. Назовите каждую изъ вещей въ умѣ особымъ нумеромъ: ножикъ—№ 1, а карандашъ—№ 2. Дайте и двумъ лицамъ, которыя будутъ брать вещи, также №№, положимъ Ваня будетъ № 1, а Коля—№ 2 (разумѣется имъ самимъ объ этомъ незачѣмъ говорить). Изъ 9-ти картъ, дайте Ванѣ одну, а Колѣ двѣ. Оставьте затѣмъ карты на столѣ и попросите, чтобы тотъ, кто возьметъ въ ваше отсутствіе ножикъ (№ 1), взялъ изъ оставляемыхъ картъ еще *столько*, сколько вы ему дали, а тотъ, кто выберетъ карандашъ (№ 2), возьметъ *вдвое* больше чѣмъ у него теперь на рукахъ. Уйдите въ другую комнату и возвратясь возьмите тѣ карты, которыя затѣмъ остались излишними.

Если на столѣ 1 карта, то Ваня (№ 1) взялъ ножикъ (т. е. у него теперь двѣ карты), а у Коли 6 картъ, такъ какъ онъ взялъ карандашъ. Если же Ваня взялъ бы карандашъ, а Коля ножикъ, то на столѣ осталось бы двѣ карты, такъ какъ тогда у Коли было бы на рукахъ 4 карты, а у Вани 3. Такъ какъ здѣсь возможны только два случая, то разсчитать не трудно. Впрочемъ, для большаго удобства, можно помнить слѣдующую фразу: «Павелъ ѣхалъ». Здѣсь первый слогъ каждаго слова означаетъ того, кому выдали № 1, а второй слогъ—№ 2.

Буква *а*—№ 1 вещи, а буква *е* (или *ъ*)—вещь № 2. Наконецъ, первое слово примѣнимо въ томъ случаѣ, когда остается одна карта, а второе слово—если остаются двѣ карты. Слѣдовательно, если осталось на столѣ двѣ карты, то берете слово «ѣхалъ»: у перваго слога т. е. у Вани вещь № 2 (ѣ), а у втораго слога т. е. у Коли вещь № 1 (а). Если же на столѣ 1 карта, то, вспомнивъ слово «Павелъ», вы увидите, что вещи взяты въ другомъ порядкѣ.

Когда вещей не двѣ, а три, и столько же выбирающихъ, то надо взять не 9, а 24 карты, дать первому—одну, второму—двѣ, третьему—три, и просить, чтобы тотъ, кто возьметъ третій предметъ, бралъ со стола *вчетверо* больше картъ, чѣмъ у него на рукахъ. Такъ какъ теперь перемѣнъ въ расположеніи предметовъ можетъ быть не 2, а 9 (каждый можетъ брать одинъ изъ 3-хъ предметовъ), то двухъ словъ окажется мало для угадыванія; надобно прибавить еще по крайней мѣрѣ 4 слова, чтобы однимъ изъ 6-ти словъ опредѣлить у кого изъ двухъ товарищей какая вещь, а про третьяго тогда легко уже будетъ сказать. Прибавимъ поэтому еще 4 слова къ прежнимъ двумъ и возьмемъ напримѣръ такія фразы: «Павелъ ѣхалъ, парни сѣли, сивка—тише» *). Здѣсь уже входитъ еще одна новая гласная *и*, которая будетъ означать вещь № 3. Картъ можетъ теперь оставаться на столѣ: 1, 2, 3, 5, 6, 7. Помните всѣ шесть словъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они написаны, и берите такое изъ этихъ словъ, которое соотвѣтствуетъ этому порядку цифръ, такъ какъ и цифръ приведено шесть, и словъ—столько же. Слѣдовательно:

«Павелъ ѣхалъ, парни сѣли, сивка тише».
1 2 3 5 6 7.

Значитъ, если на столѣ остается 5 картъ, то у № 1—вещь № 2 (ѣ), а у № 2—вещь № 3 (и), слѣдовательно у № 3—вещь № 1.

А. К.

---

*) Вы можете придумать и другія фразы, если хотите; только наблюдайте, чтобы три гласныя буквы шли въ нихъ въ томъ же порядкѣ.

ОХОТА ЗА ВОЗДУШНЫМЪ ШАРОМЪ.

1.

У Миши красный шаръ, живой шаръ, который самъ подымается на воздухъ.

Миша съ гордостью показываетъ его маленькой сестренкѣ Лёлѣ.

2.

Но, расхваливая свой шаръ, Миша забылъ крѣпко держать питку: онъ открылъ пальчики.

Шаръ улетѣлъ, какъ птичка, и притаился на потолкѣ.

Какъ его оттуда достать?

3.

Лёля совѣтуетъ Мишѣ бросить въ бѣглеца шаръ своихъ кеглей, и даже, пожалуй, кегли. Шаръ испугается и сейчасъ же спустится внизъ.

Но Миша не можетъ бросить кегельный шаръ такъ высоко. Онъ такой тяжелый.

4.

Послѣ этого въ погоню за шаромъ были брошены кегли.

Но вотъ одна изъ нихъ упала на столъ и все сломала; подсвѣчники на полу.

Миша начинаетъ думать, что совѣтъ Лёли не совсѣмъ-то хорошъ.

5.

Миша придумалъ другое.

Онъ пошелъ въ переднюю за большою щеткою, которою Иванъ снимаетъ паутину.

Ну, теперь берегись, шаръ! Особенно, если Лёля поможетъ Мишѣ.

6.

Самое трудное—поставить щетку. Вдвоемъ они почти ее поставили.

Еще, еще немножко—и шалунъ шаръ пойманъ.

7.

У этихъ большихъ щетокъ такая тяжелая голова.

Щетка упала на большое зеркало. Она его разбила на мелкіе кусочки. Она сбросила на полъ свѣчки, вазочки, все—и даже Мишу.

8.

Щетка, правда, поймала наконецъ шаръ, но такъ грубо: онъ лопнулъ; и этотъ красивый красный шаръ упалъ на полъ—пустой, смятый, мертвый! Никто не подумаетъ, увидѣвъ его теперь, что онъ былъ прежде такой хорошенькій, круглый, живой, легкій!